

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

ВЫПУСК № 1 (90)

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЯНАО:
ВЗГЛЯД ИЗ МУЗЕЙНЫХ ХРАНИЛИЩ
К 110-летию основания музея в Обдорске**

Салехард – Тюмень
2016

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 1 (90)

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЯНАО: ВЗГЛЯД ИЗ МУЗЕЙНЫХ ХРАНИЛИЩ
К 10-летию основания музея в Обдорске**

Салехард – Тюмень
2016

УДК 94(571.121):069
ББК 63.3(2Рос-6Яма)+72.471.9
Н 34

Редакционная коллегия:

Копцева Татьяна Валериевна —
директор ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И. С. Шемановского», к. и. н.,
Данченко Евгений Михайлович —
заместитель директора ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И. С. Шемановского», к. и. н. – ответственный редактор,
Гурьянова Галина Геннадьевна —
заведующая презентационно-издательским отделом ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной
музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», к. и. н.,
Фёдорова Наталья Викторовна —
ведущий научный сотрудник, заведующий сектором археологии отдела археологии и этнологии
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к. и. н.,
Вороненко Александр Григорьевич —
заместитель директора ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики» по научно-исследовательской работе, к. п. н.

Технический редактор — Шлюшинская Ольга Владимировна

Научный вестник № 1 (90). История и культура ЯНАО: взгляд из музейных хранилищ.

Н 34 К 110-летию основания музея в Обдорске. — № 1 (90). — Салехард – Тюмень, 2016. — 84 с.
ISBN 978-5-9908628-1-4

В очередной выпуск «Научного вестника ЯНАО», приуроченного к 110-летию Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, вошли публикации его сотрудников, посвященные различным вопросам музееведения, изучения палеонтологических, археологических, фольклорных материалов, документальных фондов, произведений изобразительного искусства.

Сборник адресован всем, интересующимся музейной работой, научными исследованиями и популяризацией их результатов, имеющих важное значение для формирования региональной идентичности.

УДК 94(571.121):069
ББК 63.3(2Рос-6Яма)+72.471.9

ISBN 978-5-9908628-1-4

© Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ РЕДАКТОРА	4
<i>Копцева Т. В.</i> СЛОВО О МУЗЕЕ: ИТОГИ XXII ПЯТИЛЕТКИ	5
<i>Данченко Е. М.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ: ПОСТМОДЕРНИЗМ VS ПОЗИТИВИЗМ.....	8
<i>Баранов С. М.</i> МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ПОСЛАНИЕ.....	12
<i>Хозяинова Е. Ю.</i> ХРОНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ МАМОНТЕНКА ЛЮБЫ	14
<i>Карзанова Г. А.</i> МАМОНТ В МИФОЛОГИИ СЕЛЬКУПОВ	19
<i>Соболева О. В.</i> ЗНАТНЫЙ ВИД СРЕДЬ МЯГКОЙ РУХЛЯДИ: О МЕСТЕ СОБОЛЯ В ПРИРОДЕ, ПУШНОМ ПРОМЫСЛЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАНТЫ.....	23
<i>Могрицкая В. Ю.</i> ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МВК.....	28
<i>Перцев Н. В.</i> ОБСКИЕ ГОРОДКИ УГОРСКИХ «КНЯЗЬЦОВ» В ПИСЬМЕННЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVIII ВЕКОВ	33
<i>Питухин С. В.</i> ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ОДНОМ ИЗ ПРЕДМЕТОВ С ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАР 1.....	39
<i>Липатова Л. Ф.</i> ИЗ ИСТОРИИ ОБДОРСКОЙ ЦЕРКВИ ПЕТРА И ПАВЛА	42
<i>Гаглоева Н. С.</i> САЛЕХАРД СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В ФОТОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ	48
<i>Мазурин А. Б.</i> МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА № 501 В ПИСЬМАХ И ФОТОГРАФИЯХ Ф. И. ПОЧКИНА	54
<i>Самсонова О. Н.</i> ПОРТРЕТЫ ОТЦА ИРИНАРХА ИЗ ФОНДОВ МВК	62
<i>Гурьянова Г. Г.</i> КОЛЛЕКЦИЯ ГРАФИКИ ИЗ СОБРАНИЯ МВК КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	65
<i>Поленова Г. А.</i> О СОСТАВЕ И ТЕМАТИКЕ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В. П. ЕВЛАДОВА.....	70
<i>Галеева Н. Ф.</i> РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ВАТАН» В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР ЯМАЛА	74
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	78
ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ.....	79
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	80
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	82

ОТ РЕДАКТОРА

Новый выпуск «Научного вестника Ямало-Ненецкого автономного округа» приурочен к 110-летию основания музея в Обдорске — Салехарде, первоначально названного его основателем отцом Иринархом (в миру — И. С. Шемановским) «Хранилищем коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера», позднее преобразованного в Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей, а затем в Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс. В 1996 году он получил имя своего основателя — И. С. Шемановского. В связи с юбилеем МВК коллеги из Научного центра изучения Арктики предоставили нам возможность опубликовать свои статьи в «Научном вестнике», выделив для этого специальный выпуск. Пользуясь случаем выразить благодарность по этому поводу, замечу, что выход Вестника со статьями музейных работников — далеко не единственный пример сотрудничества между двумя нашими учреждениями. Оно было заложено в самой идее возникновения в Салехарде Научного центра, сектор археологии которого наполовину укомплектован археологами, ранее работавшими в музее. И с тех пор сотрудничество центра и музея не прерывается: мы проводим совместные экспедиции и выставки, совместно готовим к постановке на учет в фонды музея коллекции, полученные в результате раскопок. Мы вместе участвуем в музейных праздниках, выступаем с докладами на одних и тех же конференциях, публикуем научные статьи и специфические музейные издания — буклеты, каталоги, календари и открытки. Подобное взаимодействие можно лишь приветствовать, поскольку оно не только способствует научным исследованиям, но и обеспечивает популяризацию результатов, доводя их до широкой общественности.

Осознавая ответственность за формирование особого выпуска «Научного вестника», хочу отметить некоторые особенности «музейной» науки, которая ориентирована, прежде всего, на широкую аудиторию. Это приучает контактировать не только — и не столько — со специалистами в тех или иных областях науки, но в большей степени с различными категориями посетителей, среди которых немалую часть составляют дети. Научные знания, безусловно, необходимы для создания достоверных реконструкций объектов или событий, но при этом

«язык» статей и экспозиций должен быть доходчивым, а экскурсии понятными и интересными.

Второй особенностью науки в музеях является ее тесная связь с краеведением, которое развивается благодаря не только профессиональным ученым, но и энтузиастам без степеней и званий. Известна роль краеведов, большая часть из которых попала на Обдорский Север далеко не по своей воле, в формировании фондов музея, расширении его исследовательских программ. Не менее значима она и сейчас.

Краеведческий музей, как правило, ориентирован на создание всестороннего представления о какой-либо территории — ее природно-географических, историко-культурных особенностях, национальном и конфессиональном составе населения, хозяйственной специализации, административном делении и т.п. Это обуславливает еще одну особенность музейных научных исследований — в них участвуют специалисты в самых разных областях, включая прикладные. Принимая во внимание то, что в современной методологии междисциплинарный подход является общепризнанным, нетрудно понять, почему изучение некоторых проблем невозможно отнести к компетенции какой-либо одной конкретной науки. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с содержанием настоящего сборника.

И еще одна важная деталь: понятно, что доступные посетителям артефакты или документы можно сравнить с надводной частью айсберга. Музейщиков часто упрекают в том, что они «хранят, но не выставляют» большую часть фондовых коллекций. Отчасти заполнить эту лакуну, дать возможность широкой публике «увидеть» фондовые коллекции, документы, старинные фотографии, собрание библиотеки — одна из задач музейных изданий вообще и настоящего выпуска «Научного вестника» в частности. Мы искренне надеемся, что первый опыт этого издания не будет последним.

В заключение хотелось бы еще раз выразить признательность коллегам из Центра изучения Арктики за любезно предоставленную возможность публикации наших трудов, поблагодарить авторов, принявших участие в издании, и поздравить всех с юбилеем МВК имени И. С. Шемановского.

*Ответственный редактор сборника,
к. и. н. Е. М. Данченко*

СЛОВО О МУЗЕЕ: ИТОГИ XXII ПЯТИЛЕТКИ

В преддверии 110-летия музея им. И. С. Шемановского автор статьи ставит вопросы о назначении музея как коммуникационного канала, важнейшего фактора формирования региональной идентичности. В этом ключе рассматривается деятельность современного Ямало-Ненецкого музейно-выставочного комплекса: дается обзор основных видов деятельности МВК — учетно-хранительской, научной, просветительской, издательской; приводится география выездных выставок; характеризуются новые формы работы с посетителями, в частности, с детьми; рассказывается о принципиально новом направлении — Военно-историческом клубе. В заключении отмечается, что современный МВК полностью оправдывает как идею основателя, видевшего в нем верный залог будущего интеллектуального развития края, так и современные общественные вызовы.

Ключевые слова: музей, образовательно-коммуникативный центр, деятельность музея, проекты, основные приоритеты.

Современный музей — один из ведущих центров гуманитарного становления личности, важнейший фактор формирования этнокультурной идентичности. Особенно этот фактор важен в регионах проживания коренных малочисленных народов, не имеющих своей письменной истории. Именно музей, таким образом, представляет собой коммуникационный канал, связывающий мир современного человека и историко-культурный континуум, моделирующий их диалог как способ осмысления прошлого и настоящего.

История Ямала, как и история других регионов, интересна и полна событиями, но в отличие от многих из них до сих пор не заняла должного места в рамках циркумполярных арктических пространств в силу недостаточного знания о ней. Путь освоения и развития территории был долог и своеобразен: от периодических посещений ее коллективами охотников на мамонтов в ледниковую эпоху до создания уникальных систем адаптаций, большая часть из которых существует и поныне, лишь незначительно меняясь во времени; от первых свидетельств включенности ее в международную торговлю до освоения в начале II тыс. н. э. Северного широтного хода. Отдельная страница истории региона — эпизоды, связанные с присоединением Сибири к Московскому государству, русской колонизацией, миссионерством. Современное освоение Ямалского Севера началось с эпохи разработки нефтегазовых месторождений, но уже в последнее время его лейтмотивом стала гармонизация отношений аборигенной культуры и культур нового населения региона.

Важность задачи сохранения историко-культурного наследия народов ЯНАО, бережного отношения к накопленному тысячелетиями опыту и традициям прошлого, сформулированная Губернатором округа и обозначенная контекстом государственной политики, определили место региона как ключевого участника арктической политической и культурной составля-

ющей, предопределив формирование новой системы координат. Этими координатами могут служить новые образы территорий и их столиц. Сегодня ЯНАО — территория, позиционирующая себя не только и не столько как источник углеводородного сырья, но и как культурный центр арктического (циркумполярного) региона, который ставит и решает глобальные задачи просвещения населения в области исторического наследия, формирования локальной идентичности, воспитания детей и молодежи в духе патриотизма, уважения к уникальной культуре региона, создания и поддержания положительного имиджа округа.

В таком ракурсе иначе воспринимается место музея: не как консервативного и «консервирующего» компонента культуры, а как центра гуманитарного становления личности, держателя символических акций территории. От вложения в них сегодня зависит очень многое: привлекательный образ территории, ее устойчивое развитие, конкурентоспособность, инвестиционный климат, социальное благополучие, эмоциональный комфорт жителей.

Сберечь интерес к истории родного края, хранить и преумножать культурное богатство — сложная и почетная миссия, которую более века воплощает главный ямальский музей, основанный в 1906 году миссионером-просветителем игуменом Иринархом — Иваном Семеновичем Шемановским. Музей прошел долгий исторический путь от «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера» до современного музейно-выставочного комплекса, являющегося средоточием объектов исторического наследия, научным и образовательным центром, местом проведения культурного и интеллектуального досуга.

Музейное собрание, насчитывающее более сотни тысяч единиц хранения, уникально по широте охвата предметного мира, оно представлено экспонатами по палеонтологии, биологии, геологии, археологии,

истории России от древнейших времен до наших дней, этнографии народов Севера и произведениями народного искусства, шедеврами живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, предметами и документами, раскрывающими политическую историю страны.

Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского активно осуществляет многочисленные музейные проекты, в которых отражен определенный взгляд на миссию музея вообще и его социальные функции в частности. Один из них представляет музейную экспозицию как источник знаний, факт интерпретации культурного наследия, способ передачи поколениям исторического опыта. Другой — рассматривает МВК как одно из учреждений досуговой сферы, призванной удовлетворять запросы потребителей культурных услуг. Отсюда главное требование к экспозиции музея — ее зрелищность и высокий научно-образовательный потенциал.

Итак, очередная «пятилетка», прошедшая со 105-летия музея, подходит к концу и подведение ее итогов неминуемо. Наш музейно-выставочный комплекс развивается в полном соответствии с намеченными приоритетными задачами, четко ориентируясь на четыре основные функции музея — хранить, изучать, пополнять и представлять историко-культурное наследие — не выпуская из вида, что нет предела совершенству.

За минувшие пять лет наш совокупный музейный фонд вырос почти в два раза — с 58,5 тысяч единиц хранения до 105 тысяч. Это стало возможным благодаря активизации хранительской деятельности и налаживанию четкого механизма учетной работы, что позволило достигнуть стопроцентного занесения в электронную базу данных всех принимаемых предметов и коллекций.

Комплектование фондов является одним из основных видов деятельности музея. С большей или меньшей интенсивностью оно продолжалось и продолжается на всех этапах его существования. На протяжении последних пяти лет комплектование фондов МВК происходило в результате нескольких направлений: собирательская деятельность, акции дарения, результаты историко-бытовых, естественнонаучных, археологических экспедиций (результаты последних, кстати, являются основным источником увеличения числа фондовых предметов).

Археологическая коллекция представлена экспонатами широкого временного охвата, от каменного века до средневековья. Наиболее значимыми поступлениями последних лет стали коллекции с таких памятников, как поселение эпохи энеолита Горный Самотнел, древнее святилище Усть-Полуй, могильник Зеленый Яр, Надымское городище, городище Мангазея.

Результатом ставших популярными в последние годы акций дарения стало пополнение музейного фонда такими раритетами, как «Атлас офицера» — уникальное издание 1947 года, кованный сундук начала XX века и даже эксклюзив — платяная вешалка с подписью Августы Бронниковой, проживавшей в Обдорске в конце XIX — начале XX века.

Фонды музея в последние годы пополнились собранием живописи и графики ленинградских художников, приехавших в Салехард по комсомольской путевке в 1960-е годы. Теперь картины, написанные в середине XX века на Ямале, хранятся в фондах МВК. Еще одним значительным пополнением фондов стал комплекс ритуальных предметов селькупского шамана, состоящий из уникального бубна, шкуры медвежонка, идолов и различных подвесок. Весь комплекс датируется 1950-ми годами.

Научно-фондовая работа включает в себя не только пополнение, но и научное изучение коллекций. Отсутствие либо неполнота научных знаний о самом музейном предмете, либо об историческом явлении, которое он документирует, делает невозможным полноценное представление данного предмета зрителю, превращает музей в глазах посетителя в набор раритетов, лишенных реальной связи с историческим процессом. Предмет с историей или, как говорят музейщики, с легендой и атрибуцией в музее получает как бы новое рождение и становится основой для экспозиционной, экскурсионной, научной и издательской деятельности.

За минувшие пять лет в арсенале музейно-выставочного комплекса серьезная научно-исследовательская работа ведется в рамках различных проектов, таких как «Историко-культурное наследие ЯНАО: стабильность, трансляция, изменчивость», «Мамонты Ямала», «Возвращение знаний», «Навстречу Победе» и других. В рамках этих проектов осуществлялась издательская деятельность, включающая в себя богатый полиграфический спектр: от ежеквартальной газеты «Музейный вестник» и буклетов к выставочным проектам до научно-популярных и информационно-презентационных сборников и книжной продукции. Наиболее приметными остаются такие работы, как двухтомное издание «И. С. Шемановский. Избранные труды», книга Л. Ф. Липатовой «Легенды и были древнего Обдорского края», буклеты и альбомы, подготовленные сотрудниками МВК, два выпуска альманаха «История Ямала: взгляд из музейных хранилищ», а также подготовленные при участии наших сотрудников выпуски всероссийских журналов «Музей» и «Наше наследие». Золотым запасом учреждения являются выставочные и научные каталоги, сборники конкурсных работ, методические материалы к культурно-образовательным мероприятиям.

Знаковым событием 2012 года стала реализация грандиозного издательского проекта «Губернаторская электронная библиотека Ямало-Ненецкого автономного округа», который полностью соответствует целям и задачам, обозначенным Президентом и Правительством России по информатизации всех отраслей. Создание данного электронного ресурса, поддержанное Правительством ЯНАО, позволило решить ряд стратегических задач по формированию единого информационного пространства округа как компонента историко-культурного наследия России и циркумполярного региона; обеспечение сохранности редких книг, рукописей и периодических изданий, и обеспечение

электронного доступа к ним самому широкому кругу читателей и исследователей.

Серьезный вклад в дело сохранения музейных предметов вносит созданная на базе МВК в 2006 году единственная в округе реставрационная мастерская, задачей которой является консервация и реставрация археологических артефактов и палеонтологических находок. Особый технологический подход художников-реставраторов позволил сохранить и редчайшие предметы из дерева и бересты, которым не менее двух тысяч лет. В реставрационных центрах страны были отреставрированы чучело белого медвежонка, шаманский бубен и 17 книг фонда «Редкая книга», в том числе книги С. В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества», Е. Замысловского «Герберштейн и его историко-географические известия», отчеты православного миссионерского общества, обзоры Тобольской губернии, каталоги миссионерской библиотеки Братства святителя Гурия.

Однако, как уже было отмечено, цели и задачи музея не исчерпываются сбором и хранением экспонатов. Музей без посетителя точно так же теряет свой смысл, как и музей без научно систематизированных коллекций или без фондохранилищ.

На протяжении последних пяти лет количество посетителей музея заметно возросло благодаря продуманным образовательным и выставочным программам и поиску способов их презентации в медиапространстве. Число посетителей выставок, организованных на базе МВК, выросло в 3,5 раза (с 10 до 36 тыс. чел.), участников образовательных программ — в четыре раза (с 1,5 до 6,3 тыс. чел.), слушателей лекций — в 5,5 раз (с 0,9 до 4,9 тыс. чел.).

Это стало возможным, прежде всего, благодаря четкой, научно обоснованной концепции выставочной деятельности, увеличению числа разнообразных тематических и событийных экспозиций, представляющих интерес для посетителей различных возрастных и социальных категорий. Заметно расширилась и география выездных выставочных проектов МВК, как на территории автономного округа, так и за его пределами, и даже за рубежом. Так, ставший уже брендовым для округа экспонат «мамонтенок Люба» с 2012 по 2015 год побывал в Гонконге (КНР), Лондоне, Москве, Южно-Сахалинске, Калининграде, Ноябрьске, Санкт-Петербурге, Ханты-Мансийске, Краснодаре. В настоящее время он экспонируется в Королевском музее Британской Колумбии — Виктория (Канада).

Необходимо отметить не только количественный рост, но и изменения в качественном подходе к визуальной презентации наших предметов и коллекций: активное использование художественного и интерактивного

компонента при создании экспозиций, мультимедийное сопровождение выставок, а также модернизация сайта учреждения, включающая запуск информационно-справочной системы по коллекциям, что значительно расширило доступ посетителей к нашим экспонатам. На сегодняшний день электронный каталог содержит информацию о более чем 4500 музейных предметах, хранящихся в фондах МВК.

Кроме этого, с 2012 года в состав электронной системы учета КАМИС включен Модуль взаимодействия КАМИС и автоматизированной системы Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации — единой электронной базы данных, содержащей основные сведения о музейных предметах и музейных коллекциях, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Благодаря этому информация о музейных предметах систематически передается в Государственный каталог музейных предметов Российской Федерации.

Серьезный шаг вперед был сделан музейно-выставочным комплексом в области культурно-образовательной и просветительской деятельности. Появился и сразу же обрел массу постоянных участников такой масштабный проект, как Военно-исторический клуб МВК, объединивший несколько традиционных проектов и мероприятий, предложивший новые формы патриотической работы с детьми и молодежью. Практически одновременно стартовал культурно-образовательный проект для детей с ограниченными возможностями «Мир без границ», сразу же ставший востребованной площадкой для общения, развития и социальной интеграции особенных детей и их родителей. Одним из новых, полюбившихся посетителям направлений работы стало проведение музейных праздников, существенно выросло количество участников тематических мастер-классов на базе музея. Обе эти формы позволяют гармонично сочетать отдых, игру, творчество и просвещение. В 2016 году на базе Детского центра был запущен новый проект — «Экспериментальная музейная академия», воплощающий в себе комплексный инновационный подход к организации работы с юными посетителями, с использованием современного интерактивного оборудования и дидактических материалов.

Таким образом в юбилейном 2016 году мы сохраняем приоритет за тремя основными направлениями деятельности: учетно-хранительской, экспозиционной и культурно-просветительской, что всецело соответствует идее основателя музея игумена Ирнарха, видевшего в музее и библиотеке сокровище, которое служит верным залогом будущего интеллектуального развития Обдорского края.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ: ПОСТМОДЕРНИЗМ VS ПОЗИТИВИЗМ

В теории и практике музейного проектирования неизменно возникает вопрос об оптимальном балансе между научной достоверностью создаваемых экспозиций и творческой фантазией авторов. Наглядный пример различий в приоритетах исследователей и экспозиционеров дает сравнение позитивистского и постмодернистского подходов, которые сформировались в разное время, но в наши дни сосуществуют в академической науке и музееведении.

Ключевые слова: позитивизм, естественнонаучный подход, постмодернистская критика, музейные экспозиции.

ПОЗИТИВИЗМ: НАУЧНОСТЬ ИЛИ НАУКООБРАЗНОСТЬ?

Небывалые успехи в области естествознания, достигнутые в XIX веке, стали своего рода ориентиром для других областей знаний. Этому способствовал тезис позитивистской философии, согласно которому природа и общество развиваются по единым законам, а значит для того, чтобы сделать результаты исследований социокультурных явлений более доказательными и точными, избавиться от произвольного теоретизирования и умозрительных оценок необходимо перенести методы естественных наук в гуманитарную сферу.

Так, наглядной иллюстрацией естественнонаучного подхода в археологии стала разработка периодизации на основе палеонтологических данных о видовом составе фауны («эпоха мамонта»); для этой же цели использовался стратиграфический метод, заимствованный из геологии. Исследования физических антропологов позволили наметить этапы эволюции современного человека, соотнести находки останков различных видов гоминид с типами каменных орудий, провести расовую классификацию. В этнологии культурно-хозяйственные особенности населения, его антропологический тип, диета, психический склад, темперамент ставились в зависимость от природно-географических условий. При описании и классификации исследуемых объектов, определении пространственных ареалов, этапов существования, направления миграций, компонентов формирования опорными были внешние, визуально определяемые признаки, как если бы речь шла о минералогии, зоологии или ботанике. Разрабатывалась таксономия социальных групп, племенных и этнических обществ, а основной моделью развития материальной и духовной культуры, религии, социальной организации выступал эволюционный ряд, отражающий последовательную смену простейших примитивных форм все более сложными и прогрессивными. Подача материала

в музейных экспозициях обычно осуществлялась по хронологическому принципу. Широко использовались статистические данные в виде диаграмм, графиков, таблиц, а также картографирование, позволяющее наглядно устанавливать связь социально-экономических, культурных, военно-политических, демографических процессов с природным окружением.

Все это позволило не просто упорядочить археологические, этнографические, антропологические коллекции, хранящиеся в многочисленных музейных собраниях. В середине XIX века накопленные ранее разрозненные факты стали превращаться в систему знаний, в результате чего сформировались новые научные дисциплины — археология и этнология.

Однако эти бесспорные заслуги позитивизма не снимали вопроса о тождестве законов развития природы и общества и степени применимости естественнонаучной методологии в социокультурных исследованиях.

Расовое многообразие на планете свидетельствует о том, что на ранних этапах эволюции человечество приспособлялось к окружающим природным условиям также, как и все прочие биологические виды — путем изменения морфологических признаков. Но по мере развития культуры и общества роль естественного отбора неуклонно снижалась, что, по некоторым оценкам, привело к возрастанию числа людей со слабой нервной системой, эмоционально неуравновешенных, обостренно чувствующих несовершенство мира, склонных к неврозам и фобиям [Давиденков]. Именно таким индивидам необходимы дополнительные средства адаптации, которые дает творчество [Карпов; Хайкин]. Успешная реализация творческого замысла создает у каждого автора ощущение гармонии хотя бы в отдельно взятой сфере, на какой-то срок принося удовлетворение. При этом склонность одаренных людей к колебаниям при выборе решения облегчает поиск новых комбинаций из имеющихся исходных данных, что способствует совершению

открытий. В результате, чем изощреннее становится искусственная среда обитания, создаваемая благодаря развитию науки, техники, медицины, тем больше шансов на выживание получают слабые индивиды, вроде новорожденных весом в полкило, которые в прежних условиях естественного отбора были бы обречены. В итоге развитие социокультурной сферы неизбежно приводит к увеличению количества потенциальных творцов, активность которых в свою очередь еще больше ускоряет этот процесс. В отличие от борьбы за существование в биологических сообществах, конкуренция в экономике, науке, искусстве, гонке вооружений протекает, прежде всего, благодаря человеческому интеллекту, что ставит под сомнение правомерность механического проецирования естественнонаучной методологии на гуманитарную сферу.

В социокультурных исследованиях опора на внешние, визуально фиксируемые признаки не учитывает человеческую психологию, влияющую на идентичность. Так, половая принадлежность индивида, определяемая по объективным физическим признакам, может не совпадать с его субъективной сексуальной самоидентификацией, что в некоторых случаях приводит к смене пола. Другой пример дают результаты молекулярно-генетических исследований, которые показывают, что сходство по ДНК между представителями разных расовых типов может оказываться значительно выше, чем между людьми, относимыми по морфологическим признакам к одному и тому же типу. При этом объективная оценка антропологического состава изучаемой группы учеными может существенно отличаться от распространенных среди ее членов представлений о своей расовой принадлежности. Такие представления порой зависят не столько от реальных физических особенностей, сколько, например, от социального положения членов группы: по мере карьерного роста и утверждения в обществе его темнокожие представители постепенно «светлеют» в глазах окружающих и в своих собственных [Шандыбин, с. 26, 30]. Таким образом даже половая и расовая принадлежность, при всей их биологической обусловленности, далеко не однозначно проецируются на сознание людей, определяя их идентичность, социальные роли и модели поведения.

К сказанному можно добавить, что современная этнология не знает объективных критериев этнической принадлежности, которая определяется преимущественно самосознанием. Все прочие признаки — антропологический тип, язык, культура, территория проживания, общность происхождения и исторических судеб — могут быть этнопоказательными лишь в том случае, если сами представители этноса осознают их таковыми.

Не меньшую сложность создает многозначность элементов культуры, назначение и смысл которых в различных ситуациях могут меняться, подобно тому, как в зависимости от контекста изменчивы значения одних и тех же слов. Это многократно отмечалось этнографами, которые благодаря непосредственному общению с представителями изучаемых сообществ имеют возможность

оценить многофункциональность предметов, орнаментов, обрядовых действий и т. п. при неизменности их внешней формы [Данченко, 2009; Данченко, 2008]. К примеру, пояс является не только деталью костюма, но и элементом социального этикета, сословным маркером, указывающим на статус обладателя, оберегом. Железный топор помимо прямого назначения также может служить оберегом или использоваться в ритуалах, гаданиях, заговорах от болезней. Поэтому, оценивая элементы культуры по внешним формальным признакам без учета их многофункциональности, так же легко допустить ошибку, как при переводе иностранного текста без знания всех возможных лексических и фразеологических значений. Провозглашаемые в XIX веке приоритеты научности и «позитивного знания» в гуманитарных дисциплинах на поверку создавали лишь видимость наукообразности естественнонаучного подхода, не способного, как оказалось, проникнуть в суть многих социокультурных явлений.

Воистину, как писал Омар Хайям:

*«Все, что видим мы — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо скрытая сущность вещей не видна.»*

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КРИТИКА

Наиболее острой критике естественнонаучная методология была подвергнута сторонниками постмодернизма.

Согласно современной постмодернистской антропологии, культура, даже в традиционных обществах, всегда чутко реагирует на смену обстановки. Ее носители не только вынуждены постоянно приспосабливать уже выработанные модели адаптации к изменяющимся внешним условиям, но и «обыгрывать» имеющийся природный фон и элементы «культурного фонда» для создания различных «экспозиций» и образов, чтобы представить себя в наиболее выгодном свете в глазах сторонних наблюдателей. При этом стремление подчеркнуть свою самобытность может оцениваться как способ самосохранения и альтернатива растворению в инокультурной среде [Шандыбин, с. 20–25].

Подобная «комбинаторика» элементами культуры, в ходе которой то одни из них, то другие способны обретать культурно-показательное значение, означает, что диагностирующие маркеры изменчивы и носят не абсолютный, а скорее относительный, ситуативный характер. В свою очередь это объясняет изменчивость и многокомпонентность идентичности, имеющей множество ипостасей: половую, возрастную, национальную, региональную, профессиональную, субкультурную и т. п., причем в зависимости от складывающейся ситуации для каждого индивида на первый план может выходить то одна, то другая ее составляющая.

Вывод о том, что традиция — не догма, и ее носители в зависимости от социально-политической конъюнктуры способны целенаправленно создавать и использовать в собственных целях стереотипные

псевдотрадиционные образы, на постсоветском пространстве подтверждается многочисленными случаями «редактирования» истории, замены ее так называемой «новой мифологией» и ничем не подкрепленными генеалогическими схемами. Целью подобного мифотворчества является мобилизация населения республик и регионов для достижения целей, поставленных политической элитой.

Особенностью постмодернистского подхода стал принципиальный отказ от стремления к объективному описанию изучаемых явлений и их строгой классификации, которая нарушает «культурное многоголосие». Принято стало считать, что исследовательский субъективизм неизбежен, и бороться с этим бесполезно, а, следовательно, не стоит опасаться упреков в недостоверности собственных выводов.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ПОДХОДОВ?

При всей, казалось бы, очевидной разнице рассмотренных подходов принципиальных отличий между ними не так много. В постмодернизме прослеживаются элементы той же естественнонаучной методологии, но только в более продвинутом варианте. Учет данных ДНК при определении степени родства расовых групп на молекулярно-генетическом уровне или гормональных особенностей лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией стал возможен лишь на современном этапе развития науки. «Культурная полифония», комбинаторика элементами культуры в зависимости от складывающихся обстоятельств, находят аналогии в биологическом многообразии, обуславливающим взаимодействие видов и их борьбу за выживание. Смена пола у рыб, изменение внешнего облика представителей одного и того же вида ихтиофауны в зависимости от условий обитания вполне укладываются в этот круг примеров адаптации, которая является основополагающим стимулом развития. И если рассматривать культуру как адаптивную систему, то в ней, с одной стороны, заложен природосообразный принцип вариативности, а с другой, ее функционирование достигается средствами, присущими исключительно людям.

НАУЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ИЛИ ТВОРЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ?

И позитивистский, и постмодернистский подходы нашли отражение в самых разнообразных по форме и содержанию музейных экспозициях.

Как уже говорилось, для первого было характерно стремление к наукообразности с опорой на объективные данные, твердую фактологическую основу. Краеведческие экспозиции о природе и истории какого-либо региона отличались лишь характером представленных материалов, но не концепциями и способами их подачи: похожие карты ареалов, хронологическая последовательность этапов, эволюционно-стадиальный ход развития.

В пространственном решении археологических или исторических экспозиций наиболее часто использовался хронологический принцип. Во многом он себя оправ-

дывает, позволяя проследить генеральное направление развития природной среды и форм культуры, но вместе с тем подобное линейное построение зачастую формирует излишне схематизированное представление о ходе историко-культурного процесса. Известно, что в силу неравномерности социально-экономического развития в различных регионах археологические эпохи и исторические периоды сменяли друг друга не одновременно, в результате чего различные в культурно-хронологическом отношении комплексы могли сосуществовать в течение какого-то времени. В археологии и этнографии известны многочисленные случаи использования «антикварных» вещей спустя тысячелетия после их изготовления. Однако при создании экспозиции сотрудникам музея иногда приходится субъективно относить те или иные экспонаты к разделам, посвященным конкретным культурам или этносам, руководствуясь лишь внешними аналогиями.

Думается, что хронологический принцип размещения материалов различных археологических эпох полезно сочетать с проблемным показом отдельных сюжетов, например, демонстрирующих традиционность и преемственность культовой атрибутики западносибирских аборигенов, этапы развития металлургического производства и т.п.

Конечно, следует учитывать, что для посетителей зачастую важна не столько научная достоверность, сколько яркость и эффектность экспозиции, что может достигаться разными способами. Так, в музее Дуппель в Берлине воссоздана позднесредневековая немецкая деревня с характерными для того времени постройками, традиционными костюмами жителей, домашними животными, повозками и т.п. В Дрездене средневековые материалы из археологических раскопок на месте реконструкции городских улиц были представлены в виде неубранного стола после пирушки вагантов.

Одним из способов «обыграть» научную реконструкцию, сделать ее занимательной, интерактивной является эксперимент, в котором могут участвовать сами посетители, прежде всего, дети. В качестве возможных вариантов можно привести изготовление каменных или костяных орудий, керамической посуды с использованием древней технологии, реконструированной учеными.

Постмодернизм во многом был подготовлен ходом научно-технического прогресса на протяжении XX века. Доступность получения информации интернет-ресурсов, которую широкие массы пользователей принимают на веру без какой-либо источниковедческой критики, можно сопоставить с высадкой на Эверест с вертолета вместо альпинистского восхождения. В сочетании с возможностями современных медийных технологий это облегчает манипулирование общественным сознанием. В то же время специалисты, владеющие навыками исследовательской работы, перестают быть главным звеном в разработке экспозиций, поскольку на первый план выходит психологический эффект, а не адекватность реконструкции событий, которые к тому же можно трактовать по-разному в зависимости от социального

заказа. Достаточно вспомнить, как в постсоветский период менялось отношение к личности А.В. Колчака и последствиям его правления.

Таким образом в музейных экспозициях нашли отражение и позитивистский, и постмодернистский подходы. Думается, что их различия не стоит преувеличивать, поскольку они не являются взаимоисключающими. Научная реконструкция должна ложиться в основу содержания выставки, это единственный способ противостоять профанации и мифотворчеству, не говоря уже о прямой фальсификации. Другое дело, что презентация результатов исследовательской работы в стенах музея необязательно должна быть наукообразной, в ней могут использоваться разные художественные решения и способы подачи материала. Важно избежать соблазна вседозволенности, помня о том, что творческая свобода — не индульгенция, избавляющая от ответственности перед зрителем и самим собой.

ВЫВОДЫ

Каждому человеку, хотя и в неодинаковой степени, наряду с рационально-логическим типом мышления присуще интуитивно-чувственное восприятие окружающей действительности. Логика важна при упорядочивании представлений, создании классификаций, основанных на дихотомии, математических расчетах. Именно на это делали ставку позитивисты, которые видели предназначение науки в систематизации огромного объема данных на основе естественнонаучной методологии. Однако разложить все собранные факты «по полочкам» оказалось задачей неосуществимой. Жизнь всегда оказывается сложнее и многообразнее создаваемых классификаций, и присущую ей вариативность невозможно утрамбовать в прокрустово ложе наших схем, ибо даже «мысль изреченная есть ложь».

БИБЛИОГРАФИЯ

Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Государственный институт усовершенствования врачей имени С. М. Кирова, 1947. 380 с.

Данченко Е.М. Об археологической культуре // Социогенез в Северной Азии: Материалы конф. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2009. С. 7–12.

Данченко Е.М. Проблемы изучения процессов культурных изменений в археологии Обь-Иртышья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации

и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2008. С. 239–243.

Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. М.: Госиздат, 1926. 140 с.

Хайкин Р.Б. Художественное творчество глазами врача. М.: Наука, 1992. 232 с.

Шандыбин С.А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 14–30.

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ПОСЛАНИЕ

Экспозиция — основа коммуникации между музеем, обществом, отдельным зрителем. В основе ее создания лежит концепция как авторское послание куратора миру в лице зрителей. Ее выразительность и сила воздействия на аудиторию зависят от глубокого знания коллекции, способности к анализу и свободного владения техникой интерпретации.

Ключевые слова: музейная экспозиция, концепция, социокультурная коммуникация.

Экспозиция — основная форма музейной коммуникации. Соответственно, ее выразительность — основная цель музейного куратора. Сегодня музей вступает в жесткую конкуренцию за сферу досуга потребителя с другими событийными институциями, часто более энергичными и свободными в своих способах привлечения публики — развлекательными центрами, кинотеатрами и т.д. В этой обстановке повышается требование не только к формам продвижения музейного продукта в массы, но в первую очередь — к качеству самого музейного продукта, в основе которого — качество общей (научной) концепции музейной экспозиции в совокупности с концепцией ее визуального воплощения. Выставка должна быть ярким, запоминающимся событием, позитивные впечатления от которого обусловят устойчивое долгосрочное возобновление зрительского интереса и вследствие этого — потребление новых музейных продуктов (как минимум) и пробудят в человеке потребность творческого, интеллектуального, духовно-роста в целом (как максимум).

Концепция — идея экспозиции — от формы традиционной, относительно пассивной и вневременной вынуждена обращаться к форме активной, актуальной. Первый и основной вопрос при выборе концепции, отборе экспонатов и форм их экспонирования — «кому и зачем это важно здесь и сейчас?» — куратор должен точно представлять актуальную ценность той информации и тех образов, которые он публикует в экспозиционном пространстве. Очевидно, что требуемая вовлеченность посетителя может быть реализована только через эту актуальность. Публичный проект, никак не связанный с тем, что зрителя заботит, волнует, интересует или может заинтересовать, — лишен смысла. И вместе с тем, невозможно достичь вовлеченности зрителя без должной — максимальной — вовлеченности самого куратора. То есть любой проект обязательно должен восприниматься как авторский, быть важной частью личной истории музейщика. И именно поэтому он, автор, посвящает много труда и несколько месяцев своей жизни этому проекту, а не наоборот, когда только затраченное время и труд делают его личным. То есть в выборе концепции проекта необходимо соотносить его с собственными чаяниями и чаяниями зрителя, с местом, где реализуется

проект, и временем, когда он реализуется. Это требует от куратора объективного анализа ситуации, но еще более — острой потребности субъективного высказывания на актуальную тему. Куратор, который не хочет ничего сообщить современникам — нонсенс. Возможность высказаться, используя накопленные многими поколениями культурные и исторические ценности, — возможность уникальная, бесценная. Культура — это «возделывание», облагораживание среды, именно в этом миссия каждого служителя культуры. А самый короткий и эффективный путь к цели — через прямое выразительное высказывание, коим и должна являться настоящая музейная экспозиция. Сумма высказываний и даже одно — яркое и точное — могут становиться посланием, направляя культурный вектор территории к какой-то важной цели.

При этом актуальное высказывание вполне может опираться на классическую традицию, выявляя в ней современную проблематику, либо создавая новую актуальность этой традиции. Это требует от куратора глубокого знания коллекции, способности к анализу и свободного владения техникой интерпретации по всей ширине смыслового поля.

С другой стороны, высказывание может полностью принимать новые формы, заменять буквальность метафоричностью, образностью, в том числе и гипер-буквальностью. Здесь можно привести великолепный пример экспозиции «Масштаб нашей войны» ("The Scale of Our War") в новозеландском музее «Те Папа» (Te Papa Museum), посвященной 100-летию знаменитой битвы при Галлиполи. Отвергнув традиционную музейную форму вовлечения через реальность, историчность, «настоящность» артефактов, создатели проекта выбрали буквальность образа — реальное воплощение таких привычных идиом, как «великие герои» и «великий подвиг». Инсталляция, изображающая один из эпизодов битвы, демонстрирует величие буквально: мы видим действительно великих героев — сражающихся гигантов.

Эти огромные — в три или более человеческих роста — фигуры, собранные в большом, но оказавшемся вдруг тесным блиндажом зале, не отстраненно символичны, как привычные бронзовые или мраморные монументы, а натуралистичны и гиперреалистичны, т.е. сделаны с вопиющей точностью всех подробностей:

зритель видит каждую пору на коже стреляющего пулеметчика, каждую заклепку на амуниции раненого пехотинца. Эти люди буквально застыли во времени в величайший миг своей судьбы — в мгновение между жизнью и смертью. Образ поистине потрясает и своей правдивостью, и своей невероятностью. Даже так: невероятной правдивостью и правдивой невероятностью. Фоторепортаж с выставки запечатлел рядом с гигантскими фигурами маленькие фигурки зрителей, буквально подавленных и потрясенных этим наглядным величием подвига. Казалось бы, что им этот эпизод той войны, случившейся в тысячах и тысячах километров от их дома и в сотне лет от их нынешней жизни? Но силою образа эти расстояния во времени и пространстве стираются и давнее событие переживается заново здесь и сейчас.

Проект актуальный, эмоциональный, яркий. Выходящий с уровня высказывания на уровень послания, т.е. затрагивающий глубинные, базовые человеческие настройки. Создающий нужный и важный импульс из прошлого в настоящее.

И все это — заслуга концепции, идеи. Но чтобы ее воплотить, понадобился труд не только художников, дизайнеров и декораторов, а огромная кропотливая работа историков и музейщиков по детальной рекон-

струкции события. Это абсолютно музейный проект, не использующий ни одного музейного экспоната.

И интересный штрих к вовлеченности авторов: у этих образов безымянных солдат — лица их создателей. То есть каждый автор буквально олицетворял себя в одном из героев, а значит, проживал еще одну жизнь в этот запечатленный судьбоносный миг. Блестящая идея!

Собственно, это образец того, как может выглядеть современный экспозиционный проект, когда все его составляющие идеально отыгрывают свою партию: блестящая идея, отличная научная работа и великолепное художественное исполнение. Но у идеи — всегда главная партия.

В МВК таким проектом, хочется верить, сможет стать выставка к юбилею музея. Это шанс рассказать и наглядно показать, зачем, собственно, музей нужен округу и его жителям здесь и сейчас — каковы его ценность, значимость, миссия. И чем менее традиционной, формальной будет экспозиция, тем больше шансов сделать ее убедительной. Чем более творческой, парадоксальной, неожиданной будет выставка, тем более ярким станет высказывание. Ведь музей — это собрание чудес, рукотворных и нерукотворных. Таким же чудом должна и может стать выставка о нем — все зависит от смелости и точности концепции.

ХРОНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ МАМОНТЕНКА ЛЮБЫ

Останки замороженного детеныша мамонта были обнаружены на полуострове Ямал в 2007 году. За прошедшие годы находка обрела всемирную известность и многократно привлекала внимание ученых: из разных стран и разных специальностей. В предлагаемой статье предпринята попытка проследить хронику исследований мамонтенка Любы.

Ключевые слова: Ямал, мамонтенок Люба, МВК, история исследований.

Девять лет прошло со времени находки мамонтенка Любы — не только самого яркого экспоната палеонтологической коллекции МВК, но единственного в мире по сохранности детеныша мамонта. До сих пор он остается самым притягательным объектом экспозиции «Время мамонта», вызывая неизменный интерес у российских и зарубежных ученых и сотрудников музеев.

Останки замороженного тела мамонтенка были случайно найдены оленеводом Ямальского района Ю.В. Худи 15 мая 2007 года на левом берегу реки Юрибей (полуостров Ямал). В ее верховьях незадолго до этого под действием весенней оттепели от снега обнажилась песчаная береговая отмель, на которой тушка животного стала заметной.

Осмотрев мамонтенка, оленевод отложил свои дела и в тот же день направился в поселок Яр-Сале, чтобы сообщить о находке. После поступления информации в МВК была организована экспедиция с целью обследования места находки и транспортировки мамонтенка в Салехард. Помощь в этом оказали администрация Ямальского района, Ямальский районный краеведческий музей, община «Нгэрм», предприниматели из поселка Мыс Каменный и Новый Порт. 25 мая мамонтенок на вертолете был доставлен в Салехард и размещен в морозильной камере МВК.

В начале июня 2007 года первые исследования его были проведены группой экспертов в составе П.А. Косинцева, заведующего лабораторией Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург), Ю.К. Бурлакова, вице-президента Ассоциации полярников России (Москва) и Б. Бюига, исполнительного директора Международного мамонтового комитета (Франция). Ими были сделаны детальные обмеры, описание и фотофиксация сохранившегося кожного покрова, роговых образований и наружных повреждений на нем; отобраны образцы для проведения микробиологических анализов. С помощью рентгенографии было установлено отсутствие повреждения костей.

На IV Международной конференции «Мамонт — прошлое и настоящее. Современные направления в изучении вымерших и современных хоботных», проходившей

с 18 по 22 июня 2007 года в Якутске, П.А. Косинцев выступил с внеплановым докладом об уникальной ямальской находке, что вызвало огромный интерес участников.

В начале июля 2007 года в Салехард приехала международная группа ученых, в работе которой, помимо П.А. Косинцева, Ю.К. Бурлакова и Б. Бюига, приняли участие А.Н. Тихонов, ученый секретарь Мамонтового комитета России, заместитель директора Зоологического института РАН, директор Зоологического музея (Санкт-Петербург), американские специалисты из Мичиганского университета — заведующий музеем палеонтологии, профессор Д. Фишер и аспирант А. Раунтри, а также аспирант университета Миннеаполиса С. Гоман. Были вновь проведены измерения и взвешивание экспоната, частичная антиплесневая обработка кожных покровов, дано описание состояния останков. Эксперты окончательно определили, что детеныш был самкой. Последующее радиоуглеродное датирование образцов кожи в университете города Гронингена (Нидерланды) позволило первично установить геологический возраст мамонтенка — 37 500 лет.

По результатам работы участники исследовательской группы совместно с сотрудниками МВК и представителями окружной администрации выработали «План комплексных мероприятий по хранению, экспонированию, информационному сопровождению и популяризации находки — Юрибейского мамонтенка Любы (полуостров Ямал, Ямало-Ненецкий автономный округ, РФ)». 5 июля 2007 года состоялась пресс-конференция с презентацией намеченной программы.

В рамках ее реализации с 16 по 29 августа 2007 года в районе обнаружения останков работала экспедиция под руководством П.А. Косинцева, целью которой являлось уточнение места, откуда могла вытаять туша мамонтенка, а также сбор данных для реконструкции природных условий его обитания. В километре от места находки, выше по течению реки было выявлено обнажение со слоем погребенного льда, кусок которого, вместе с вмержшим мамонтенком, вероятно, был вымыт и унесен потоком воды. В ходе экспедиции были взяты образцы для датирования слоя, анализа спор и пыльцы

растений, видового определения древних насекомых. Помимо этого, была собрана коллекция костей плейстоценовых млекопитающих — взрослого мамонта, дикой лошади, северного оленя и — что наиболее интересно — первобытного бизона, останки которого прежде находили лишь в более южных районах Западной Сибири. Часть находок, в том числе плечевая кость бизона, были переданы в фонды МВК.

В октябре 2007 года в Салехарде останки мамонтенка снова были исследованы группой ученых, в которую вошли А.Н. Тихонов, Ю.К. Бурлаков, П.А. Косинцев, Б. Бюиг, а также представители института «Дзикеи» (Токио, Япония) профессор Н. Сузуки, научный сотрудник Х. Сузуки и ассистент Й. Отаке. К ним присоединилась съемочная группа международного телеканала National Geographic, приступившая к созданию 2-х часового фильма об уникальной находке. Японскими учеными было проведено тщательное измерение тела и точечное сканирование кожных покровов. Но для создания трехмерного изображения внешнего вида мамонтенка его необходимо было транспортировать в токийский институт «Дзикеи».

В конце ноября 2007 года П.А. Косинцевым и сотрудником Государственного научного центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» О.С. Тарановым с поверхности тела мамонтенка были взяты пробы для последующего исследования его микробиома, представляющего большой интерес для разработки ряда актуальных направлений современной микробиологии. В результате было зафиксировано наличие разнообразного микробного сообщества, в котором патогенные микроорганизмы не выявлены. Исследование проб с кожи в лаборатории Института химической биологии и фундаментальной медицины (Новосибирск), руководимой В.Е. Репиным, позволило выделить 6 штаммов микроорганизмов, которые морфологически не принадлежали ни одному из известных в настоящее время видов.

В декабре 2007 года мамоненок был доставлен в Токио, в Институт медицинских изображений высокого разрешения «Дзикеи», где в лаборатории, руководимой профессором Н. Сузуки, было проведено его трехмерное сканирование. Для этого на основании промеров, сделанных во время пребывания в Салехарде, была изготовлена специальная капсула, в которую тело помещали перед загрузкой в томограф. Целью исследовательской группы было получение двухмерных и трехмерных объемных изображений внешнего облика животного, строения его скелета, внутренних органов, зубов. Полученные данные указывали на неодинаковую сохранность головы и остальных частей тела и позволяли лучше изучить структуру мозговой полости с остатками мозговых оболочек, слуховые барабаны, носовые и синусовые полости. Грунт, обнаруженный в хоботе и ротовой полости мамонтенка, свидетельствовал о том, что он, вероятнее всего, утонул.

Исследование показало, что в грудной полости животного присутствуют оба легких в спавшемся состоянии и сердце, на котором различимы правое и левое

предсердие. Обнаружены также вилочковая железа, пищевод, бронхи, аорта. В брюшной полости находились: печень крупного размера с видимыми портальными и печеночными венами, желудок, селезенка, почки, мочевого пузырь и неразвитые органы размножения. Хорошо прослеживалась структура кишечника, занимающего большую часть брюшной полости. Заметных повреждений костей скелета нет; жировые ткани присутствуют в брюшной полости и на холке.

В результате проведенных процедур впервые были получены данные о деталях анатомического строения целого мамонта. Видеопрезентация с трехмерным изображением была передана в МВК и в настоящее время используется в экспозиционной и образовательной деятельности.

12 февраля 2008 года мамоненок поступил в Зоологический институт РАН (Санкт-Петербург), где А.Н. Тихоновым, А.С. Графодатским и Е.Н. Рогаевым были отобраны пробы из паховой области левого бедра, отправленные затем на молекулярно-генетическое исследование. В Институте общей генетики РАН (Москва) по ним были получены данные для изучения митохондриальной ДНК мамонтов, и сделан вывод о том, что Люба принадлежала к той ветви этих животных, которые, возможно, мигрировали в Северную Америку, а затем вернулись назад в Сибирь. В Институте цитологии и генетики Сибирского отделения РАН (Новосибирск) было установлено, что хромосомный аппарат полностью разрушен, но имеются отдельные фрагменты половых хромосом, что позволяет сравнить их с половыми хромосомами современных слонов.

В апреле 2008 года сотрудниками Ботанического института РАН (Санкт-Петербург), Б. Бюигом и А.Н. Тихоновым были отобраны пробы колоний грибов с поверхности тела мамонтенка, а также грунта из его ротовой полости для проведения споро-пыльцевого анализа.

При исследовании 16 образцов, взятых с кожи животного, в лабораториях Ботанического института РАН было выделено 55 изолятов микроскопических грибов, из образцов вивианита — 2, из образцов подкожной клетчатки — 1. Из шерсти мамонтенка выделено 6 изолятов. Самое большое число изолятов отмечено в образцах с поверхности тела и в частицах почвы из ротовой полости мамонтенка.

Полученные изоляты были идентифицированы до вида: наиболее многочисленными оказались *Geomyces pannorum* — 17, *Acremonium* — 9, *Mucor* sp. — 5, количество остальных видов исчислялось от 1 до 4. Кроме того, 2 изолята, представленные темным стерильным мицелием, несколько отличались друг от друга по своим культурально-морфологическим свойствам. Все выделенные изоляты относились к группе несовершенных грибов (*Fungi imperfecta*), к классу зигомицетов (*Zygomycetes*).

В соответствии с намеченным планом, очередная встреча исследовательской группы состоялась в Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге в начале июня 2008 года. В ней приняли участие

уже упоминавшиеся Н. Сузуки, Х. Сузуки, Д. Фишер, А.Н. Тихонов, П.А. Косинцев, О.С. Таранов, В.Е. Репин, Б. Бюиг, к которым присоединились специалист по древним ДНК Н.И. Абрамсон (Зоологический институт РАН), С.В. Горбунов (Международный мамонтовый комитет) и Н.В. Фёдорова, представлявшая МВК.

Были рассмотрены результаты томографии. Для проведения гистологических, биохимических, микробиологических анализов с помощью зонда и медицинского прибора для биопсии были отобраны образцы из кишечника, печени, мышц, сердца, мозга, жирового горба, который у мамонтенка был хорошо развит.

Для получения проб большего объема из внутренних органов было решено провести небольшое вскрытие. На правом боку был сделан разрез и извлечен кусок толстого кишечника с заполнением, который доставили в Екатеринбург, где из него был взят еще один образец для микробиологов и образцы для проведения серии анализов: на макроостатки, споро-пыльцевого и фитолитного.

Был также сделан разрез на верхней челюсти и извлечены бивень и 2 зуба, которые были отправлены для исследования в Мичиганский университет (США). Помимо этого, фрагмент ребра был взят для радиоуглеродного датирования.

Дальнейшие исследования полученных в ходе вскрытия образцов позволили более подробно узнать о причинах смерти, особенностях биологии мамонтенка Любы, еще раз подтвердить некоторые поведенческие и анатомические особенности детенышей мамонтов.

Результаты радиоуглеродного анализа, проведенного Й. ван дер Плихт в Центре изотопных исследований университета города Гронингена (Нидерланды), позволили уточнить геологический возраст животного. Обе даты, одна из которых получена по фрагменту ребра (41 910 (+550, -450) лет назад), другая — по образцу детрита из кишечника (41 700 (+700, -550) лет назад) практически совпадают.

При исследовании содержимого кишечника российскими учеными был сделан вывод о наличии слабозложившегося растительного детрита и минерального осадка, которые не переоткладывались. Это свидетельствует о том, что детеныш наглотался донных отложений (ила) стоячего или слабопроточного водоема на начальной стадии заболачивания.

В окрестностях водоема были распространены злаково-осоковые сообщества, включавшие разнотравье и карликовую березку, что является признаком тундроподобного ландшафта, в котором жил и погиб мамонтенок [Косинцев и др., с. 558]. К сходному выводу пришли специалисты из университета Амстердама (Нидерланды), по заключению которых речь может идти об открытой местности, в которой доминировали злаковые растения. Вместе с тем, присутствие пыльцы сосны, лиственницы, ивы и березы указывает на то, что во время Каргинского межледниковья зона лесов была смещена дальше к северу по сравнению с настоящим временем.

Из содержимого кишечника были получены культуры живых микроорганизмов, относящихся к роду *Enterobacter*, возраст которых сопоставим с возрастом мамонтенка. Это граммотрицательные, не образующие спор бактерии, факультативные анаэробы [Хазина и др., с. 523]. В Центре «Биоинженерия» РАН (Москва) учеными использовалась инновационная методика изучения сообщества микроорганизмов кишечника — молекулярная диагностика, которая впервые была применена для данного вида животных. Было установлено, что микробиом мамонтенка Любы включал около 500 родов, причем отсутствовали бактерии, характерные для травоядных животных; около 70% составляли бактерии семейства *Pseudomonadaceae*, вероятно, вследствие питания молоком матери. Также не следует исключать, что высокая доля псевдомонад, возможно, связана с ростом этой группы микроорганизмов после гибели животного [Марданов, с. 474].

Исследование содержимого кишечника мамонтенка показало, что он, как и детеныши современных слонов, употреблял в пищу помет матери для создания бактериальной среды в пищеварительной системе. К такому выводу пришли ученые Института экологии растений и животных УрО РАН, обнаружившие споры копрофильных грибов *Sordaria* и *Sporormiella* в содержимом толстого кишечника Любы. В то же время, исследователи не отрицают версии, по которой споры могли попасть в кишечник непосредственно из водоема, куда они могли быть смыты с окружающей поверхности [Косинцев и др., 2013, с. 557].

С выводом о копрофагии мамонтенка согласовывались наблюдения ученых Мичиганского университета. Во-первых, большая часть растительного материала из желудка состояла из стеблей и листьев однодольных растений, многие из которых порезаны на фрагменты в форме параллелограмма с параллельными срезами под наклонными углами к краям. Такой способ пережевывания характерен для взрослых мамонтов, но никак не для детеныша, у которого лишь недавно прорезались зубы DP2 (зубы первой смены). Во-вторых, коричневая мелкозернистая органическая масса в содержимом кишечника напоминает фекалии слонов [Fisher, et al., pp. 99, 100]. Там же были обнаружены мелкие частицы беловато-коричневого цвета, которые по химическому составу определены как омыленные триглицериды. Предположительно, они могут представлять собой остатки частично переваренного молока [Fisher, et al., p. 100]. Исследования подтвердили, что у мамонят накопление жира происходило в подкожной области шеи и в передней части холки. Впервые это было установлено при изучении оймьяконского детеныша. Формирование жирового горба у мамонта в этой части тела было необходимо для выживания в крайне неблагоприятных зимних условиях, когда наблюдался дефицит пищи и воды [Мащенко и др., 2013, с. 80]. Кроме того, бурый жир, обнаруженный в горбе Любы, выполнял функцию терморегулятора организма [Fisher, et al., pp. 97, 98].

Группой исследователей Мичиганского университета под руководством Д. Фишера по молочному бивню определен возраст Любы — около 1 месяца от роду. Муляжи левого верхнего и нижнего молочных зубов и бивня, изготовленные из эпоксидной смолы, переданы в фонды MBK.

По версии российских ученых, возраст мамонтенка — не менее 3 месяцев, т. к. DP2 (верхний зуб первой смены) практически не стерт, а DP3 (верхний зуб второй смены) полностью сформирован [Мащенко и др., 2012, с. 1138].

В августе 2008 года состоялась международная экспедиция в район реки Юрибей. Ее участниками были российские ученые из Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург), ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор» (Новосибирск), Института криогенных ресурсов при Государственном нефтегазодоразведочном университете (Тюмень), Зоологического института РАН (Санкт-Петербург), а также их коллеги из США, Франции и Дании. Сотрудники National Geographic и телерадиокомпании «Ямал-регион» продолжили съемки фильма и репортажей об исследованиях Любы.

Целью экспедиции было изучение плейстоценовой фауны Западной Сибири в долине среднего течения реки Юрибей. Для выполнения этой комплексной задачи были привлечены специалисты в разных областях — мерзлотоведения, палеоботаники, палеозоологии, палеотериологии, дендрохронологии, микробиологии. Обследованы несколько десятков обнажений плейстоценовых и голоценовых отложений. Найдено три новых местонахождения мамонтовой фауны, в том числе крупнейшее из известных на Ямале; более 10 местонахождений ископаемой древесины; один погребенный торфяник плейстоценового периода и несколько торфяников голоценового возраста; несколько мест залеганий слоев с растительными макроостатками. Обнаружен слой пластового жильного льда, позволяющий оценить характер развития мерзлотных процессов в районе, а также выявлены плейстоценовые отложения, перспективные для палеомикробиологического изучения.

Междисциплинарные исследования открытых объектов позволят получить важные данные для реконструкции природно-климатических условий в разные периоды позднего плейстоцена и голоцена, а также проследить закономерности реакции экосистем региона на изменения окружающей среды.

30 ноября — 1 декабря 2009 года в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург) перед консервацией мамонтенка было проведено его повторное вскрытие, которое облегчило доступ к внутренним органам. Были взяты фрагменты 4-го, 7-го и 9-го ребер; пробы вивианита из грудной полости, содержимого желудка, толстого и тонкого кишечника; образцы легочной артерии, легочной ткани, печени, жира из холки и с брюшной стенки.

Исследование взятых образцов проводили ученые Мичиганского университета под руководством Д. Фишера (США), гистологи Фракийского университета

«Демокрит» (Греция) и Цюрихского университета (Швейцария). Параллельно специалисты из университета Альмерии (Испания) занимались определением состава жира из замороженных млекопитающих как источника незаменимых жирных кислот для палеолитических и неолитических людей [Guil-Guerrero, et al.].

30 января 2010 года была завершена консервация мамонтенка Любы, которая проводилась таксидермистом Зоологического института РАН (Санкт-Петербург) Ю. В. Стариковым.

В феврале 2010 года в городе Милуоки (США) проведены компьютерная томография, рентгенография мамонтенка и магнитно-резонансная томография.

5 октября 2010 года в компании Ford Motor Company (Детройт, США) была проведена компьютерная томография всего тела мамонтенка. Сканирование длилось 14 часов. Полученные изображения переданы MBK.

В 2012 году в лабораториях Уральского горно-геологического университета и Института геологии и геохимии УрО РАН было проведено исследование образцов вивианита с кожных покровов мамонтенка Любы методами спектрального и рентгеноструктурного анализа с использованием дифрактометров системы «ДРОН». Вещество землистого цвета, обнаруженное на поверхности тела мамонтенка Любы, действительно оказалось вивианитом, образование которого чаще всего происходит в болотных отложениях. Это свидетельствует в пользу версии о гибели и последующем захоронении животного в болотной среде. В вивианите отмечаются повышенные содержания марганца, меди, цинка, свинца, мышьяка, кадмия и магния. Источником этих химических элементов явились, скорее всего, продукты выветривания магнетит-сульфидных руд.

Предпринятое в данной статье описание хроники исследований мамонтенка Любы со времени его обнаружения до сегодняшнего дня осложняется отсутствием полноценной и, главное, доступной базы данных.

На сегодняшний день в российских и зарубежных, в основном англоязычных, изданиях выпущено около двух десятков статей. Имеются экспедиционные отчеты Института экологии растений и животных УрО РАН за 2007 и 2008 годы о работах, проводившихся на месте находки мамонтенка. Однако отчеты о лабораторных исследованиях части образцов, взятых в полевых условиях, остаются недоступными. В промежуточном отчете Международного мамонтового комитета о проведении комплексных мероприятий по изучению мамонтенка Любы, присланном в 2009 году в MBK, отсутствуют ссылки на первоисточники, поэтому мы не владеем подробной информацией о полученных результатах.

Так, пока ничего не известно о генетических исследованиях, которые должны были проводиться в университете штата Пенсильвания (США), куда, по некоторым данным, был передан язык мамонтенка без подъязычных костей для выявления полного индивидуального генома.

Не меньший интерес вызывает гипотеза ученых из университета штата Канзас о вымирании мамонтов

в результате эпидемий. Для проверки этого предположения отправлены образцы тканей мамонтенка для выявления ДНК вирусов и микробов и выяснения возможности инфицирования мамонтов болезнетворными штаммами.

Не лучше ситуация и в российских научных центрах. Так, завершение работ со штаммами микроорганизмов новых видов, выращенных в лаборатории Института химической биологии и фундаментальной медицины (Новосибирск) остается под вопросом из-за проблем с финансированием.

На этом фоне нельзя не отметить большую помощь, которую оказывал и оказывает профессор Д. Фишер. Им предоставлены практически все научные публикации ученых Мичиганского университета и других исследователей по данной проблематике, первичные результаты томографических исследований в виде 3D-изображе-

ний, мультимедийная презентация промежуточных результатов, изготовлены точные копии зубов мамонтенка для коллекции МВК.

Однако в целом приходится признать, что неоднократные призывы сотрудников МВК сформировать единую базу данных об уникальном экспонате, которая была бы доступна всем участникам утвержденной в 2007 году программы комплексных мероприятий по хранению, экспонированию, информационному сопровождению и популяризации мамонтенка Любы, к сожалению, не привели к желаемому результату.

В 2017 году исполнится 10 лет со времени обнаружения ямальской находки. Думается, что достойным предварительным итогом ее изучения могло бы стать создание доступной базы данных, проведение специальной научной конференции и издание коллективной монографии по результатам междисциплинарных исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

Косинцев П.А., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., Занина О.Г., Тихонов А.Н., Ван дер Плихт Й. Содержимое кишечника детеныша мамонта с реки Юрибей (полуостров Ямал) // Доклады Академии наук. 2010. Т. 432. № 4. С. 556–558.

Марданов А.В. Молекулярный анализ состава микробиом кишечника мамонта и шерстистого носорога / А.В. Марданов [и др.] // Доклады Академии наук. 2012. Т. 445. № 4, август. С. 471–474.

Мащенко Е.Н., Боескоров Г.Г., Баранов В.А. Морфология детеныша мамонта (*Mammuthus primigenius*) из Ольчана (Оймякон, Якутия) // Палеонтологический журнал. 2013. № 4. С. 74–88.

Мащенко Е.Н., Протопопов А.В., Плотников В.В., Павлов И.С. Особенности детеныша мамонта (*Mammuthus primigenius*) с реки Хрома (Якутия) // Зоологический журнал. 2012. Т. 91. № 9. С. 1124–1140.

Хазина И.В., Таранов О.С., Саранина И.В., Пугачев В.Г., Косинцев П.А., Репин В.Е. Пыльца, споры

и микроорганизмы, извлеченные из кишечника мамонтенка Любы (п-ов Ямал, Западная Сибирь) // Эволюция жизни на Земле: материалы IV Международного симпозиума, 10–12 ноября 2010 г. / Отв. ред. В.М. Подобина. Томск: ТМЛ-пресс, 2010. С. 521–523.

Fisher Daniel C., Tikhonov Alexei N., Kosintsev Pavel A., Rountrey Adam N., Buigues Bernard, Van der Plicht Johannes. Anatomy, death, and preservation of a woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) calf, Yamal Peninsula, northwest Siberia // Quaternary International. 2012. 255. P. 94–105.

Guil-Guerrero J.L., Tikhonov A., Rodriguez-Garcia I., Protopopov A., Grigoriev S., Ramos-Bueno R. P. The Fat from Frozen Mammals Reveals Sources of Essential Fatty Acids Suitable for Palaeolithic and Neolithic Humans. January 08, 2014. [Электронный ресурс] // PLOS ONE: сайт. — URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0084480> (дата обращения 10.12.2015).

МАМОНТ В МИФОЛОГИИ СЕЛЬКУПОВ

В связи со спецификой природного окружения и этнокультурных традиций коренных народов Ямала их мифологические представления имеют свои особенности. В статье впервые публикуются материалы, полученные в ходе интервью с представителем селькупского этноса А. Кулишом, которые содержат представления селькупов о мамонтах, их месте в картине мира.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, традиционная культура, этнография, селькупы, мамонт, мифы, нижний мир.

Мифы и сказки не живут сами по себе. Они ждут, чтобы мы им дали плоть и кровь. Пусть хотя бы один человек откликнется на их зов — и они напоят нас своими неиссякаемыми соками.

Наше дело — сохранять их, сделать так, чтобы сон их не оказался смертным сном, чтобы стало возможно Воскресение.

А. Камю

Более 10 000 лет назад мамонты все еще заселяли обширные территории материковой части Европы, Азии и Северной Америки. Представление об этом вымершем виде сформировалось в науке уже к концу XVIII века [Тихонов, с. 8]. Это представление широко распространено и среди аборигенных народов Сибири, однако в их мифологии по сей день сохраняются самые фантастические сюжеты об этих животных.

В основном, мифологические сюжеты, связанные с мамонтом, относятся к одному из трех направлений: мифы о творении (мамонт, сотворивший вместе со змеем землю; мамонт, поддерживающий мир и др.); мифы, объясняющие те или иные особенности рельефа; мифы о метаморфозах (мамонт как «превращенное» животное) [Мифы народов мира, с. 624, 625].

Очень различаются образы, которые складывались у сибирских народов на основе впечатлений от найденных останков мамонтов: мамонт-лось; -медведь; -щука; -змея; земляной бык; водяной бык; крыса; олень; человек-великан и т.д.; а также те функции, которые, по их мнению, это животное выполняло: созидательная, разрушительная, охранная, ритуальная и т.д.

Изучение представлений коренных народов о мамонтах применительно к территории Севера Западной Сибири имеет ряд особенностей. На территории Ямало-Ненецкого автономного округа учеными пока обнаружены лишь единичные свидетельства сосуществования человека и мамонта в виде совместного залегания костей и орудий древнего человека, а вот в соседнем Ханты-Мансийском округе на местонахождении мамонтовой фауны Луговское найдены останки одного мамонта, пробитые дротиком. Тем не менее, представления об облике этих животных у коренных народов

основываются на внешнем виде обнаруженных в мерзлоте останков — скелетов и редко — целых туш с сохранившимися мягкими тканями и шерстью. Их залегание под слоями грунта значительной мощности также влияло на формирование образа, который интерпретировался в контексте традиционных мифологических представлений коренных народов Севера.

В публикуемых, в том числе и сотрудниками МВК, материалах приводятся наиболее распространенные мифы и легенды о мамонтах, собранные, в основном, на территории современных ХМАО, Тюменской области, Красноярского края и т. д., но практически нет упоминаний о представлениях, бытовавших на современной территории ЯНАО [Ямал. Земля мамонтов ... , с. 36–39]. В связи с этим имеется необходимость в проведении более глубокого изучения данной тематики, в частности анализа представлений об этом животном у селькупов, проживающих на территории округа.

Наиболее подробные исследования темы мамонта в традиционной культуре селькупов приводятся в работах С. В. Иванова, Е. Д. Прокофьевой, А. В. Терещенко, И. В. Белича, однако это чаще всего лишь краткие упоминания мамонта при изучении других аспектов селькупской культуры. Кроме того, в основном, материалы для исследований были собраны авторами за пределами Ямала.

В наши дни, когда среди населения, в том числе коренного, широко распространены научные знания о мамонтах, все сложнее найти людей, которые знали бы мифы, сказки или религиозные представления о них, бытовавшие в традиционной культуре. Чаще всего отголоски прежних знаний находят отражение в запретах, но зачастую человек следует запрету, не понимая причины его возникновения. Из разговоров с информаторами удается найти лишь крупицы сведений по мифологии, сакральному использованию костных останков, космогоническому пониманию образа мамонта.

В связи с этим трудно переоценить вклад в изучение исследуемой темы жителя округа, селькупа по национальности, Александра Кулиша, который охотно делится своими обширными знаниями в области традиционной селькупской культуры.

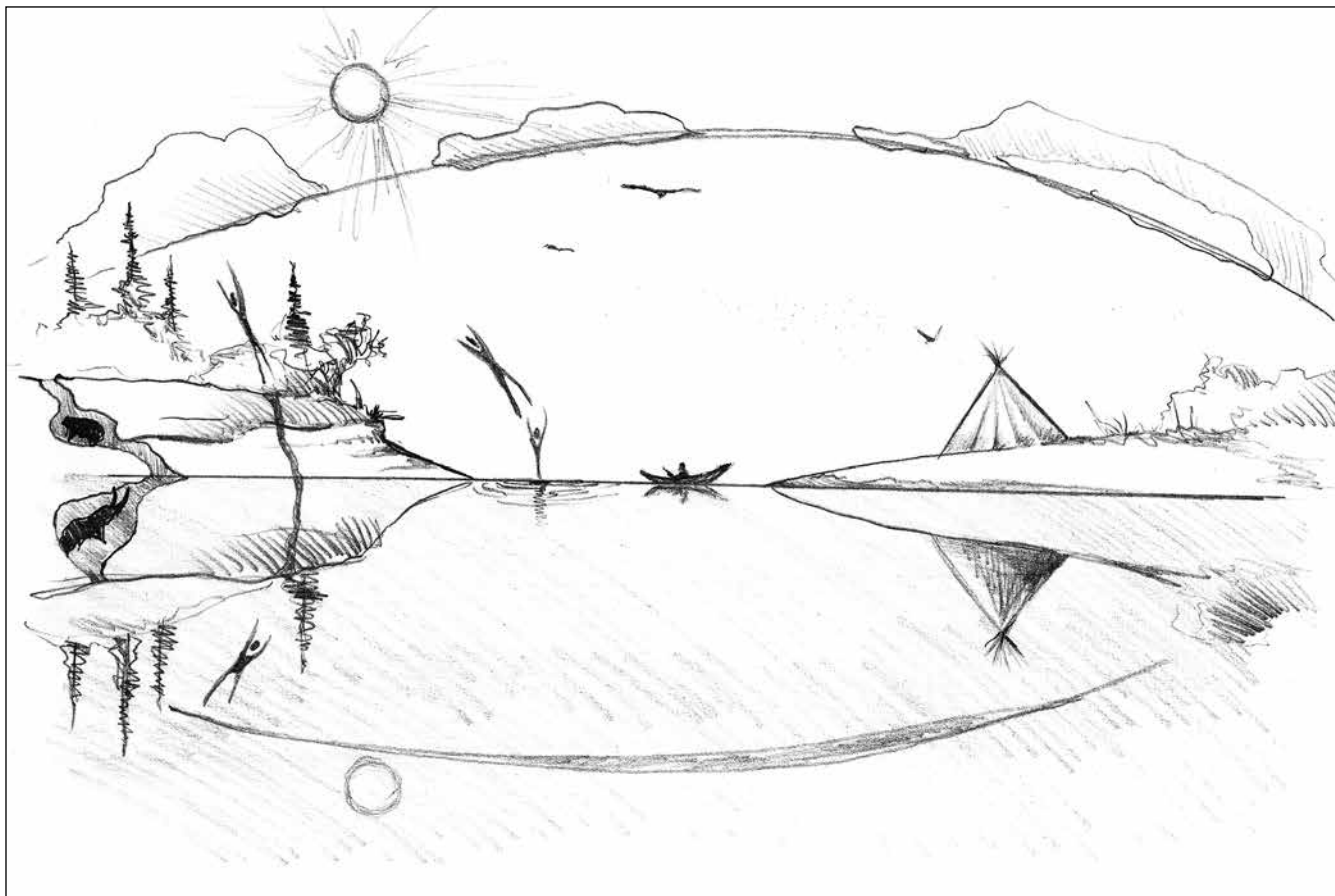

Рис. 1. Картина мира в фольклоре и традиционном представлении селькупов. А. Кулиш

Александр родился в 1987 году в селе Толька Красноселькупского района. Окончил училище культуры и искусства имени Л. В. Лапцуня по специальности «художник-педагог», в настоящее время работает в окружном Центре национальных культур специалистом по селькупскому фольклору. Бабушка А. Кулиша, Анна Ирикова, была внучкой селькупского шамана, она и сыграла большую роль в появлении у Александра уже в подростковом возрасте интереса к изучению традиционной селькупской культуры.

А. Кулиш относится к типу людей, которые остро переживают угасание традиционной культуры своего народа, поэтому использует все возможности, чтобы собрать как можно больше сведений от уходящего поколения и передать их исследователям. Немаловажное значение имеет художественное образование А. Кулиша, благодаря которому мы можем получить не только устный материал, но и наглядные изображения, вобравшие в себя сведения от различных информантов, собранных в его многочисленных экспедициях по Красноселькупскому району.

В беседе А. Кулиш сообщил как уже известную, так и новую информацию. Кроме того, в его рассказе важна расшифровка причинно-следственных связей процессов и явлений, относящихся к исследуемой теме. Это стало возможным благодаря тому, что Александр имеет большой багаж данных, которые позволяют ему упорядочить их в меру своего понимания. Он также отмечает,

что сейчас осталось очень мало людей, которые имеют подобные сведения, и его рассказ базируется на информации из разных источников.

Далее с незначительной переработкой приводятся фрагменты интервью, в которых дается информация не только о мамонтах, но и некоторые отступления, помогающие более полно понять образ этих животных и их роль в традиционной культуре селькупов.

«В представлении селькупов мамонт (селькуп. — *кошар*) — это собирательный образ, помесь медведя и гигантской щуки. Полумедведь, полущука, это огромное лохматое существо с большими зубами и большими клыками. По размерам он значительно превосходит медведя. У него тело и передние ноги как у медведя, зубы большие, а задние ноги превращаются в хвост. Челюсть и зубы щуки. У мамонта может быть не одна пара бивней, а больше, кроме того, могут быть вместе одновременно и большие и маленькие бивни.

Мамонт может передвигаться под землей, живет в подземном мире, но может переходить в средний мир, когда роет землю. Когда селькупы плывут на лодке и замечают подмытый обрушенный берег, то очень пугаются этого. Они говорят — ага, это мамонт подошел к границе этого мира. Как только мамонт вылезет из глубины земли, то он умирает — от солнечного света, от воздуха. Он может застрять в земле, у него может вылезти только один бивень, но в любом случае, как только он вылезает, он умирает (рис. 1).

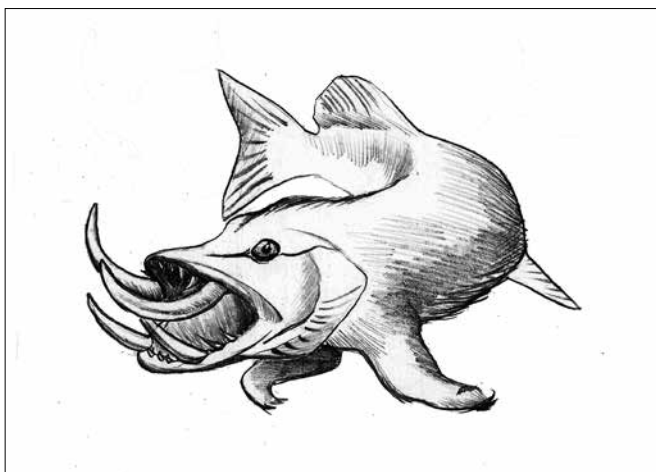

Рис. 2. Мамонт полумедведь-полущука в представлении селькупов Красноселькупского района ЯНАО. А. Кулиш

У селькупов представление о мамонтах складывалось из того, что они видели. При обнаружении наиболее сохранившихся в мерзлоте туш они видели кожу, мягкие ткани, шерсть, которая напоминала медвежью, из-за чего возникало предположение, что мамонт похож на медведя.

Из чего возник образ мамонта — гигантской щуки? У селькупов существует много озер, где запрещено рыбачить, купаться, мужчинам можно только пить воду оттуда и мыть руки. Женщинам вообще там нельзя находиться, потому что женщины открывают портал между миром мертвых и живых. В связи с тем, что в озере нельзя рыбачить, щуки в них живут долго и достигают очень больших размеров. Соответственно, когда люди находятся на берегу озера, они замечают всплески при выныривании щук больших размеров. Отсюда идет представление, что в этих озерах обитают щуки-мамонты. Причем при всплеске замечается хвостовая часть щуки, которая и вписывается в образ мамонта. Так рождается собирательный образ зверя, у которого передняя часть в виде медведя, а задняя в виде щуки. То есть селькупы видели те части животного, которые находили на поверхности, а то, что находится под землей, им было не известно.

По представлению селькупов мамонт — это священное животное, которое проживает на границе среднего мира, заселенного живыми людьми, и нижнего мира мертвых. Прослойкой между этими двумя мирами является поверхность воды, поверхность земли, по которой мы ходим, включая обрывистые места. Эту границу можно сравнить с гладью воды, которая разрезает этот мир. Если ты проникаешь сквозь воду, значит, ты перемещаешься в нижний мир. Поэтому, когда человек тонет, то считается, что его душа ушла в нижний мир, и человек живет теперь в нижнем мире. Если в тихую погоду смотреть на воду, то можно увидеть отражение всего, что находится над водой. Это отражение и есть нижний мир, то есть, все такое же, как и выше уровня воды, только внизу и вверх ногами. Кроме того, там все более тусклое. Человек видит там внизу солнце,

но не такое как у нас. У нас собственно солнце светит, а там лишь тень солнца — *челыт-мика*. У нас светит луна, у них светит тень луны — *ирәт-мика*.

Эта граница со стороны нижнего мира охраняется мамонтом. По старинному поверью селькупов, нельзя глубоко копать землю, иначе попадешь в нижний мир. Мамонт охраняет земную часть границы, а водную ее часть, так же со стороны нижнего мира, охраняет выдра, семиглавая выдровая мать — *сельчит олыль тёт ама*. Говорят, что гагара тоже охраняет водную часть, но выдра сильнее, потому что у нее семь голов. Наряду с мамонтом землю охраняет и медведь, потому что он зимует в берлоге. То есть, один и тот же участок земли со стороны среднего мира охраняет медведь, а со стороны нижнего мира охраняет мамонт. Например, на берегу реки живут люди, стоит чум или находится кладбище. Считается, что на этом же месте, только противоположном ему, стоит другой чум. Чум, в котором проживают в мире мертвых другие люди, родственники тех людей, которые проживают на земле, в живом мире. И родовое кладбище тоже стоит на этом месте, только обращено в обратную сторону. Как ходит человек на поверхности земли, так и ниже линии горизонта, только делает это он вверх ногами.

По представлению селькупов на поверхности земли и воды есть разные входы, лазейки, дыры из нижнего мира в средний мир. Когда появляется в воде воронка, считается, что это открывается портал между миром мертвых и миром живых. Мамонт своим могучим видом, большими клыками отпугивает духов, которые хотят проникнуть из нижнего мира в средний. Эта функция полезна для человека. Иногда бывает, что человек теряет душу. Из-за разных ситуаций, например, когда он упал и потерял сознание, во время сновидений, говорят, что душа гуляет у человека. Когда душа отлетает, она может бродить по нашему, среднему миру. Чтобы из этого мира душа не ушла через лазейку, потому что эти лазейки для души как магниты, в среднем мире лазейку охраняет медведь. Если медведь прокараулил, то и мамонт уже не поможет. Мамонтов уважают, боятся, потому что это потустороннее существо» (рис. 2).

Надо отметить, что мамонт редко является центральной фигурой мифов, чаще его роль второстепенна — например, обычно мамонт используется как транспортное средство.

Приведем еще один отрывок из интервью с А. Кулишом.

«Мифов о мамонтах, где он является главным героем, нет. Есть сказки, в которых встречаются мамонты. Например, упоминается море Мамонтов, на дне которого живет мамонт.

Есть сказка об *Иче путешественнике*. Ича — это главный селькупский богатырь. Ича путешествует, он залезает на черемуху, а черемуха считается магическим деревом, которое может очень быстро перенести человека в потусторонний мир. Ича залез на черемуху, внезапно на него налетел и схватил большой орел, посредством которого происходит трансгрессия в нижний мир. Он утащил

богатыря «за море», что означает проникновение в мир мертвых, и принес к себе в гнездо. Орел здесь выступает собирательным образом существа. Богатырь Ича вылез из этого гнезда и пошел к себе в стойбище. А в стойбище живет Лозы. Лозы — это дух нижнего мира. Ича говорит Лозы: «Верни моего деда глаза, я пришел за глазами деда, которые ты украл». Лозы говорит: «Я тебе отдам глаза только тогда, когда ты принесешь мне перья орла, который тебя принес». Ича спрашивает, где эти перья? Лозы ему говорит: «На дне Мамонтова озера». Приплыл богатырь на бревнышке на середину моря и стал кричать: «Хозяин-хозяин моря, отзовись». Выплывает из-под моря мамонт и говорит: «Что тебе надобно?». Ича ему говорит: «Верни все те перья, которые орел уронил, пока всю жизнь летал над твоим морем». Мамонт ему отвечает: «Я тебе тогда отдам все перья этого орла, когда ты мне принесешь все бивни мои, которые я выронил, которые выпали за всю мою жизнь изо рта». Считалось, что у него бивни выпадали и заново вырастали новые. «А где эти бивни?». Мамонт говорит: «Эти бивни забрали люди, косторезы, которые живут в городе на краю этого моря». Ича переплывает снова это море, приходит в город, где живут косторезы, просит у них: «Дайте мне все эти бивни мамонта, которые вы собрали». Косторезы отвечают: «Как мы тебе их отдадим, если мы из них делаем ложки, посуду себе и так далее». Ича говорит им: «Так я вам из другого материала сделаю ложки и посуду». Они спрашивают: «Из чего?». Он отвечает: «Я вам сделаю посуду из кедр». А кедр — дерево смерти. Видите, подсознательная связь уже идет. Он сделал людям из кедр нужную посуду, они налюбовались, радостные, отдали ему все бивни, он все бивни увез мамонту, мамонт отдал ему перья, тот вернулся, отдал Лозы все перья. Перья Лозы вклеил в крылья орлу, и орел унес его обратно в мир живых с глазами своего дедушки. Ича вернулся в свое стойбище и вернул своему дедушке глаза».

Представление о мамонтах, собранное А. Кулишом от разных жителей, позволяет провести некоторые сравнения с другими источниками. Так, Е. Д. Прокофьева, кроме описания подобного представления о мамонте как охранителе мира мертвых, приводит и другие. Некоторые селькупы представляли мамонта могучим духом — хозяином всей земли и воды или поддерживающим плоскую «как тарелка», Землю [Прокофьева, с. 106, 116]. Также в литературе обычно встречаются упоминания о том, что мамонт-щука и мамонт-медведь — это разные виды животных. Первые живут в воде, вторые — под землей [Прокофьева, с. 116; Иванов, с. 136; Григоровский, с. 50]. У А. Кулиша мы видим совмещенный образ, когда мамонт одновременно имеет признаки и медведя, и щуки. Также мы встречаем различия в трактовке энергетики озер. Н. П. Григоровский описывает места обитания мамонтов, чаще всего озера — *пурулто*, как «озера черной воды», которые были опасны как зимой, так и летом [Григоровский, с. 50]. Здесь озеро имеет негативную энергетику. В трактовке А. Кулиша озера являются священными, поэтому в них не рыбачат, и поэтому там вырастают щуки огромных размеров, которые и дали повод для рождения образа мамонта в виде медведя-щуки. Особый интерес в описании А. Кулишом мамонта в образе медведя-щуки вызывает присутствие не пары бивней, а большего их количества, к тому же разного размера. Такой факт до настоящего времени в литературе автору статьи не встречался.

Приведенный анализ представлений селькупов о мамонтах убеждает в актуальности исследуемой проблемы. Мифы о мамонтах с глубокой древности дошли до наших дней. Естественно, они могли трансформироваться со временем или иметь локальные отличия на разных территориях, но их дальнейшее изучение, равно как исследование образа мамонта в культовых обрядах, в роли оберега, в искусстве и быту необходимо продолжать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // ЗСОИРГО. Омск, 1882. Кн. IV. С. 49–53.

Иванов С. В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 133–154.

Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. М.: Советская Энциклопедия, 1988. Т. 1. 718 с.

Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.

Сборник Музея антропологии и этнографии: научные статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. 394 с.

Тихонов А. Н. Мамонт. Серия «Разнообразие животных». М.: Т-во научных изданий КМК. 2005. Вып. 3. 89 с.

Ямал. Земля мамонтов (из собрания Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского). Презентационный альбом / Департамент культуры ЯНАО, ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского»; [рук. проекта Т. В. Копцева...]. Салехард: ГБУ «МВК», 2015. 52 с.

ЗНАТНЫЙ ВИД СРЕДЬ МЯГКОЙ РУХЛЯДИ: О МЕСТЕ СОБОЛЯ В ПРИРОДЕ, ПУШНОМ ПРОМЫСЛЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАНТЫ

В данной статье соболь рассматривается в нескольких аспектах: как биологический вид, объект пушного промысла, почитаемое животное и образ в хантыйском орнаментальном искусстве. Пагубные последствия беспрецедентной по масштабам добычи пушнины потребовали принятия мер по сохранению вида и восстановлению его численности.

Ключевые слова: соболь, пушной промысел, колонизация, традиционная культура аборигенов.

Соболь (*Martes zibellina* L.) относится к семейству куньих, роду куниц. Зверь средних размеров с пышным, шелковистым волосяным покровом, с густым подшерстком. Общий тон окраски весьма разнообразен — от палевой до темно-бурой, ближе к черной. Изредка встречаются зверьки альбиносы, пегие, а также с очень обильной седой. Окрас подшерстка также имеет различные оттенки. Сведения о гетерогенности популяции соболя, основанные на индивидуальной и географической изменчивости окраски мехового покрова, имеют многовековую давность. Достаточно четко отражена изменчивость его окраски в ясачных и таможенных ведомостях, где приводятся «ценовые росписи» провозимых в XVII веке через сибирские таможи и остроги шкурок соболей разных расцветок [Монахов, Бакеев, с. 5, 6].

На Урале и в прилегающих районах Западной Сибири обитают два подвида соболя: тобольский, который заселяет таежную зону Урала, доходя на восток до поймы Оби и Иртыша [Монахов, Бакеев, с. 24], и енисейский подвид, обитающий в тайге междуречья Оби и Енисея. Тобольский соболь один из наиболее крупных форм соболей фауны России, обладающий светлой окраской мехового покрова. Енисейский соболь отличается меньшими размерами и более темной окраской. О. Финш отмечал, что: «На Оби различают два сорта соболя: светлый, красноватый или березовый соболь, живущий преимущественно в лиственных лесах, — и темный или кедровый» [Финш, Брэм, с. 500].

В пределах ЯНАО проходит северная граница ареала соболя, здесь он обитает в подзоне северной тайги, отдавая предпочтение участкам высокоствольного леса с преобладанием кедра. При сильной заболоченности местности леса не образуют сплошных лесных массивов, а приурочены к небольшим повышениям рельефа и к долинам рек. А. М. Пастухов отмечает высокую встречаемость следов зверя на захлапленных участках

ельников, верховьях ручьев и речек [Пастухов, с. 350]. Площадь, заселенная им, невелика и составляет около 9 млн га [Монахов, Бакеев, с. 203].

Соболь хорошо адаптирован к суровым природным условиям сибирской тайги. Это связано с многочисленными связями зверя внутри сложных биоценозов — как с животным, так и с растительным миром [Монахов, Бакеев, с. 176]. По типу питания соболь относится к полифагам. На севере Западной Сибири доля животного корма в рационе зверя преобладает над растительным. Наиболее тесная трофическая связь установлена с мышевидными грызунами (всего 12 видов) [Монахов, Бакеев, с. 178]. Кроме того, соболь охотится на бурундука, белку, белку-летягу, зайца-беляка, землерока, горностая, ласку, на птиц семейства куриные. Из растительного корма соболь поедает кедровые орехи, плоды рябины и шиповника, ягоды — голубику, чернику, бруснику, морошку [Пастухов, с. 350].

Соболь имеет много конкурентов в питании. В Западной Сибири к ним относятся 11 видов млекопитающих и 27 видов хищных птиц. Конкурентами в питании растительной пищей выступают все зерноядные, а также поедающие плоды и ягоды животные (мышевидные грызуны, птицы, некоторые хищные млекопитающие) [Монахов, Бакеев, с. 179]. Благодаря своей пищевой лабильности, соболь не только не испытывает острого недостатка в пище, но и равномерно использует кормовые ресурсы без нанесения существенного ущерба какому-либо виду [Монахов, Бакеев, с. 181].

Потенциальными врагами соболя являются малочисленные хищники: медведь, волк, рысь, россомаха, лисица, встречи с которыми носят случайный характер. Наиболее часты нападения на соболя хищных птиц: совообразных, орлана-белохвоста. Таким образом в биоценозе соболь в большинстве случаев занимает положение доминирующего хищника-полифага, не имеющего

серьезных конкурентов и врагов [Монахов, Бакеев, с. 185].

Благодаря своему меху соболь с далекой древности был одним из наиболее ценных пушных зверей, привлекающих в Западную Сибирь промышленников и купцов.

Освоение сибирских просторов, богатых пушниной, началось с IX века с развитием системы морских и сухопутных путей в рамках Северного широтного хода. Морем путешествовали викинги в легендарную страну Биармию, позже — поморы и некоторые западноевропейские мореплаватели. Новгородские дружины использовали сухопутные пути по Северу. Есть три группы письменных источников, из которых можно, при пристальном рассмотрении, вычленив сведения о том, как происходило «освоение», а вернее, использование северных торговых путей. Это весьма многочисленные сведения арабоязычных писателей, русские летописи и скандинавский биармийский цикл [Фёдорова, с. 75].

Археологические памятники северотаежной зоны, к сожалению, не дают прямых свидетельств о развитом пушном промысловом хозяйстве. Ярким и бесспорным свидетельством международной торговли, в которой участвовал и «западносибирский» регион, является обилие предметов импорта, найденных в культурном слое археологических памятников, в составе кладов и случайных находок [Фёдорова, с. 76, 77]. Зато свидетельства товарного характера пушной охоты найдены в материалах памятников ямальской тундры. Так, большое количество костей песка было обнаружено на поселении Тиутей-Сале 1 в слоях XII–XIV веков, в слое поселения Тиутей-Сале 3 и на городище Бухта Находка XII–XIV веков. Необходимо отметить, что большое, «товарное» количество останков песка характерно только для памятников зоны тундры, расположенных на побережье Карского моря. В материалах памятников внутренних тундр Ямала, а также лесотундровой и северотаежной зон костей пушных зверей вообще обнаружено значительно меньше [Фёдорова, с. 76, 77].

А. Эткинд упоминает запись из «Повести временных лет», датированную 1096 годом, где говорится о народе югра, и об их участии торговать пушниной в обмен на железо [Эткинд, с. 112].

Пушнина, составлявшая главный экспортный товар Новгорода XIV–XV веков, требовала колонизации восточных земель. «Мягкая рухлядь», в отличие от других ресурсов, была легким и ценным грузом, который можно было вывозить по суше и морю, обменивая на жизненно важные товары и технологии. Именно меха были в средневековой Руси символами богатства и власти. Знаменитая шапка Мономаха, символ власти московских царей, была оторочена соболем. На изображениях московской знати мы неизменно видим шубы, шапки, опушки и оторочки, сделанные из соболя, бобра, ласки и куницы [Эткинд, с. 112, 113].

Прямая связь открытия и освоения Сибири с пушным промыслом не вызывает сомнений. Так, Ермак со своими казаками, промышляя в течение трех лет, с 1581 по 1583 годы в сибирских лесах, отослал

в Москву 24 тысячи соболиных, 2 тысячи бобровых шкур и 800 шкур черно-бурой лисы [Эткинд, с. 115]. О размерах начавшейся добычи пушнины говорит хотя бы то, что в 1586 году на Западную Сибирь был наложен ясак в 200 тысяч соболей [Монахов, с. 27].

Сведения о северных районах Западной Сибири до московского правительства начали доходить только в самом конце XVI века, хотя эти земли под названием Обдорья и Мангазея были давно известны русским предприимчивым людям: пустозерцам, вымичам и другим торговым людям московских городов. Здесь они сами промышляли соболей, бобров и других пушных зверей, обменивали ценные шкуры на свои товары, а кроме того, собирали в свою пользу дань с «самояди», якобы собирая ясак «на государя» [Буцинский, с. 24].

Бурное освоение соболиных запасов началось после основания в 1601 году на реке Таз города Мангазея. Мангазейские воеводы, прежде всего, обложили ясаком самоедов по рекам Пур и Таз, и затем начали посылать служилых людей в тундры и через реку Турухан на Енисей и его притоки [Буцинский, с. 24].

Местом сбора ясака служили зимовья, разбросанные по всему Мангазейскому уезду, ясачные книги которого составлялись на основании сборов ясака по зимовьям. Древнейшая мангазейская ясачная книга, дошедшая до наших дней, относится к 1629 году. По зафиксированному в ней данным, в этом году 520 самоедов принесли в казну 1 333 соболя [Буцинский, с. 28].

По данным С.М. Чугунова, в Сургутском крае в 1625 году промышленные люди добывали до 120 соболей в сезон на человека [Монахов, с. 26].

Каждый род платил ясак за себя или, вернее, за своих заложников — аманатов, причем не «по окладу», а сколько заблагорассудится или смотря по государеву жалованью. «А без государева жалованья — без олова и одекуя ясаку не дают», — отписывают мангазейские воеводы [Буцинский, с. 26]. Само покорение инородцев состояло в том, что служилые люди захватывали у них аманатов, держали последних в Мангазее или Туруханском зимовье и за них получали ясак. И чем знатнее был аманат, тем более род, к которому он принадлежал, тем больше приходилось платить соболей. Зимовья были признаками московской власти в том крае и служили временным приютом для ясачных сборщиков, торговых и промышленных людей. В назначенное время года к этим зимовьям приходили инородцы и приносили ясак за своих заложников.

При этом мангазейские инородцы, хотя и платили ясак за аманатов, но в то же время получали государево жалованье — олово и одекуй, и если этого жалованья, отписывают мангазейские воеводы, «дать им слишком, тогда и ясака они принесут больше, а без жалованья платят мало, а иные и совсем ничего не дают» [Буцинский, с. 29]. Да и самый платеж ясака, по словам воевод, у мангазейских инородцев иной, чем в других сибирских городах. «Мангазейские ясачные люди платят ясак не окладом и положить на них оклад нельзя для того, что люди кочевные, юрт и волостей у них нет; один

год они на одном месте живут, а в другой — на другом, уходят в дальние места безвестно» [Буцинский, с. 29]. Приходят в зимовья для платежа ясака за аманатов человека по 2 и по 3 из рода, и если аманат добрый, то за него платит вся его родня, и дают соболей больше, а если аманат худой, то мало или совсем ничего.

В 1603 году была установлена десятичная пошлина для торговых людей, приезжающих торговать в Мангазею. Вывести пушнину из Сибири можно было только при наличии пропускного листа из какой-нибудь сибирской таможни. Таможенное правило также гласило: «буде мягкая рухлядь у торговых и промышленных людей свыше ста рублей сорок соболей, то такую ценную рухлядь отбирать на государя, а владельцам ее выдавать из казны деньги за вычетом десятой пошлины». Это правило в высшей степени было строгим: оно вело к тому, что в царской казне должен был сосредоточиться весь лучший пушной товар, каковой только и имел цену на заграничных рынках [Буцинский, с. 55].

Таким образом если к десятичной пошлине прибавить еще ясак, то окажется, что государева казна ежегодно получала из Мангазеи мягкой рухляди от 17 до 30 тысяч рублей [Буцинский, с. 60]. Дженет Мартин считает, что одна соболиная шкура в конце XVI века в Москве стоила 1 рубль. Если взять за основу наименьшие цифры, получается, что доходы от торговли соболями могли составлять 50–100 тысяч рублей в год. Российские источники оценивают доход от торговли пушшиной в одну четверть валового дохода Московского государства, американский ученый Фишер приводит долю в 10%, а советский исследователь П. Н. Павлов — в 20%. Однако роль пушнины в государственной казне была намного больше. По данным, которые приводит историк сибирской пушной торговли Олег Вилков, всего в Сибири за 1621–1690 годы было добыто более 7 миллионов соболей. Американский историк Бушкович оценивает число добытых соболей с 1630 по 1660 год в пределах 1,5 миллионов [Эткинд, с. 121].

Усиленный промысел не мог не сказаться на состоянии популяций. Сокращение численности и добычи зверьков стало ощущаться уже с конца тридцатых годов XVII века, т. е. запасы соболя на севере Западной Сибири были подорваны за очень короткий срок — 30–40 лет. В 1640-х годах этот регион потерял свое значение как центр соболиного промысла, о чем можно судить по сильному сокращению ясака сбора шкурок и по сигналам с мест о подрыве запасов зверя [Монахов, с. 22, 37]. «Еще в 1627 году мангазейские торговые и промышленные люди разных городов били челом государю, что в Мангазее ... соболи и бобры "опромышлялись"...» [Буцинский, с. 63]. В начале XVII века хороший зверолов мог добыть 200 соболей в год, а к концу того же столетия — всего 15–20, что делало промысел невыгодным [Эткинд, с. 121].

В дальнейшем, на протяжении XVII и XIX веков, численность соболя находилась на достаточно низком уровне. Скудность соболиных ресурсов отмечал Финш в конце XIX века: «Вообще соболи обского бассейна

считаются самыми плохими, да их и немного» [Финш, Брэм, с. 500].

В начале XX века низкая численность соболя или его полное отсутствие отмечалось практически на всех смежных территориях: в Среднем Приобье [Монахов, с. 27], на Северном Урале [Монахов, с. 29, 30] и в северной части Красноярского края [Монахов, с. 22]. Сохранились лишь изолированные очаги обитания на огромной площади тайги Западной Сибири.

Критическое сокращение численности соболя и заготовок шкурок привело к необходимости принятия экстренных охранно-восстановительных мер. Для этого в Советский период были организованы крупные соболиные заповедники и заказники по всей стране, установлен запрет на охоту с 1935 по 1941 год, после завершения этого периода была введена лицензионная система добычи [Монахов, Бакеев, с. 3, 4]. В настоящее время соболь включен в списки охраняемых видов в 41 государственном заповеднике России [Монахов, Ли, с. 197]. На территории ЯНАО соболь охраняется в Верхне-Тазовском заповеднике.

Крупнейшим и уникальным мероприятием стало искусственное расселение соболей в те районы, которые они не могли заселить естественным путем. Все эти мероприятия привели к тому, что к началу 1960-х годов численность и ареал обитания соболя были восстановлены до уровня середины XVII века [Монахов, Бакеев, с. 3, 4].

Ареал соболя в Обь-Енисейском междуречье не восстанавливался долгое время, поэтому в 1950-е годы на этой территории был осуществлен выпуск 2856 соболей, в результате которого на правом берегу Оби образовался ряд популяций. Казыматлымская популяция образовалась в результате выпуска 511 восточносибирских соболей. Расселяясь, они слились с местной популяцией и проникли в бассейны Куновата, Полуя и Надыма [Монахов, Бакеев, с. 46]. На левобережье Енисея, где местного соболя не оставалось, искусственным расселением 372 восточносибирских и местных (отловленных в правом берегу Енисея) соболей созданы популяции в бассейнах его притоков [Монахов, Бакеев, с. 47]. Интродукция соболей сыграла большую роль в восстановлении ареала и численности вида в этом районе. Однако, как показали исследования, проведенные в начале 2000-х годов в бассейне реки Таз, эти акклиматизированные популяции соболя не оказали существенного влияния на автохтонную популяцию [Успенская и др., с. 231].

В настоящее время соболь распространен во всей зоне Средней Сибири вплоть до ее северных границ. При этом продуктивность лесов как соболиных угодий к северу уменьшается. В северной части Ханты-Мансийского округа этот показатель составляет 0,26–0,36 штук с 1000 га, а в Ямало-Ненецком автономном округе — 0,15–0,20 штук [Монахов, Бакеев, с. 203]. По данным А.М. Пастухова, к моменту организации Верхне-Тазовского заповедника в 1986 году соболь занимал верховья бассейна реки Таз и его притоков — как левобережных,

так и правобережных. Плотность его не превышала 0,35 особи на 1 000 га в темнохвойной тайге. По усредненным данным, на занимаемой зверьком территории плотность его составила 0,15 особи на 1 000 га. За последние десять лет этот показатель стал возрастать: в темнохвойной тайге — 1,43; в светлохвойной — 1,68; в припойменном комплексе — 1,18 особи на 1 000 га. Эти значения являются оптимальными или близкими к таковым для северной зоны Западной Сибири. Зимние учеты 2011 года (январь–февраль–март) показали следующую плотность: светлохвойные леса — 0,67; темнохвойные — 1,2; припойменные леса — 0,96 особей на 1 000 га; усредненные данные по плотности для всех видов угодий составили 0,94 [Пастухов, с. 351].

В качестве одного из методов сохранения запасов соболя в двадцатых годах XX века было предложено также начать разведение его в неволе [Монахов, с. 17]. С тех пор соболеводство активно развивалось, и в 1970–1980-х годах число соболиных ферм достигло 40. В последние десятилетия маточное поголовье существенно сократилось: на 1995 год — до 17,9 тысяч. В 2009 году основное поголовье соболей на фермах возросло до 21,3 тысяч, однако остались только наиболее крупные предприятия. В настоящее время разведением соболя занимаются 6 хозяйств России [Монахов, Ли, с. 197]. В ЯНАО разведение соболя организовано с 2007 года в ООО «Совхоз Верхне-Пуровский». Это единственное в России предприятие, которое занимается разведением соболя клеточного содержания в арктических условиях. В 2009 году сюда завезли 700 щенят соболя из Подмосковья. В 2014 году приплод не превысил 600 штук, но уже в 2015 году был получен рекордный приплод молодняка в 2 400 особей. Количество взрослых особей на сегодняшний день составляет примерно 2 250 голов [Рекордное количество соболей...]. Соболиный молодняк получен от племенного маточного поголовья, адаптированного к местным условиям, и отличается не только высоким процентом выживаемости и устойчивости к внешним факторам, но высоким качеством меха [Ямал везет в Санкт-Петербург...]. При этом стоимость изделий местного производства намного ниже, чем на столичных рынках. По заявлению руководителя предприятия Надира Гаджиева: «В Москве шапка из соболя стоит двести тысяч рублей, у нас, гораздо лучшего качества, — восемьдесят шесть тысяч» [В Тарко-Сале...].

Что касается аборигенных народов, то они с глубокой древности жили в тесной взаимосвязи с окружающей средой, руководствуясь принципами рационального, гармоничного использования ресурсов без нарушения экологического равновесия. До начала колонизации интереса к добыче пушнины в больших масштабах у северных племен не было [Эткинд, с. 117]. Более того, соболь (хант. — *нюхас*) был и остается почитаемым животным, одним из «священных обликов» Казымской богини (*Касум ими*) — духа-покровителя ханты, проживающих на реке Казым наряду с селезнем кряквы и черной кошкой с белой грудкой.

Территория водораздела реки Казым в фольклоре именуется «стороной соболиных коленей», т.е. люди этой земли проживают на коленях (возле колен) этого животного. Шкурка соболя является лучшим приношением в приклад *Касум ими*, кусочками шкурки окуривают одежду и помещение [Молданова]. А.М. Сязи отмечает, что в Приуральском районе ЯНАО, соболя почитали из-за редкости, так же, как и казымские ханты, женщины этой местности кусочками его шкурок окуривали чумы, одежду, чтобы изгнать злых духов и всякую нечисть. Своим южным сородичам за шкурку соболя северные ханты отдавали целого оленя [Сязи, с. 110, 111].

В литературе соболь более всего связывается с лесными духами (*миш*), дающими охотничью удачу, изобилие, символом последнего являются меха. Согласно фольклору казымских ханты, духи живут в домах, полных соболями, «сидят в соболиных гнездах». Считается, что и сама богиня, имеющая соболиную ипостась, «одной своей сутью — женщина в образе лесного духа». На медвежьих игрищах исполняется «Казымской богини песня — миш» (*Касум ими миш ар*), в которой от имени божества поется о ее земной судьбе и последующем становлении духом-охранителем ханты реки Казым [Молданова].

В пользу того, что это животное было предметом верования и культа, косвенно говорят обнаруженные при раскопках Войкарского городища амулеты из кости нижней челюсти соболя.

Узоры с названием этого зверька имеют широкое распространение и занимают особое место в орнаментальном искусстве обско-угорских народов. В XVII веке на обширной территории проживания ханты и манси фиксируется тамга «соболь». Орнамент с названием соболь (*нѣхас*), соболь с топором (*лайман нѣхас*) употребляли не везде, так как считали его (*еман вой*) священным зверьком [Сязи, с. 111].

Из всех декорируемых изделий у нижеобских ханты наиболее вариabельными являются сумки (мешки) для рукодельных принадлежностей, для длительного хранения и перевозки во время кочевков различных мягких вещей, одежды и обуви, лесные сумки. Для их орнаментации используют сложные геометрические орнаменты — «соболь», «соболь с головой», «соболь без головы», «крестообразный соболь с головой» [Сязи, с. 39–41]. Мотив «соболь» используется также для орнаментации берестяных коробок квадратной и округлой формы [Сязи, с. 46]. У разных групп ханты мотивы с названием соболя используются также для украшения женской зимней меховой одежды: «с маленькой головой соболь» [Сязи, с. 53], «соболь» [Сязи, с. 69, 91, 103, 107], «крестообразная голова соболя» [Сязи, с. 58], «спящий соболь» [Сязи, с. 69], «соболь с топором» [Сязи, с. 91, 103, 107], «соболь с головой», «соболь без головы» [Сязи, с. 103, 108]. Суконную женскую одежду орнаментировали мотивами: «спящий соболь», «соболь с головой» [Сязи, с. 58], «соболь» [Сязи, с. 83]. Мотив «соболь» наносят также на мужскую обувь (*эвтом вай*), которую одевают только во время праздников, поездок в поселок или в гости в соседние

стойбища [Сязи, с. 89]. У сынских ханты мотив «соболь» и «соболь без головы» часто можно увидеть на покрывалах на женскую нарту. Такие покрывала обычно входят в приданое и передаются от матери к дочери [Сязи, с. 73].

Таким образом соболь был и остается ценным пушным зверем, и на сегодняшний день его разведение и использование не утратило своего народнохозяйственного значения. В настоящее время в пределах ЯНАО соболь обитает на северной границе своего ареала на участках северо-таежного леса. В силу характерных особенностей территории численность его невысока. Вероятно, редкость соболя в местах расселения северных ханты и, безусловно, красивый, богатый мех, послужили причиной возведения этого зверя в ранг священных.

Соболь сыграл одну из ведущих ролей в экономике российского государства, способствовал развитию внешнеторговых отношений, став одним из брендов России. Пушная лихорадка ускорила темпы и увеличила масштабы колонизации Западной Сибири в XVII веке, и, в конечном итоге, привела к катастрофическому сокращению численности соболя практически на всей ее территории. Но, благодаря своевременно принятым мерам охраны, соболь все же сохранился как вид и восстановил свой ареал обитания.

На современном этапе главным поставщиком пушного сырья должны выступать звероводческие предприятия. Промысел дикого зверя должен осуществляться в разумных пределах, не нарушая естественного экологического баланса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буцинский П.Н. Сочинение в 2-х т. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. 328 с.
- В Тарко-Сале откроется торговый дом «Соболь». [Электронный ресурс]. — URL: <http://sever-press.ru/ekonomika/apk/item/6531-v-tarko-sale-otkroetsya-torgovuj-dom-sobol> (дата обращения 04.02.2016).
- Молданова Т.А. Священные облики Казымской богини. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kazym.ethnic-tour.ru/kazm/publ/kazym-oblik.html> (дата обращения 27.01.2016).
- Монахов В.Г. Соболь Урала, Приобья и Енисейской Сибири: Результаты реакклиматизации. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 156 с.
- Монахов В.Г., Ли Б. Современное состояние, охрана и использование ресурсов соболя *Martes zibellina* в России и Китае // Вестник охотоведения. М.: Издательство ФГБОУ ВО «Российского государственного аграрного заочного университета», 2013. Т. 10. № 2. С. 196–197.
- Монахов Г.И., Бакеев Н.Н. Соболь. М.: Лесная промышленность, 1981. 240 с.
- Пастухов А.М. Соболь заповедника «Верхне-Тазовский» // Человек и север: Антропология, археология, экология. Материалы конференции. Тюмень: Изд-во ИПОС, 2012. Вып. 2. С. 350–352.
- Рекордное количество соболей родилось на Ямале. [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/ural-news/2253144> (дата обращения 04.02.2016).
- Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 248 с.
- Успенская О.Д., Ранюк М.Н., Крутиков А.В. Морфологические особенности соболя бассейна реки Таз // Эволюционная и популяционная экология (назад в будущее). Материалы конференции молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во «Голицынский», 2009. С. 226–231.
- Фёдорова Н.В. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 73–81.
- Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М.: Типография М.Н. Лазарева и К, 1882. 578 с.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Ямал везет в Санкт-Петербург на пушной аукцион две тысячи соболиных шкур. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.znak.com/2015-11-09/yamal_vezet_v_sankt_peterburg_na_pushnoy_aukcion_dve_tysyachi_sobolinyh_shkurok (дата обращения 04.02.2016).

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МВК

В фондах МВК хранится уникальная по объему и выразительности коллекция орнаментированных берестяных изделий из материалов археологических раскопок. Статья посвящена краткой истории ее формирования, характеристике состава, вопросам реставрации и использования археологической бересты для создания бренда МВК и символики ЯНАО в целом.

Ключевые слова: археологическая коллекция МВК, берестяные изделия, орнаментация.

«Я принес тебе жертву в берестяном сосуде...»

Из хантыйской молитвы

Археологическая коллекция МВК стала формироваться одной из первых и на сегодняшний день является наиболее представительной как по объему, так и по значимости экспонатов, среди которых немало поистине уникальных. В последние десятилетия она регулярно пополняется новыми поступлениями, что связано с расширением масштабов полевых исследований на Ямале, несмотря на всю сложность их организации.

Огромная протяженность территории, удаленность и труднодоступность археологических памятников, многие из которых расположены в зоне вечной мерзлоты, отсутствие транспортных путей существенно затрудняют проведение разведок и раскопок. В то же время, одной из характерных особенностей ямальской археологии является высокая степень сохранности изделий из органических материалов: дерева, кости, кожи, ткани, бересты. Понятно, что состояние отдельных находок зависит от характера культурного слоя в конкретных объектах, условий залегания в нем, изначальной выделки, своевременности изъятия, консервации и реставрации. Однако в целом археологические предметы, происходящие из мерзлотных грунтов, дают представительную картину жизни людей в древности и средневековье, и — что немаловажно — вполне сопоставимы с этнографическими.

В статье речь пойдет об орнаментированных изделиях из бересты, представляющих большой научный и экспозиционный интерес. Эта коллекция в фондах МВК формировалась постепенно на протяжении последних десятилетий благодаря раскопкам нескольких ключевых памятников.

Первые четыре предмета происходят из сборов С.Г. Пархимовича на поверхности городища/жертвенного места Усть-Полуй в Салехарде в 1990 году. Находки нашли отражение в публикации, посвященной самой многочисленной и яркой на тот момент коллекции берестяных изделий эпохи раннего железа с городища Шеркалы 1/2 в Ханты-Мансийском автономном округе [Пархимович].

Следующие четыре изделия поступили в МВК уже после стационарных раскопок Усть-Полуя в 1993–1995 годах,

которые проводились Ямальской археологической экспедицией под руководством Н. В. Фёдоровой. Специалисты по достоинству оценили уникальные находки, опубликовав часть из них [Алексашенко].

В 2006 году работы на памятнике возобновились под руководством А.В. Гусева и Н.В. Фёдоровой. Раскопки значительно пополнили коллекцию орнаментированных берестяных изделий в фондах МВК. Особенно «урожайным» на находки такого рода стал сезон 2010 году, когда на памятнике исследовался глубокий ров, в заполнении которого сохранилось много артефактов из органических материалов, в том числе более 20 орнаментированных предметов из бересты или их фрагментов [Гусев, Фёдорова, с. 21]. Столько же было обнаружено в течение последующих двух сезонов — 2011 и 2012 годов. Таким образом на сегодняшний день в МВК хранится небывалая по количеству, сохранности и выразительности коллекция орнаментированных берестяных изделий эпохи раннего железа. Практически все предметы являются сосудами разнообразных форм и размеров [Могрицкая].

В 1998 году в Надымском районе ЯНАО экспедиция ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством О.В. Кардаша начала раскопки Надымского городка. Памятник датируется XVI–XVIII веками и представляет собой укрепленное поселение, имевшее значение торгового и ремесленного центра. Полученные в ходе работ коллекции содержали большое количество берестяных орнаментированных изделий, относящихся ко II тысячелетию [Кардаш, 2009, с. 171–173]. Как правило, это сосуды или их фрагменты и ножны железных ножей. Общее число подобных артефактов исчисляется сотнями единиц.

В 2003–2008 годах в Шурышкарском районе ЯНАО отряд Ямальской археологической экспедиции под руководством Н. В. Фёдоровой проводил раскопки многослойного городища Усть-Войкарское 1 (Войкарский городок), существовавшего со второй половины I тысячелетия до XIX века. На площади памятника удалось проследить несколько строительных горизонтов с постройками различного назначения, исследовать часть оборонительных сооружений и получить большую коллекцию находок, в том числе и берестяных изделий. Надо отметить, что

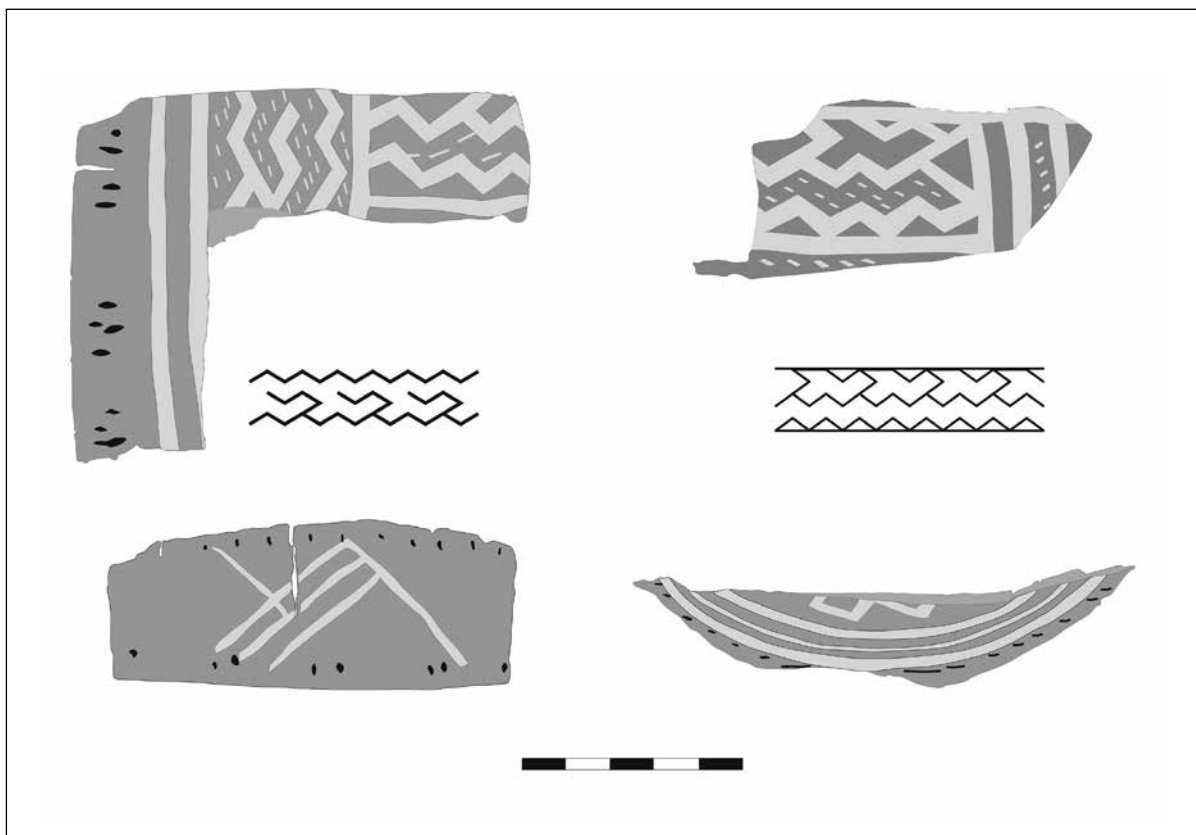

Рис. 1. Фрагменты орнаментированных берестяных изделий из раскопок Древнего святилища Усть-Полуй в 1990 году. Рисунки В. Ю. Могрицкой

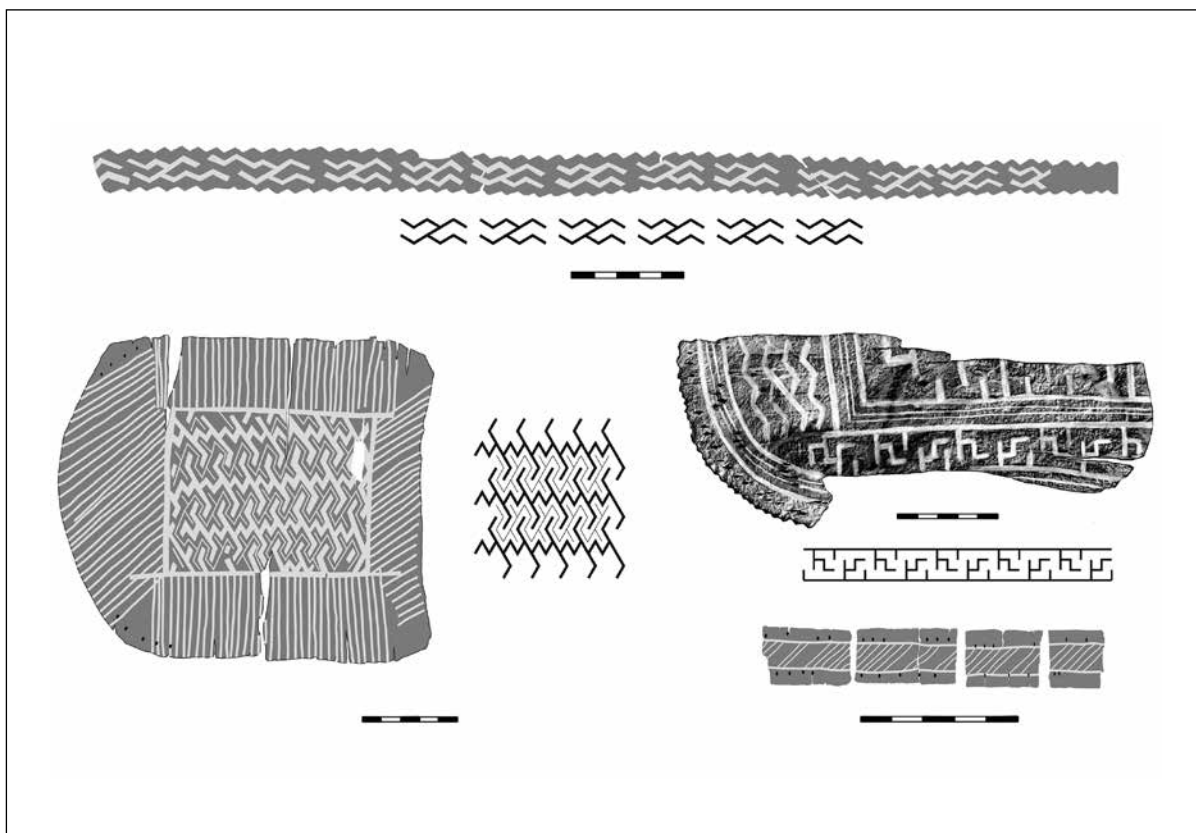

Рис. 2. Орнаментированные берестяные изделия из раскопок Древнего святилища Усть-Полуй в 1993–1995 годах. Рисунки В. Ю. Могрицкой

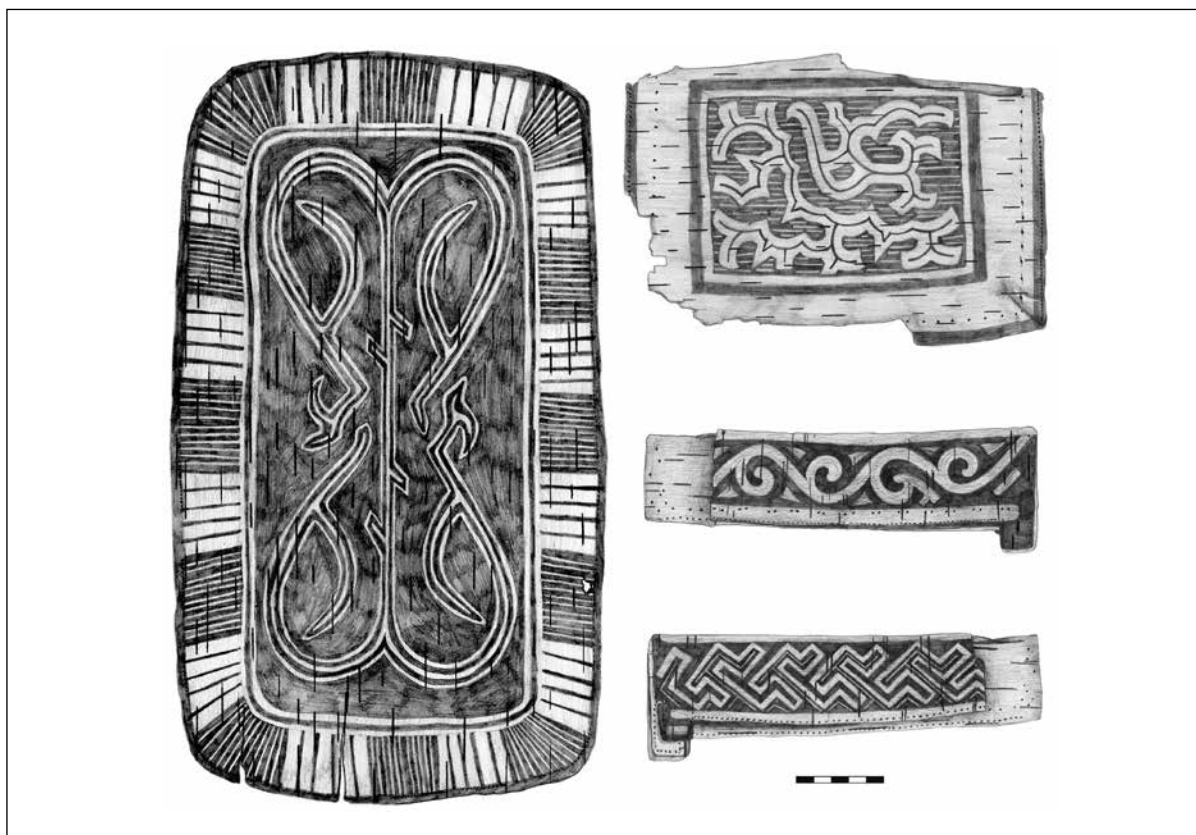

Рис. 3. Орнаментированные берестяные изделия из раскопок Городища Усть-Войкар в 2008 году.
Рисунки В. Ю. Могрицкой

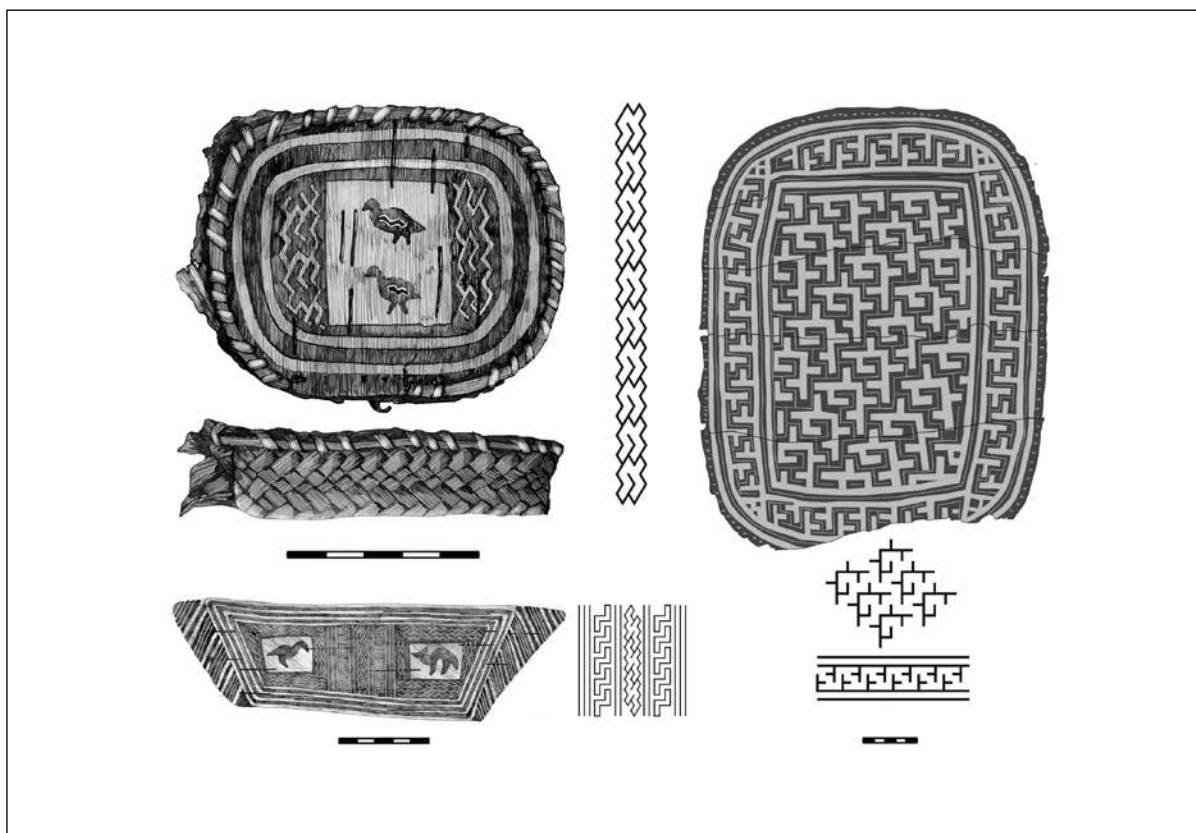

Рис. 4. Орнаментированные берестяные изделия из раскопок Древнего святилища Усть-Полуй
в 2010–2011 годах. Рисунки В. Ю. Могрицкой

номенклатура войкарских берестяных предметов крайне разнообразна: от обычных для таких памятников — берестяных коробок и ножен для железных ножей до детских колыбелей [Фёдорова].

В 2012–2015 годах работы на городище были продолжены отрядом экспедиции Института Археологии СО РАН под руководством А.В. Новикова [Новиков и др.]. За четыре полевых сезона удалось обнаружить около сотни сосудов из бересты, их фрагментов, ножен. В ближайшее время эти находки пополнят фонды МВК.

В 2004–2005 годах в исторической части Салехарда экспедицией ООО «НПО «Северная археология–1», под руководством О. В. Кардаша проводились исследования Полуйского (мысового) городка XVI–XVIII веков. Как полагают исследователи памятника, городок представлял собой резиденцию хантыйских князей Тайшиных в Обдорске. Результатом двух полевых сезонов стала крупная коллекция материалов, включающих несколько десятков орнаментированных изделий из бересты и их фрагментов [Кардаш, 2013, с. 188–193].

В 2006 году начались исследования городища Бухта Находка X–XV веков, организованные экспедицией ООО «НПО «Северная археология–1» под руководством О.В. Кардаша. В результате раскопок была получена коллекция из нескольких десятков орнаментированных берестяных изделий — сосудов и ножен [Кардаш, 2011, с. 34].

С 2010 года, в связи с поступлением серии уникальных находок из бересты с Усть-Полуя, возникла проблема их консервации и хранения. По счастливому стечению обстоятельств, памятник расположен в самом Салехарде, неподалеку от реставрационной мастерской МВК. В то же время, большого опыта работы со столь древними предметами у специалистов музея не было. Взяв за основу методические указания В.И. Поветкина, много работавшего с новгородскими берестяными грамотами, реставратор МВК С.В. Питухин сумел выработать собственные авторские приемы [Питухин], что позволило ему в течение 2010–2015 годов не только отреставрировать десятки предметов из различных коллекций, но и с достаточной достоверностью реконструировать технологию их изготовления.

Успешная реставрационная работа сделала возможной более активное экспонирование орнаментированных берестяных изделий. Находки с древнего святилища Усть-Полуй в декабре 2010 года вошли в экспозицию «Древности Ямала», где находятся по настоящее время;

предметы из коллекций Надымского, Войкарского и Полуйского городков были использованы в нескольких мини-экспозициях и передвижных выставках.

Орнаментальные схемы берестяных предметов Усть-Полуя со временем стали своего рода брендом МВК и активно используются при изготовлении сувенирной и полиграфической продукции. Помимо этого, узоры с берестяных изделий становятся символами ЯНАО на межрегиональном и международном уровне.

Специалисты по традиционному искусству отмечают, что среди различных народных промыслов в регионе обработка бересты играет незначительную роль, а число мастеров, отдающих предпочтение этому материалу, исчисляется единицами [Лонгортова, с. 9; Сязи, с. 59, 63, 84, 128]. В этой связи обращает на себя внимание ничтожно малое количество орнаментированных берестяных изделий в этнографической коллекции МВК — не более двух десятков единиц хранения — и это при том, что на территории ЯНАО проживают ханты, в культуре и хозяйстве которых берестяной промысел всегда занимал важное место. В любом другом регионе подобная ситуация выглядела бы парадоксальной, но благодаря отмеченным выше природным условиям Ямала археологическая коллекция бересты в МВК по объему многократно превосходит этнографическую. Это делает актуальным вопрос об организации совместных с этнографами экспедиций для пополнения фондов оригинальными экспонатами.

Подводя итог, следует отметить ряд важных обстоятельств.

Представленная в собрании МВК коллекция берестяных изделий с археологических памятников уникальна по объему, степени сохранности, выразительности и хронологически охватывает период от рубежа эр до современности. Это дает редкий шанс изучать технологию изготовления и орнаментации предметов на протяжении ряда эпох — раннего железного века, средневековья, нового времени, и вплоть до современности. Прослеживаемые на протяжении двух тысячелетий изобразительные традиции можно отнести к наиболее устойчивым в культуре населения Нижнего Приобья, и потому логично использовать их в дизайне, полиграфии, сувенирной продукции для создания неповторимого визуального образа края. Изучение традиционного берестяного промысла с древности до наших дней является частью сохранения историко-культурного наследия, способствующего формированию идентичности жителей региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексащенко Н.А. Берестяные изделия с археологических памятников Севера Западной Сибири // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 32–37.

Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: Изд-во ГУ «Северное издательство», 2012. 59 с.

Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: Издательство АМБ, 2011. 60 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург–Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013. 380 с.

Лонгортова З.В. Солнечные блики бересты. СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 117 с.

Могрицкая В.Ю. Берестяная утварь древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. — I в. н.э.) в контексте традиционной культуры населения севера Западной Сибири // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 363–364.

Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований

на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 262–266.

Пархимович С. Г. Орнаментированные берестяные изделия раннего железного века из Нижнего Приобья // Ежегодник ТОКМ. 1996 г. Тюмень, 1998. С. 128–146.

Питухин С.В. Реставрация предметов из археологической бересты святилища Усть-Полуй I в. до н.э. // Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции «Исследование, консервация и реставрация музейных объектов: достижения, тенденции развития». Киев, 2013. С. 289–293.

Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 248 с.

Фёдорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник ЯНАО. Салехард, 2006. Вып. 4 (41). С. 11–17.

ОБСКИЕ ГОРОДКИ УГОРСКИХ «КНЯЗЬЦОВ» В ПИСЬМЕННЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVIII ВЕКОВ

Статья посвящена анализу письменных и картографических источников XVI–XVIII веков, упоминающих резиденции угорских «князьцов» в Нижнем Приобье: летописные и картографические материалы, заметки иностранных путешественников, а также обобщающие труды Г. Ф. Миллера (XVIII в.).

Ключевые слова: городки, Западная Сибирь, угорские княжества, археологические памятники, письменные и картографические источники.

Изучение обских городков, по некоторым оценкам являвшихся родовыми центрами угорских «князьцов», — давняя тема сибириеведения. Уже с момента становления провинциальной историографии возникают попытки идентификации столиц угорских политий с остояцкими городками, упомянутыми в старинных письменных источниках. В письменных источниках Северное Приобье («Земли Обдорская и Югорская») представляется читателю неким подобием «страны городов» со множеством укрепленных населенных пунктов и централизованной системой сообщения между ними (только в одном Ляпинском княжестве в процессе русского похода 1499 года было захвачено 33 городка [Миллер, 1999, с. 199]). При этом уникальные природные условия Зауральского севера, сохраняющие в культурном слое многие предметы материальной культуры, создают из них привлекательные объекты для исследования специалистов в разных областях научного знания. После ошеломительного успеха раскопок русского города XVII века. Мангазеи, перспективы комплексного изучения подобного рода памятников открылись в новом ракурсе.

Темы княжеских городков на страницах своего исследования впервые коснулся Г. Ф. Миллер. В ходе описания процесса присоединения Приобских земель отец сибирской историографии не только описал все упомянутые в Сибирских летописях селения, но и показал точное местоположение части из них. Активизация археологов привела к выявлению на исследуемой территории множества городищ, часть из которых интерпретируется как городки, упомянутые в источниках. Так, например, Куноватское и Шурышкарское городища упоминаются уже с конца XIX века в отчетах И. Я. Словцова [Цембалюк, с. 12]. Рассмотрению отдельных городков в составе т. н. остояцких «княжеств» посвятил свой труд С. В. Бахрушин. В конце XX и в самом начале XXI веков всестороннему изучению подверглись Полуийское, Войкарское и Надымское городища [Кардаш, 2013а, с. 39; Кардаш, 2013б, с. 289; Фёдорова, 2007, с. 17–21; Новиков, Гаркуша, с. 190], фигурирующие в источниках как одноименные городки. А. П. Зыков интерпретировал позднесредневековые городища типа 1 комплекса

«Барсова гора» в Сургутском Приобье как возможные поселенческие структуры «Бардаковского княжества», а городище «Барсов городок 1/31–32» как возможную резиденцию князя Бардака [Зыков, с. 107]. По подсчетам А. Г. Бруснициной, как минимум шесть из известных нам по письменным источникам городков в Обдорском крае уже зафиксированы как археологические памятники [Брусницина, 2000, с. 38]. В последнее время группой археологов под руководством Г. П. Визгалова ведется поиск Ляпинского острога [Визгалов, Балуева, с. 276] — одного из первых русских поселений за Уралом, поставленного, предположительно, вблизи остояцкого городка Ляпин. Исследователям удалось обозначить примерное месторасположение русского селения, однако точные границы установить сложно [Визгалов, Балуева, с. 284]. Подобные исследования проводятся и в отношении Собской заставы, обозначенной на Чертежах С. У. Ремезова [Ремезов и др., л. 33; Чертежная книга Сибири..., л. 43]. К сожалению, данные попытки пока не увенчались успехом. Совершенно новый уровень данный вопрос получил в разработках методологических проблем, связанных со статусом интересующих нас укрепленных поселений [Головнёв, с. 143, 144; Данченко, Грачёв, с. 172–174].

В рамках данного исследования мы ограничиваемся территорией бассейна р. Обь от впадения в нее Иртыша на юге до самого устья на севере. Такая локализация продиктована схожестью археологического материала, что, возможно говорит о существовании в данных границах единого культурного пространства. К тому же именно на этой территории в «Книге большому чертежу» расположены города «Обдорские и Югорские». Объектом исследования выступает комплекс источников, касающихся функционирования Обских городков в период XVI — начала XVII веков, т. е. в момент непосредственного вхождения Приобья в сферу интересов Русского государства.

Остановимся на характеристике источников и содержащейся в них информации, интересующей нас в рамках данного исследования. В качестве базового источника нами был взят список Сибирских городов, содержащийся

в «Книге большому чертежу», которая считается первой географической картой Московского государства. Описание маршрутов и земель Московии (самой карты не сохранилось) принято датировать временем правления царя Федора Ивановича (1584–1598) [Книга большому чертежу..., с. V]. Л. Багров определял создание первого списка периодом до 1599 года, так как на нем отмечены только города, расположенные на самой Оби или к западу от нее, в то время, как города Туринск и Томск, основанные между 1599 и 1604 годами не описываются [Багров, с. 209]. Второе издание, появляется в 1627 году [Книга большому чертежу..., с. VI] и, по сути, представляет собой воссоздание обветшавшего Чертежа, из-за чего оно мало отличается по содержанию от первого. Таким образом использование этого текста позволяет нам оперировать информацией, по времени синхронной существованию аборигенных независимых городков. Воспроизведем этот текст:

«А на Оби на реке, на сторону, отъ моря вверх по Оби 550 верст городъ *Негей*¹. Отъ Негея вверхъ 70 верст городъ Носовой. Против Носового Обдора. Отъ Носового 70 версть с правой стороны Оби *г. Ирка*. А отъ Ирка вверхъ 40 верст, Войкар или Ночной. А выше Войкара Уркар, или Белый. А выше Белого 130 версть, *Лосма*. А выше Лосмы пала в Обь рьку, съ востоку, Казым рька, протоку той реки 480 версть. А на устье той реки городъ Казымъ, а Выше его на другой стороне, 40 версть... город *Кенчикаръ*. А выше его 180 версть на Оби Чомашъ. А выше Чомаши 70 версть *Шоркар*. А выше 70 версть Нецгаркоръ, а выше 70 версть, Курмышъ-Юрган. А выше 60 версть, *Отлимъ*. А выше тово по Оби 140 версть Карымканъ. А выше 60 версть, Емдырь. А Выше 20 версть *Калымъ*. А выше 10 версть, Обской Большой. А выше 70 версть *Ласльпей*. А выше 170 версть впадает в Обь Васъеган... А выше Сургута *Лунтук*. А выше тово 108 верст, Нарым, по-нынешнему Пегоя Орда. А по Сосье города: Съ верху на Сосвь городъ Юидь. А съ другой стороны на низъ 30 версть, Мункус. А ниже Менкуса 30 версть, Ляпин. А ниже Ляпина 60 верст, на другой сторнь, на Сосвь, Искар. А ниже 80 версть, *Танасы*. А ниже 40 версть, *Начинь*, а с другой стороны 30 версть, *Заглый*. А ниже 50 версть, *Вороней*. А ниже 50 версть, *Хюликар*. А ниже 60 версть, *Естынь*. А на усть рьки Сосвы, съ вышней стороны, *Хахтынъ*, а съ нижней стороны Березовой. И ть города по Сысьвь и по Сосвь, Югра» [Книга большому чертежу..., с. 211–215].

Ценность данного источника заключается не только в обозначении маршрутов от одного городка до другого с указанием расстояния, но и в том, что в нем фигурируют городки, более нигде не упомянутые. Часть вышеуказанных селений перечисляются в делопроизводительных документах: городки, относимые Г.Ф. Миллером к Ляпинскому княжеству [Миллер, 1999, с. 261–264], упомянуты в грамоте царя Федора Ивановича князю Лугую [Жалованная грамота царя..., № 54]. Вероятнее всего, неизвестные городки, не являясь крупными центрами, долгое

время оставались вне интересов московского государя и к моменту создания последующих чертежей (рубеж XVII–XVIII веков) уже прекратили свое существование. В доказательство приведем пример с Войкарским городком, который уже на ряде Ремезовских чертежей отражен как юрты [Чертежная книга Сибири..., л. 18].

Другим важным источником являются сами «Чертежи», составленные С.У. Ремезовым и его учениками, которые признаны исследователями в качестве выдающегося памятника русской картографии. «Чертежная книга Сибири» (далее — ЧКС), долгое время хранившаяся в собрании графа Румянцева, уже давно известна исследователям и прошла множество проверок. Отдельно источником занимался А.И. Андреев. Карты, составленные в начале XVIII века, на наш взгляд, отражают геопропространственные представления русского населения в предшествующий период. С.У. Ремезов во введении к своему труду пояснил, что все чертежи составлены в результате «допросов» уроженцев различных земель, в т. ч. мезенцев, новгородцев, пелегжан и т.д. [Чертежная книга Сибири..., л. 1], при этом на рисунках мы видим аналогии в месторасположении отдельных участков с более ранними картами (в т.ч. А. Вида). Кроме того, результаты исследования А.И. Андреева показали, что при составлении ЧКС кроме допросов С.У. Ремезов активно использовал прежние Сибирские чертежи и географические работы [Андреев, с. 113]. Исходя из этого, мы можем говорить, что данные источники частично сохранили и отображали устойчивые образы земель к северо-востоку от русских центров, в силу чего на них имеются расхождения. Несмотря на то, что ЧКС не является оригиналом [Гольденберг, с. 94], общепризнано, что она отличается правдивостью и детальностью изображения. «Хорографическая чертежная книга» (далее — ХЧК), по мнению В.Э. Булатова была составлена в 1697 году и дополнялась чертежами вплоть до 1711 года [Хорографическая чертежная книга..., с. 10]. Для ее составления С.У. Ремезов использовал порядка 30 чертежей Сибирских городов, «выписки из сметы острогам и городам» Тобольского уезда 1683–1684 годов, данные Тобольских писцовых книг 1680–1682 годов. Льва Посковича, результаты измерений расстояний между населенными пунктами, проведенных в 1683–1684 годах. Любимой Зайцевым, подъячим Андреем Завьяловым и Б. Чернициным [Хорографическая чертежная книга..., с. 17, 18]. Кроме того, в нашем расположении имеется «Службная чертежная книга» (далее — СЧК), являющаяся своего рода черновиком и включающая в том числе переписанные автором более ранние чертежи воеводы П.И. Годунова (Л. 31: Чертеж Древний всея Сибири Годуновский) и А.А. Винуса (Л. 33: Чертеж Андрея Андреевича Винуса) [Багров, с. 217, 218].

Еще одним важным источником являются сведения иностранцев, посетивших Московию в XVI веке и собиравших информацию о восточных пределах русского государства. Одним из первых иностранных послов,

¹ Здесь и далее курсивом выделены города, информация о которых содержится только в этом источнике.

интересовавшимся Зауральскими территориями, был С. Герберштейн, дважды (1516–1518, 1526–1527) находившийся на дипломатическом поприще при русском дворе. Книга «Записки о московских делах», в которой содержится т. н. «Югорский дорожник» — своеобразный путеводитель через Урал, вышла в 1549 году [Алексеев, с. 99]. Сам посол, хорошо знавший русский язык и приводивший отрывки из русских летописей [Алексеев, с. 100], утверждал, что вся информация взята из предоставленного ему русского дорожника [Герберштейн, с. 160]. При этом, в данном источнике указывается наиболее ранний маршрут, уже исчезнувший к моменту появления в Москве Герберштейна, о чем сам посол несколько раз упоминает в «Записках», а, соответственно, информация в нем отражает знания XIV–XV веков [Плигузов, с. 20].

Другим иностранцем, о котором следует упомянуть в ходе нашего исследования, является А. Марш, который был фактором английской торговой компании, нанимавшим русских торговых агентов и поручавшим им исследовать морской путь в р. Обь. Интересующая нас информация содержится в ответном письме русских агентов Маршу. Часть городков, упомянутых в послании, приведены транскрипцией и имеют явно русские названия, в то время как другие можно интерпретировать как остяцкие. Например, *Necheiourgoskoy*, скорее всего, являлся городком хантов Нарганкор или Нангакор, а *Charedmada* — Черикором [Хромых, с. 62, 63].

Таким образом нами был собран широкий круг источников, анализ и синтез которых поможет нам выявить наиболее полную информацию об остяцких «княжеских» городках. Заметим, что настоящую работу мы расцениваем как базовую для дальнейшего выявления и разностороннего изучения памятников XVI–XVII веков.

Упомянутый в «Книге» город Негей расположен где-то ниже современного Салехарда. С учетом того, что авторы «Книги» использовали несколько мер версты, более точные координаты указать невозможно, хотя можно предположить, что данный объект находился на правом берегу Оби и с ним, возможно, связано современное село Аксарка. Чаще в источниках упоминается Носовой городок или Пулноват-Ваш — столица Обдорского княжества [Бахрушин, с. 62]. Вероятно, этот же город упомянут в письме А. Маршу под названием «Носов город» [Алексеев, с. 191], с которым принято ассоциировать будущий Обдорск (современный Салехард) или Полуйский городок. На ХЧК городок Полуйский на р. Полуй расположен выше городка Гындина, «где собирают ясак», который так же помечен крестом (обозначение церкви) [Хорографическая чертежная книга..., л. 116], при этом на другом берегу Полуя расположен городок «Обдорской служивых», что не противоречит данным «Книги». Русское поселение в этой местности появляется не ранее 1596 года [Миллер, 2000, с. 26] и, вероятно, изначально связано именно с последним. В ЧК на чертеже Березовского города к обозначению крупного города с церковью на р. Полуй добавлено: «построен на приезде остяцком», ниже по течению реки стоят юрты, помеченные крестом, еще ниже — юрты «князя Тайши Гындина с товарищи» [Чертежная книга Сибири..., л. 18]. Известно,

что часть политической элиты Обдорского княжества приняла православную веру сразу по вхождению в состав Русского государства [Кардаш, 2013а, с. 40], вследствие чего можно говорить, что изображения на чертежах отражают историческую реальность. Археологические исследования Полуйского городка в черте города Салехард показали, по мнению его исследователя, что он использовался в качестве резиденции Обдорских «князей» [Кардаш, 2013а, с. 283].

О городке Ирка ничего не известно, в то же время Войкар (Ночной) и Уркар (Белый) часто перечисляются вместе со столицей Обдорского княжества [Бахрушин, с. 62]. Войкарский городок (позже — юрты) обозначен на чертежах С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга..., л. 117; Чертежная книга Сибири..., л. 18]. Археологический памятник городище Усть-Войкар 1 расположен в Шурышкарском районе ЯНАО в 2,2 км к ССВ от одноименного поселка, на левобережье р. Оби [Фёдорова, 2006, с. 13, 14]. Исходя из анализа материалов, нижние слои датируются XIII–XIV веками. [Фёдорова, 2006, с. 24, 27], а сам городок начал свое функционирование с начала XV века [Фёдорова, 2007, с. 20]. В ряде хантыйских легенд упоминается некий укрепленный городок, расположенный на горе в верховьях Войкара, жители которого при нападении прятались в землянках [Головнёв, с. 144]. Заметим, что, по мнению А.В. Головнёва, расположение городка на высокой горе, в первую очередь говорит о высоком статусе его жителей, в то же время укрытие в землянках, напротив, ассоциируется в первую очередь с простолюдинами. Исходя из чертежей, можно предположить, что к моменту их составления городок уже прекратил свое существование, что связано, возможно, с русским влиянием: русская административная система, привела, вероятно, к исчезновению междоусобных конфликтов у населения Западной Сибири, а, соответственно, пропала и необходимость в укрепленном городке [Мартынова, с. 44]. Обозначение же Войкара крупным городом на Чертеже Оби из ХЧК, скорее всего, объясняется переводом более раннего чертежа.

Интересна информация, касающаяся городка Лосмы, находящегося, согласно «Книге», в 130 верстах южнее Войкара. Учитывая некоторую условность в измерении расстояния, мы можем предположить, что данный городок расположен примерно в среднем течении р. Сыня. Приблизительно в 115 км от Войкара (если двигаться вверх по малой Оби и Сыне) расположено устье созвучной с Лосмой реки Лесмиеган (правый приток Сыни), в 8,3 км к ЮЮЗ от которого на правом берегу расположено городище Лесмиеган 2 [Сынские ханты, с. 13, 14]. Данный памятник открыт в ходе разведки Е.И. Кочегова и Н.В. Фёдоровой в 1994 году и датирован по обнаруженным остаткам деревянных сооружений и неорнаментированным фрагментам сосудов эпохой позднего средневековья [Цембалюк, с. 61–64]. Несмотря на отсутствие визуально фиксируемых оборонительных сооружений, этот комплекс, занимающий возвышенность, резко поднятую на 16–19 м над поймой, имел естественные укрепления и может интерпретироваться как один из княжеских городков. Заметим так же, что именно эта река изображена на Чертеже Оби

под названием р. Лома [Хорографическая чертежная книга..., л. 118]. Судя по изображению, напротив известного городища Лесмиеган 2 располагался г. Пашер, о котором ничего не известно, но можно предположить, что речь идет об одном пункте, по ошибке помещенном на левом берегу. К тому же по течению р. Сыни на левом берегу расположены городки «Верхне Сынской» и «Нижне Сынской», в то время как в настоящее время здесь неизвестно археологических памятников.

Как уже говорилось выше, городки Карымкань и Нецгаркорь, упомянутые и в «Книге», и в письме А. Маршу, скорее всего, являлись городками Черикор и Нарганкор, настоящее местонахождение которых неизвестно.

Город Шоркар, бывший, видимо, столицей Кодского княжества [Очерки истории Коды, с. 96] и фигурирующий в списках «Книги», на Ремезовских чертежах обозначен примерно в районе современного поселка Шеркалы [Хорографическая чертежная книга..., л. 119]. Мы сознательно ограничим этим городком наше движение на юг. Этому есть ряд причин:

1 — такое движение приведет нас к устью Иртыша и в Сургутское Приобье, подробно рассмотренное А.П. Зыковым, что с одной стороны выведет нас за территориальные рамки исследования, с другой — поставит перед необходимостью повторять ранее достигнутые выводы;

2 — возникает вопрос о соотношении Коды и Югры в русских источниках, так как летописная традиция часто перечисляет данные земли, как различные территориальные образования [ПСРЛ, т. XXVI, с. 275, 276]. Данная проблема заслуживает отдельного исследования и, будучи в настоящее время нерешенной, ставит под сомнение отношение Кодских городков к Югорской земле.

В рамках настоящего исследования следует вернуться к истокам р. Сосьвы, где в «Книге» обозначен еще ряд городков.

Особенность рассматриваемого списка, состоящего из городков Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос, Юил, заключается в том, что впервые в составе одного княжества они перечисляются уже с конца XVI века в грамоте, данной царем Федором Иоанновичем князю Лугую [Жалованная грамота царя..., № 54]. Еще раньше о крепости Ляпин пишет С. Герберштейн [2008, с. 157]. Аналогичным образом (вероятно, с отсылкой к Герберштейну) крепость Ляпина на реке *Sibut* (Сибут) недалеко от Сосьвы помещает французский географ Андре Тевэ в своем труде «Всемирная космография» (1575) [Алексеев, с. 139–145]. Город Ляпин Березовского уезда при впадении р. Сыгвы (Сибут — ?) в Сосьву описывает Г.Ф. Миллер [1999, с. 199], в ходе своего рассказа он добавляет «в 30 верстах от впадения Сыгвы в Сосву на небольшой речке Ляпиной» [Миллер, 1999, с. 263]. «Сыгва» — старое название р. Ляпин, соответственно крепость, описываемая Миллером, должна располагаться в районе современного села Саранпауль. Как уже говорилось выше, работы по выявлению Ляпинского острога на сегодняшний день не определили точного месторасположения крепости. При этом следует учитывать, что вероятный вогульский городок, упомянутый в «Книге», стоял в стороне от русского селения. То же касается

и другого городка — Юиль, причисляемого к этому княжеству (результаты исследования известного Юильского острога определили время постройки последнего — 1745 год [Визгалов, Балуева, с. 277]). Вероятно, вогульский Ляпин следует ассоциировать с городком Лопынг-уш [Миллер, 1999, с. 263], близ села Ломбовож [Мартынова, с. 40]. Городок Юиль, соответственно данным «Книги», находился в верховьях Сыгвы, это замечает и Г. Ф. Миллер, сопоставивший его с вогульским селением Сек-теллек-уш [Миллер, 1999, с. 264]. Заметим так же, что известный археологический памятник Юильский городок и примыкающий к нему Казымский острог, расположенные в 45 км вниз по течению р. Казым от п. Юильск [Новиков, с. 262, 263], ни хронологически, ни территориально не могут быть отнесены к городку Юиль из списка «Книги». Городок Илчма историк располагает на дороге по р. Олеш (*зыр.* — *Илчма*), впадающую в Печеру, считая, что он находился на западе от Урала, а вогулы, жившие в нем, попросили у князя Лугуя защиты, из-за чего данное селение и упомянуто в документе. Однако, перечисленный в «Книге» городок Искар, находящийся ниже Ляпина, вполне может являться искомым пунктом. В отношении Мункаса Г. Ф. Миллер пишет следующее: «В верхнем течении Сыгвы имеется вогульская деревня Мункес-пауль, по-русски — Мункасские юрты» [Миллер, 1999, с. 263], однако о самом городке исследователю ничего не известно.

В отличие от списка «Книги», в грамоте князю Лугую к его владениям причисляется еще и Куноват, или Кун-аут-выш, находящийся, по свидетельствам Г.Ф. Миллера, на северном берегу озера, через которое течет р. Куноват, поблизости от впадения в Обь [Миллер, 1999, с. 263]. Примерно так же месторасположение данного объекта локализует ХЧК [Хорографическая чертежная книга..., л. 119]. На современной археологической карте в данной местности обозначено городище Куноватский Сор 1, расположенное на мысу правого берега Оби, образованном с востока поймой Куноватского Сора с протекающей по ней протокой Лорпатыеган [Брусницина, 2004, с. 39]. Сам памятник находится на высоком (до 20 м) и достаточно крутом склоне, что создает естественную защиту; в его северной части были зафиксированы остатки рва. Городище предположительно отнесено к XVI–XVIII векам [Брусницина, 2004, с. 40, 41]. Заметим, однако, что полное отождествление Куноватского городка с рассматриваемым памятником условно по ряду причин: 1 — такая датировка, основанная в первую очередь на анализе рельефа и кусочку спекшегося стекла, кажется недостаточно аргументированной; 2 — маловероятно, что во владения Лугуя, занимавшие территории по Сосьве, вошел город, расположенный на таком удалении от него, в то время как список «Книги», фактически синхронный списку грамоты, вообще не упоминает о таком городке. Во всяком случае, данный аспект требует дальнейшего исследования.

Проблемным в настоящее время остается и вопрос, связанный с Рунимовым городком, обозначенным на правом берегу р. Обь [Хорографическая чертежная книга..., л. 116]. Заметим, что на другом чертеже говорится лишь о юртах Рунимовых [Хорографическая чертежная книга...,

л. 117], на первом рисунке символом обозначен небольшой городок. Скорее всего, речь идет о некоем городке, который ко времени работ С.У. Ремезова уже прекратил свое существование. Выяснить более-менее точные координаты данного пункта затруднительно.

Крупным городом на картах С.У. Ремезова обозначен Шурышкар, расположенный, судя по изображению, в пределах современного села Шурышкарское [Хорографическая чертежная книга..., л. 117]. Вероятно, городище Шурышкарский Сор 1, датируемое эпохой средневековья [Цембалюк, с. 13], имеет непосредственное отношение к данному городку. Кроме того, на сопредельной территории расположено городище Лысая Гора [Цембалюк, с. 20–24] или Лор-вош, в настоящее время почти полностью разрушенное, но известное по яркой коллекции предметов, в т. ч. из драгоценных металлов.

На указанном выше чертеже вблизи устья р. Сосье расположен крупный город Унбин. При наложении на современную карту данный городок может располагаться вблизи урочища Туш-вош (или непосредственно в нем), образованного протокой Тушвожьеган (хант. — «река бородатого города») [Словарь гидронимов..., с. 193]. Следует заметить, что название данного городка близко по звучанию к хантыйским *Унтен* — «лесистый» и *Унет* — «волосы» [Словарь гидронимов..., с. 131]. К сожалению, археологические исследования в данной местности не проводились, однако приведенные выше аналогии позволяют говорить о существовании городка, не упомянутого «Книгой большому чертежу». Еще один важный момент, который следует осветить в рамках описания данного поселения, касается упоминания некоего Тазовского городка (*Tasuoï Gorodok*) в устье р. Пады (*Padou*) в письме А. Маршу [Алексеев, с. 191]. Данный объект принято ассоциировать с русским Тазовским, однако этому противоречит его локализация. Название *Пада* и *Падья* (*Pad-jaha*) является селькупским обозначением р. Соби, что отражается и в источниках [Алексеев, с. 193, 194]. В ненецком — *Пэдара* означает «лес» [Диалектический словарь..., с. 146], так же, как и созвучное с хантыйским названием интересующего нас города Унет. Таким образом

ранее неизвестный город Унбин (вероятно, правильный перевод города звучит как «волосатый, бородатый» или «лесистый»), отраженный не только в Ремезовских чертежах, но и в иностранных источниках конца XVI века, следует локализовать в устье р. Сосье на ее правом берегу. Если мы в таком случае проследим путь, предлагаемый А. Маршу, то увидим, что маршрут проходит не от устья Оби вглубь Западной Сибири, а наоборот, повторяя знакомый информаторам «чрезкаменный» путь, что объясняет некоторые несостыковки. В таком случае, правда, возникают проблемы с интерпретацией *Necheiourgoskoy* и *Charedmada*, так как предполагаемые городки расположены выше по течению. Впрочем, мы можем предложить, что *Necheiourgoskoy* или упомянутая в том же источнике крепость Надежная является самым северным городом, упомянутым в «Книге».

Известным памятником археологии является Питлярское городище, расположенное на правом берегу р. Питляр [Брусницина, 2002, с. 5]. ХЧК дважды фиксирует данное поселение, обозначая его юртами: 1 — на правом берегу р. Питляр при впадении ее в Обь; 2 — в устье Питлярского сора. Верхние слои городища датируются VIII–IX веками [Брусницина, 2002, с. 21], использовались ли оборонительные сооружения в последующее время сказать сложно.

Таким образом на современном этапе мы можем говорить о точной локализации следующих Обских городков (не включая Надым): Войкар (городище Усть-Войкар 1), Носов (Полуйский городок), Лосма (Лесмиеган 2), вероятно, Куноват (городище Куноватский Сор 1). Предположительно установлены расположения городков на р. Сев. Сосье, а также Шурышкарского городка, известного по Ремезовским чертежам. Благодаря анализу письменных источников удалось выявить и предположительно локализовать город Унбин, ранее не упоминающийся в литературе. Интерес к Обским городкам обусловлен возможностью комплексного изучения по письменным и археологическим источникам тех аспектов истории позднего средневековья и нового времени, которые ускользают от исследователей более ранних памятников, и, на наш взгляд, будет лишь увеличиваться со временем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1941. 676 с.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Лен.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Вып. I. XVII в. 366 с.

Багров Л. История русской картографии / Пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2005. 523 с.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. 85 с.

Брусницина А.Г. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3: Археология и этнография. Материалы научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999 г. С. 32–48.

Брусницина А.Г. Полевой отчет. Археологическое обследование р. Куноват в Шурышкарском районе ЯНАО в 2003 году. Екатеринбург–Салехард, 2004 // Науч. архив МВК. ЯНМ Ф. 1. Д. 120.

Брусницина А.Г. Полевой отчет. Археологические раскопки на Питлярском городище в Шурышкарском районе ЯНАО в 2001 году. Салехард, 2002 // Науч. архив МВК. ЯНМ Ф. 1. Д. 115.

Визгалов Г.П., Балужева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск–Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 276–285.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. I. 774 с.

Головнёв А.В. Говорящие культуры. Традиции самодейцев и угров. Екатеринбург, 1995. 607 с.

Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Реземов. Сибирский картограф и географ 1642 — после 1720 гг. М.: Наука, 1965. 262 с.

Данченко Е.М., Грачев М.А. К вопросу о городском статусе укрепленных поселений Западной Сибири эпохи позднего средневековья и Нового времени // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 172–175.

Диалектический словарь ненецкого языка / Под общей ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2010. 352 с.

Диалектический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под общей ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.

Жалованная грамота царя Федора Ивановича Вымскому князю Лугую (август 1586 г.) // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. II. № 54

Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.

Кардаш О.В. Полуыйский мысовый городок князей Тайшиных. Обдорские городки конца XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Салехард: Магеллан, 2013а. 380 с.

Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи. Обдорские городки конца XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Салехард: Магеллан, 2013б. 360 с.

Книга большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. Изд. 2-е. СПб.: типография Императорской Российской Академии, 1838. 239 с.

Мартынова Е.П. «Разных земель люди», «разных городков люди»: Этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Отв. ред. Я. А. Яковлев. Ханты-Мансийск–Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. С. 34–51.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. 360 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.

Новиков А.В. Этнокультурное взаимодействие казымских ханты и восточнославянского населения в XVIII–XIX веках (на примере домостроительных традиций) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 262–275.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка (по материалам работ 2012–2014) // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 190–193.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: Издательство «Тезис», 2004. 200 с.

Очерки истории Коды / В.М. Морозов, С.Г. Пархимович, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 1995. 192 с.

Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. 160 с.

ПСРЛ. Под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. XXVI. Вологодско-пермская летопись. 416 с.

Ремезов С.У. и сыновья. Служебная чертежная книга: рукопись к. XVII — н. XVIII вв. Эрмитажного собрания № 237 Российской национальной библиотеки: [факсимильное издание. 35×25 ширина 5,5 см.] / С.У. Ремезов и сыновья. Тобольск: Общественный фонд возрождение Тобольска, 2006. Т III. 172 с.

Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 2012. 390 с.

Сынские ханты / Под общей ред. д. и. н. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 352 с.

Фёдорова Н.В. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 г. 2 кн. Нефтеюганск–Салехард, 2006. Кн. 1 // Науч. архив МВК. ЯНМ Ф. 1. Д. 105.

Фёдорова Н.В. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2007 г. 2 кн. Нефтеюганск–Салехард, 2007. Кн. 1 // Науч. архив МВК. ЯНМ Ф. 1. Д. 131.

Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова / Под ред. В.М. Туминского. Тобольск: Общественный фонд возрождение Тобольска, 2011. 692 с.

Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI — первая четверть XVII века) / Отв. ред. Г.Ф. Быконя. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. 312 с.

Цембалюк С.И. Отчет о выполнении работ по проведению инвентаризации состояния объектов археологического наследия, Шурышкарский район. Салехард, 2014. Т. 1 // Науч. архив МВК. ЯНМ Ф. 1. Д. 177.

Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями / Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева). № 346. 49 л.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ОДНОМ ИЗ ПРЕДМЕТОВ С ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАР 1

Автор статьи предлагает свою версию прочтения сюжета, изображенного на пластинке из бивня мамонта, обнаруженной в 2005 году в ходе археологических раскопок на городище Усть-Войкар 1.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, декоративно-прикладное искусство, интерпретация предмета.

Среди огромного многообразия сюжетов древнего и средневекового искусства в различных регионах особую группу составляют сцены охоты и рыбной ловли. Они известны среди произведений пещерной живописи, петроглифов, на предметах торевтики, в виде гравировок на предметах и т.п. Этнографические данные показывают, что подобные изображения нередко выполняли не только эстетическую функцию, но и были связаны с традиционными обрядами подготовки к промыслу, цель которых — обеспечить успех в добывании пищи. Понятно, что семантику и назначение образов, изображенных художниками прошлого, целиком распознать непросто.

В фондах МВК хранится небольшое потемневшее от времени ажурное изображение из бивня мамонта, имеющее вытянутую форму и размеры 7×3 см.¹ По краям, на одном из которых имеется скол, прорезаны отверстия неправильной формы (рис. 1). Изделие было найдено в июле 2005 года Ямальской археологической экспедицией под руководством Н. В. Фёдоровой на городище Усть-Войкар 1 в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа.² Памятник расположен на мысу левого берега реки Малая Обь. В ходе многолетних раскопок на нем было выявлено несколько строительных горизонтов XIV–XIX веков, исследованы различные постройки и фортификационные сооружения, получена огромная коллекция артефактов [Фёдорова, с. 18].

Данный экспонат из усть-войкарской коллекции интересен своим необычным видом. На первый взгляд,

сюжет изделия не вполне понятен, он представляет собой двустороннее изображение вереницы каких-то странных хвостатых существ с телами доисторических ящеров и мощными короткими ногами. Среди сотрудников музея возникали самые разные версии относительно их видовой принадлежности. Принимая во внимание тот факт, что основными промысловыми занятиями местного населения традиционно являлись охота и рыболовство, можно предположить, что пластина украшена изображением сцены охоты или рыбалки. При внимательном рассмотрении всех деталей складывается впечатление, что человек сидит в лодке типа селькупской ветки³ или хантыйской калданки⁴ в позе гребца, а контурные линии основы пластины похожи на волны. Смущают лишь «ноги» под брюхом рыб, животных и под днищем лодки, которая как бы парит в воздухе. Но если предположить, что эти элементы не несут смысловой нагрузки, а использованы для усиления хрупких ажурных деталей, то в итоге получатся изображения рыб.

Таким образом при изготовлении одного небольшого предмета художник-косторез применил несколько художественных приемов: ужал пространство, перевернул часть изображения в другую плоскость, и в то же время придал пространственный объем с помощью дополнительных элементов поддержки отдельных частей композиции. Для ее лучшего восприятия и понимания первоначального замысла мастера, на четырех рисунках, выполненных автором статьи, показано последовательное раскрытие сюжета пластины (рис. 2–5).

¹ Инвентарная карточка предмета № НВФ–9067/2. Фонд археологии. Государственное бюджетное учреждение «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского» (Салехард).

² Автор выражает благодарность Н. В. Фёдоровой за разрешение использования в данной статье археологического предмета, найденного на городище Усть-Войкар 1.

³ Ветка — цельнодолбленная селькупская лодка, изготавливалась из ствола кедра. Управляется человеком с помощью одного короткого весла.

⁴ Калданка — небольшая деревянная лодка, состоящая из трех частей: днища и двух боковин. Является транспортным средством, также применяется на охоте и рыбалке. Управляется одним человеком с помощью двустороннего весла или двумя веслами с ключичинами.

Рис. 1. Костяная пластина из городища Усть-Войкар

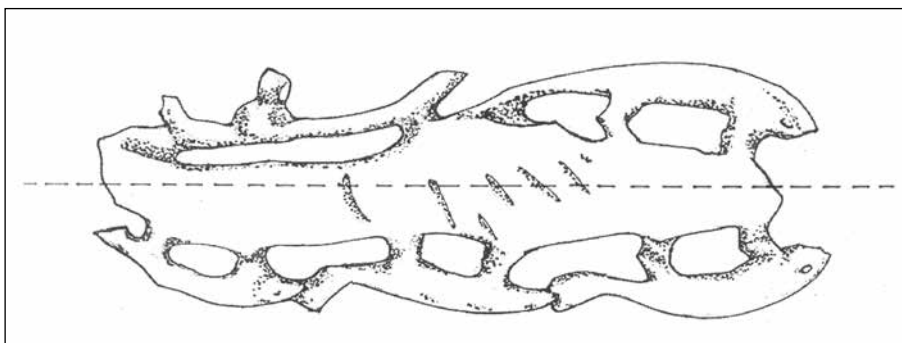

Рис. 2. Прорисовываем контуры и рельеф пластины.
Условно разделяем изображение на верхнюю и нижнюю части

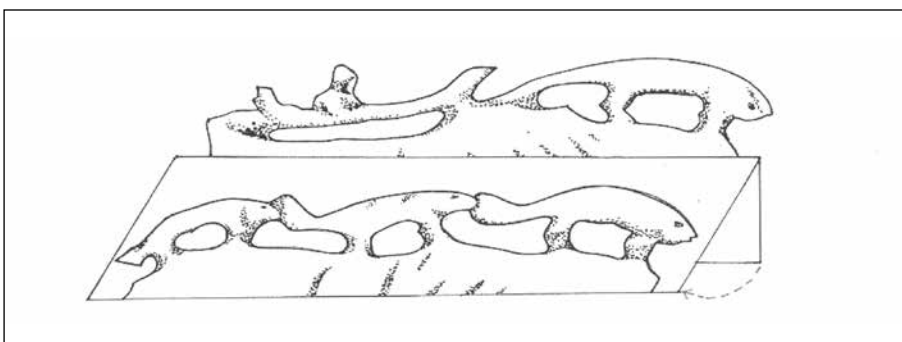

Рис. 3. Изменяем пространственное положение нижней части изделия.
Разворачиваем эту часть рельефа на 180°, затем параллельно соединяем ее
с верхней частью в одну горизонтальную плоскость

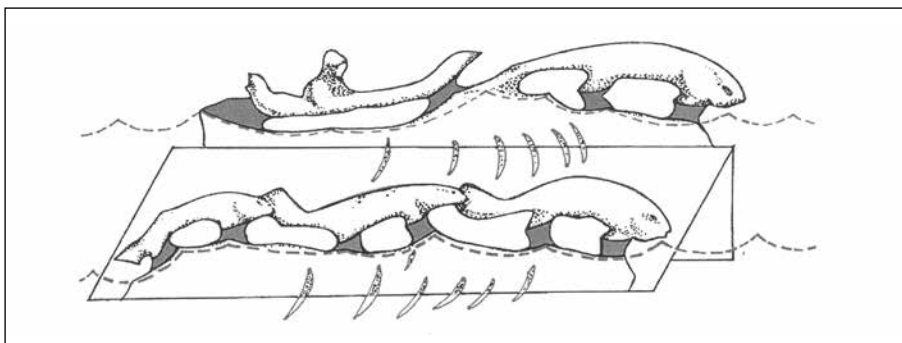

Рис. 4. Выделяем «ноги» — элементы поддержки, прорисовываем верхний
и нижний контуры пластины — волны, а также риски в центре — рябь на воде

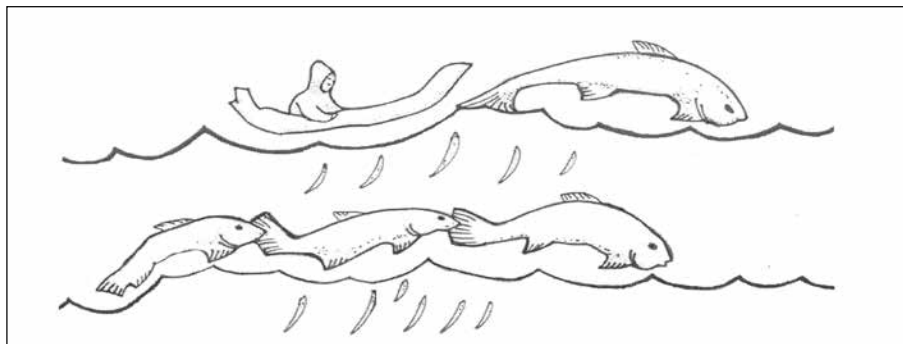

Рис. 5. Убираем художественный прием мастера — «ноги» у лодки и у всех рыб и получаем раскрытую панораму сюжета, зашифрованного в небольшой костяной пластинке средневековым художником

В изображенном на ней сюжете художник, вероятно, показал себя в образе одинокого рыбака в лодке. Вокруг — полноводный простор и изобилие рыбы. Следует отметить, что с тех далеких времен в районе городища Усть-Войкар реки и озера славятся рыбными запасами, в этих местах и в настоящее время работают промысловые бригады рыбаков.

Что же двигало древним человеком, который с помощью простого железного резца, без оптических и технических приспособлений сотворил такое чудо? Сколько понадобилось времени, кропотливого труда, чтобы по микрону, вручную, стачивать прочную кость бивня мамонта? Тот, кто сталкивался с обработкой кости в быту или изготавливал поделки из нее, знает какой это твердый и одновременно хрупкий материал, с ним и не всякое железо справиться.

В те далекие времена не было привычных для нас благ цивилизации, зато забот у человека было с избытком. Он добывал пищу и материал для одежды, строил теплое жилье для долгой зимы. Все важное для жителя края отражалось им в искусстве. Так костяная пластинка, возможно, запечатлела щедрость природы Севера в виде нескончаемых косяков идущей на нерест рыбы, где среди буйства природной жизни человек изображен маленьким существом в уютной долбленной лодке посреди волн, подгоняемых порывами ветра.

Представим себе, как однажды долгая северная зима покрывала землю снегом и сковала реку толстым

слоем льда. Человек, спрятавшись от зимней стужи в своем жилище, сидя у освещенного яркими языками пламени домашнего очага, вспоминал короткое теплое и светлое лето, реку с нерестящейся рыбой, весело выпрыгивающей из воды и сверкающей на солнце своими серебряными боками. Взгляд его упал на небольшую костяную пластинку, оставшуюся от расслоившегося от времени бивня мамонта, из которого он изготавливал нужные в повседневной жизни предметы.

В памяти возник один из ярких моментов в жизни рыбака, и он решил запечатлеть его, переложив в кость. Мастер взялся за работу. Его не остановило ни плохое освещение, ни примитивность инструмента, ни долгий кропотливый труд — он к этому привык. Им овладело творческое вдохновение, дающее силы и желание сохранить миг в вечности. Прошло много времени, пока на твердом материале костяной пластинки, умещающейся на ладони, не обозначились детали того давнего события.

Миновало несколько веков, пока рука археолога не освободила из культурного слоя Усть-Войкарского городища творение рук художника, не пожалевшего ни сил, ни времени для отражения одного из моментов своей жизни. Люди во все времена нуждались в прекрасном и стремились отразить свои представления об окружающем мире в художественных произведениях, о чем свидетельствуют дошедшие до нас памятники прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

Фёдорова Н. В. Войкарский городок. Буклет. Салехард, 2009. 19 с.

ИЗ ИСТОРИИ ОБДОРСКОЙ ЦЕРКВИ ПЕТРА И ПАВЛА

В статье рассказывается об истории Церкви во имя Святых Апостолов Петра и Павла с приделами во имя Светлейшего Василия Великого и Николая Мирликийского (Чудотворца), воздвигнутой в Обдорске (Салехарде) в 1894 году. Прослеживаются события, затронувшие этот историко-культурный памятник Ямала на протяжении XX–XXI века. Особое внимание привлечено к самым начальным этапам истории храма — периоду его строительства под руководством Г. Цинке.

Ключевые слова: православие, архитектура, Ямал, церковь Петра и Павла, Г. Цинке.

В сентябре 1894 года в Обдорске (ныне Салехард) в торжественной обстановке, в присутствии большого числа обдорян Тобольским епископом Агафангелом был освящен храм. 4 сентября был освящен средний престол церкви во имя святых Апостолов Петра и Павла, 5 сентября — придел во имя Св. Василия Великого и 7 сентября — придел во имя Св. Николая Мирликийского (Чудотворца) [Шемановский, с. 248].

Немного из истории строительства этого храма. Обдорское общество еще в конце 1860-х годов окончательно постановило возвести новый храм. Дело о постройке церкви было заслушано Тобольской Духовной Консисторией в мае 1869 года. Позднее была выдана от Консистории книга для сбора пожертвований на сооружение нового обдорского храма. На комиссию было представлено несколько проектов и смет на постройку церкви.

Хозяйственные купцы Обдорска, имея перед глазами печальный опыт постоянного ремонта и реконструкции деревянной Васильевской церкви, решили подойти к этому делу рачительно. Они заявили, что в селе нужно ставить каменный храм. Мнение и доводы инициативной группы оказались убедительными. Ведь деревянное здание «как бы ни было хорошо и упрочено, просуществует не более 50 или 60 лет, а сумма по смете употребится значительная — 7 259 руб. 41 коп. И в то же время на церковь, возведенную из кирпича, придется затратить не более двадцати тысяч рублей, «но она будет существовать вечно». Комитет, занятый подготовкой к строительству, столкнулся еще с одной проблемой. Село постепенно расстраивалось, домов и амбаров становилось все больше, следовательно, удобных участков становилось меньше. К тому же и само село располагалось на нескольких небольших мысах, вокруг были обрывистые, высокие берега, низины и овраги, а новый храм хотелось построить посередине села, на высоком месте, чтоб его было видно издали. Кроме того, и само будущее здание требовало надежного фундамента, ведь храм строился на вечной мерзлоте. Так что к этому выбору подошли ответственно.

К январю 1872 года площадку под будущее строительство все же нашли. Как написал Благочинный священник Александр Тверитин в своем отзыве: «Место, избранно комитетом под постройку церкви на площади в центре села, действительно более удобно и имеет преимущество то, что здесь требуется к сносу один только небольшой дом, без прислуги...».

Первоначально планировалось выстроить храм напротив памятника генерал-губернатору Г.Х. Гасфорту, то есть недалеко от конторы бывшего Речного порта, в районе улицы Ленина, тогда Кабацкой. Но уже в то время там все было «занято многими обывательскими домами», село по-прежнему жалось к берегам реки, которые пришлось бы в этом случае снести, а для компенсации домовладельцам необходимо было бы выплатить сто рублей серебром.

К этому мнению присоединился священник Петр Попов, к тому моменту уже служивший в Иоанно-Веденском женском монастыре. Кстати, Петр Александрович и в дальнейшем принимал самое непосредственное участие в подготовительных работах. Прожив в Обдорске двадцать два года, он просто не мог оставаться безучастным к проблемам села, к тому же ему приходилось впоследствии по делам службы сюда периодически наведываться, поэтому он горячо взялся за новое дело.

Прочитав рапорт Тверитина, и отлично зная местоположение полярного села и его окрестностей, он написал: «...имею честь почтительнейше дать свой отзыв в следующем: место, избранное комитетом под постройку в селении Обдорском, одно из самых удобных и пристойных для постройки и по моему соображению... Потому с мнением Обдорского комитета относительно избранной оным местности я вполне обязан согласиться, имея в виду то важно значение, какое храм, построенный на этом месте, должен иметь в среде инородческого народонаселения».

На этом священник Петр Попов не остановился, ведь такое невиданное для Заполярья строительство требовало и новых подходов к нему, он постоянно держал руку на пульсе всех событий, неторопливо

разворачивающихся здесь. Например, через два года, 2 ноября 1874 года, он рапортовал епископу Ефрему о проведенных мероприятиях и о своих соображениях о грядущем строительстве, которое поначалу было поручено тобольскому архитектору Аполлонскому. Он должен был, учитывая цены в Тобольске и затраты на доставку грузов в Обдорск, подсчитать во сколько же выльется стройка, ведь цены тоже не стояли на месте.

Но вникнув во все нюансы этого непростого дела, Попов решил внести свои, весьма существенные коррективы. Посоветовавшись с жителями, он убедился, что кирпич надо делать в самом селе — местная глина годилась для изготовления кирпичей, из нее можно даже было делать посуду. Этот факт подтвердил архитектор Аполлонский, которому он привез образец глины. Плюс к этому, залежи этого сырья находились всего в одной версте от села. Даже в самом селе добывали глину хорошего качества, из которой бедные жители «выделяют для своего употребления и на продажу кирпич-сырец, не уступающий твердостью каленому кирпичу, из Тобольска сплавляемому...». Еще он выяснил, что цены на обдорский кирпич были существенно ниже, чем в Тобольске. Кирпич-сырец стоил в Обдорске от пяти до десяти рублей за тысячу, а с окалкой не более двенадцати рублей, тогда как сплавляемый кирпич обошелся бы уже минимум в двадцать рублей за тысячу штук.

Вопрос с мастерами оказалось тоже можно легко решить на месте. К этому времени рабочих рук, привычных к тяжелой кирпичной работе уже было много: в Обдорск и Мужы переехали на временное жительство зырянне-ижемцы, крестьяне из Архангельской губернии, имевшие большой опыт в строительстве кирпичных сооружений. Их трудами на реке Ижим было построено несколько каменных храмов. В самом Обдорске тоже нашлись желающие взяться за производство кирпича, об этом Попову заявил местный купец Трофимов. Он предложил изготовить кирпич по двенадцать рублей за тысячу штук. Вот эти сведения Петр Попов собирался донести до сведения архитектора, чтобы он внес поправки в свою смету [Липатов, с. 236–244].

После окончательного утверждения сметы тобольский купец первой гильдии Иван Никифорович Корнилов, занимавшийся в Обдорске рыбодобычей, в 1883 году заключил контракт со строительным комитетом на возведение каменного храма, обязуясь в течение пяти лет закончить строительство, но к работам смогли приступить лишь в 1886 году. Увы, он переоценил свои возможности, без архитектора и других, сведущих в этом деле специалистов, возведение столь сложного сооружения оказалось невозможным. Поэтому уже на следующий год все работы были приостановлены.

В 1889 году наблюдение за сооружением собора было поручено архитектору Готлибу (Богдану Богдановичу) Цинке. В 1891 году он приехал в Обдорск, после этого представил в Тобольскую епархию новый проект и с ее согласия руководил осуществлением этого проекта. В архиве города Тобольска хранятся документы, относящиеся к строительству этого собора. Среди них и такой: «1889 г., октября 7. — Рапорт архитектора

Б. Б. Цинке епископу Тобольскому и Сибирскому о строительстве каменной церкви (осмотр Обдорска)... По приглашению комитета по постройке каменной церкви в селе Обдорске, чрез тобольского купца Ивана Николаевича Корнилова 29 мая с. г. и согласно резолюции Вашего Преосвященства от 16 июня за № 1552, я из Тобольска выехал в с. Обдорск для принятия на себя обязанности производителя работ при постройке церкви, согласно утвержденных проектов. Прибыв на место постройки 7 июля с. г., я нем[ед]ленно освидетельствовал работы, произведенные в про[т]яжение четырех лет и нашел, что земля, выброшенная из рва под фундамент неправильными кучами образовала углубления, в которые стекает дождевая вода и не имея выхода всасывалась в фундамент и стены, размачивая и [з]вестковый раствор и кирпич. Фундамент из булыжных камней на известковом растворе основан на вечном льду, глубиной от уровня земли от 2 ½ до 3 аршинов, а слой вечного льда начинается от уровня земли на 12 и 16 вершков вглубь земли, обрыв фундаментов выступает вперед, против цоколя стены от 4 до 9 вершков, более чем требуется для устойчивости основания стен по строительным правилам. По уборке, по моим указаниям, земли от стен и отливки воды из ям, исправлен фундамент, заделывая пространство вместо промывшего известкового раствора цементным раствором, также заменив слабый и испорченный от сырости кирпич новым хорошего качества на цементном растворе. Ямы около стен и фундамента засыпаны песочной землей, смешанной с известковым мусором, с плотною утрамбовкою уклонным образом, чтобы дать стоки дождевой воде от строения. Существовавшие два года вокруг стен леса, намощены были плахами сплошь к стенам и передающие все время падающую на них дождевую воду, от чего стены совершенно промокли, так что по наружным сторонам кирпичей обросли зелень и мох; по уборке плах на лесах от стен, стены и находящийся там в небольшом количестве слабый кирпич заменен новым, хорошего качества и по заделке незначительной трещины под окном на северной стороне алтаря, я нашел возможным без ущерба в прочности, продолжать постройку. Материалы для постройки, доставленные подрядчиком, по осмотру оказались хорошего качества, соответствующие своему назначению. Стены колокольни были разобраны до моего приезда и начата кладка таковых вновь, согласно распоряжения архитектора Гартунга и утвержденного проекта; также были сломаны четыре каменных столба, на которых основывается главный купол церкви и частью сложено вновь, по указанию и чертежу архитектором Гартунгом, хотя с отступлением утвержденного проекта; и я нашел возможным допустить таковые изменения к более свободному и приятному виду внутри церкви. Своды над ризницею и сторожка построены по личному указанию инженер-технолога Колодеева, постройка эта противоречит строительному правилу и непрочна, что ясно доказывается тем, что как только по моему указанию ослабили кружалы под оным, своды рухнули и проломили своей тяжестью кружалы. Каменные стены ограды построены с трех сторон без столбов

между решетками и без лицевой стороны с воротами и калитками; материалы на постройку ограды употреблены хорошего качества, но по местному положению, место под ограду следовало бы выровнять и снять земли по линии ограды по крайней мере от $\frac{3}{4}$ до 1 аршина, чтобы дать дождевой воде сток от церкви и потом построить ограду, тогда ограда не закрывала бы наружный вид церкви, как в настоящем виде.

В продолжение лета с. г. под моим надзором и наблюдением произведена на высоте 8 аршин от уровня земли кладка 4 каменных столбов под главным куполом, а также частью арки и своды. Каменные работы кончены 16 августа, по неимению кирпича на месте постройки, затем вся церковь покрыта временной крышей и убраны леса снаружи на зимнее время, для устранения сырости и для просушки стен. При последнем тщательном осмотре всех частей постройки, перед отъездом из с. Обдорска 9 сентября с. г. нигде не заметно никаких неправильностей, осадки стен или каких-нибудь ошибок или повреждений, и при окопке некоторых мест фундамента оказалось, что земля замерзла на 14 вершков выше к уровню земли, как была при осмотре 7 и 9 июля с. г., до такой крепости, что с трудом было можно прокапывать самым острым инструментом и сверх линии мороза насыпь оказалась очень крепка и мало содержащая в себе сырости, поэтому можно заключить, что основания стен крепки.

При тщательном рассмотрении проектов и сметы этой церкви, оказались некоторые опущения против строительного правила, а именно: по проекту колокольни 1) арки между каменными столбами и стенами ризницы и сторожки получают такую большую часть давления от груза купола церкви на месте пятой арки, которая по математическим вычислениям на этой точке стен, где находится пятая арка не может выдержать в том виде как проектированы и построены, что заставило меня устроить на противоположной стороне арок другие арки между наружными и внутренними стенами ризницы и сторожки, рядом с новой стеной колокольни; 2) лестницу на колокольню невозможно устроить на том месте, где назначено по проекту, потому что не представляется возможности устроить помещение лестницы сверх сводов перехода в колокольню, поэтому я назначил постройку лестницы на колокольню на том месте, в пристройке, где таковая предполагалась по первому проекту; вследствие этого изменения оказалось, что стена, построенная между сторожкой и лестницей, совершенно лишняя и следовало бы ее убрать, тем более, что невозможно устроить в этом помещении осветительное окно, несмотря на тесное помещение сторожки; 3) слухи колокольни следовало бы расширить на 3 вершка, согласно размера старых колоколов на деревянной церкви, предназначенных перенести в новую колокольню, на что не встречалось препятствия по первому проекту; 4) общему наружному виду следовало бы придать более выразительный характер православных церквей византийского стиля с постройкою над алтарем сверх крыши главы с крестами; 5) при местных климатических

условиях особенно в зимние морозы, отопление церкви при выполнении в проектированном виде не представляется возможным даже до 8 градусов теплоты. Этого было бы возможно избежать посредством устройства стеклянного купола на железных стропилах под куполом на высоте арок, где начинаются стены купола, оставляя поэтому верхнюю часть на высоте $9\frac{1}{2}$ аршин неотопленную, и не загромождая при этом свет, получаемый от 8 окон купола; 6) при местной почве грунта, вечного льда, под полом церкви, считаю более целесообразным устроить пол из цемента, не пропускающий сырость, и тем помогая отоплению церкви, вместо деревянного на деревянных балках пола, подвергаемому от сырости скорому гниению и испарению из грунта, и при этом такой влажный воздух может влиять на порчу иконостаса и икон; 7) для большей вместительности в церкви могло служить передвижение иконостаса к алтарю против назначенного по проекту места, так что двойные окна по бокам разделялись бы, оставляя одно окно за иконостасом и одно в алтаре приделах. Не стесняя притом требуемого размера алтарей православных церквей, вдобавок еще могли бы быть устроены хоры под первыми боковыми сводами при входе, между каменными столбами и стенами ризницы и сторожки и 8) не построена лицевая линия ограды с воротами и калитками и между каменных столбов железные решетки следовало бы против данного на то чертежа изменить и придать им вид сообразно архитектуре фасада церкви, на что не встречалось препятствия... Имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою: архитектор Богдан Цинке» [ГУТО ГА. Ф. 156. Оп. 27. Д. 582].

В 1984 году в адрес окружного музея пришло письмо из Магдебурга (Германия). Гельмут Фельдхайм интересовался: «Дом, построенный нашим дядей, еще стоит, та самая каменная церковь, в Салехарде построенная в 1890–93 годах — на вечной мерзлоте? ...» [Письмо Гельмута Фельдхайма из Магдебурга от 24.02.1984]. Гельмут случайно нашел письма прадеда его жены, датируемые январем 1890 года, присланные из Тобольска и Обдорска (Салехарда) и решил узнать о судьбе постройки.

В одном из писем домой Цинке сообщает о строительных планах: «Пятнадцать лет назад 7 русских архитекторов строили эту церковь и, наконец, заявили о невозможности строительства каменной церкви. Теперь я должен снести каменный фундамент и за три года закончить строительство. И чтобы в этой отапливаемой церкви, даже при морозе в 50 градусов, температура в церкви достигала плюс 16-ти. Так мне сказал тобольский губернатор во время ревизионной поездки...» [Письмо Г. Цинке ...]. Тобольским губернатором в то время был Н. М. Богданович, скорее всего именно он дал согласие на приглашение Готлиба Цинке в Обдорск для строительства нового храма. «Три года подряд каждое лето я ездил в северное поселение Обдорск и строил там, на вечной мерзлоте, русскую церковь», — писал Готлиб в письме своему брату [Письмо Г. Цинке ...].

«Красивая русская церковь», — так отозвался о построенном храме сам архитектор: «стены церкви —

толщиной 5 ½ футов (1,4 метра), колокольня высотой 170 футов (56,6 метра). Расстояние внутри колокольного свода от пола до вершины купола — 49 футов (около 15 метров). Стены алтаря со священными иконами, как это бывает в русских церквях, украшены резными изделиями и другими украшениями полностью позолоченные золотом 96 пробы, то есть совершенно чистым золотом» [Письмо Г. Цинке ...]. Собор опоясывала ограда, сложенная из камня в виде арок, высотой в два человеческих роста. Внутри ограды у южной стены церкви располагалось небольшое кладбище, где хоронили наиболее уважаемых и влиятельных обдорчан. «Великолепное строение особенного вида» — так оценивал Готлиб свое творение [Письмо Г. Цинке ...].

По окончании строительства в 1893 году, как гласят архивные документы, «на открытии собора святых апостолов Петра и Павла с приделами по бокам во имя светлейшего Василия Великого и Николая Чудотворца присутствовали все почетные жители Обдорска и Тобольска. Площадь перед церковью была переполнена празднично одетым народом. Посетил вновь выстроенную церковь Господин Начальник Губернии Его Превосходительство Николай Модестович Богданович в сопровождении Губернского Прокурора и инспектора Тобольской Временной Управы» [Тобольско-Тюменская епархия].

Путешественник К. Д. Носилов, побывавший в Обдорске в конце XIX века, писал: «Два храма, один деревянный и другой, только что отстроенный, каменный, полуготической архитектуры, придают этому селу красивый вид. Обыкновенный сельский храм этот богато украшен иконами, между которыми видны дорогие серебряные ризы, украшения, свидетельствующие о религиозности жителей» [Носилов, с. 2].

«Обдоряне, справедливо гордясь этим храмом, составляющим лучшее украшение Обдорска, слишком склонны к преувеличению своего участия в деле сооружения этого храма, обошедшегося около 100 000 рублей. Этот храм выстроен главным образом на образовавшиеся при деревянной миссионерской церкви капиталы, от денежных и других приношений инородцев в церковь, на средства, собранные в разных местах членами Обдорской миссии, на пожертвованные 10 000 рублей купцом Трапезниковым «на предмет постройки миссионерской церкви в Обдорске», на 30 000 рублей, пожертвованные известным сибирским деятелем А. М. Сибиряковым, на ушедшие преимущественно на украшение храма пожертвования обдорского купца Ф. Н. Карпова и еще очень и очень немногих обдорчан; на долю же подавляющего большинства обдорского общества в деле постройки обдорского храма выпали лишь одни разговоры и болтовня, часто тормозившая ход построек и доставлявшая немало неприятностей заведывавшему постройками купцу И. Н. Корнилову, без наличия участия которого в постройках Обдорску никогда бы не видать не только каменного храма, но и каменных домов в селе» [Шемановский, с. 248, 249].

В соборе проводились праздничные богослужения, отмечались знаменательные даты, различные церемонии. Как и все церкви царской России, обдорская Петро-

павловская выполняла ряд государственных функций: ведение метрических книг, регистрацию браков и смерти, организацию народного образования, оглашение царских манифестов и т. д. Церковь также занималась сбором средств на благотворительные нужды: в пользу Красного и Белого Креста, в пользу Общества по призрению детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, на увековечивание памяти погибших воинов и т. д. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в окружном музее. Среди них есть интересный документ, не разрешавший проводить панихиду и поминовение по графу Льву Толстому.

Одним из первых документов, которые приняла молодая советская власть, был декрет 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Все церковные и религиозные общества получили статус частных обществ и союзов. Имущество церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием. В мае 1922 года на основании декрета СНК РСФСР было произведено изъятие церковных ценностей «на нужды голодающих». Уже 5 мая 1922 года из двух обдорских церквей было изъято 11 пудов 5 фунтов драгоценных металлов [Сводка ОГПУ ... , с. 103]. По описи, которая проводилась в конце 1920-х годов, в Обдорском Петропавловском храме значилось имущества на сумму 4 303 рубля. В церкви была 121 икона. Колокола: 1 — 101 пуд 1 фунт, 2 — 36 пудов, 3 — 25 пудов, 4 — 14 пудов, 5 — 3 пуда и 2 малых колокола.

Здания и предметы культа, предназначенные для богослужебных целей, стали отдаваться по особым постановлениям местных или центральных властей в бесплатное пользование религиозных обществ. В селе Обдорске были зарегистрированы 2 религиозные общины. Петропавловская религиозная община объединяла русскую часть населения, зырян, а также часть коренного населения.

В окружном архиве хранится договор, заключенный 25 марта 1923 года между религиозной общиной и Советом рабочих и крестьянских депутатов в лице председателя Совета Капрайтиса Ивана Константиновича, о передаче в бесплатное пользование каменной церкви в Обдорске с богослужебными предметами. При этом верующие обязуются: «...Беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность.

Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

В принятых нами в заведование богослужебных помещениях мы обязуемся не допускать:

- а) политических собраний враждебного Советской власти направления;
- б) раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей;
- в) произнесение проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям;

г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Соввласти, ввиду чего мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям местного Совета рабочих и крестьянских депутатов относительно распорядка пользования колокольнями.

Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма и находящихся в нем предметов, как по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате долгов, налогов, и т.п.

Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую должны вносить все вновь поступающие предметы религиозного культа...

За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение, мы подвергнемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов, причем договор этот Советом рабочих и крестьянских депутатов может быть расторгнут».

Обдорская Петропавловская религиозная община по договору с Советами в марте 1923 года получила право на бесплатное пользование зданием церкви в обмен на обязательство беречь народное достояние и пользоваться им исключительно по назначению. Такие договоры и акты на передачу церкви заключались и в последующие годы. В обязательном порядке стали страховать религиозное имущество.

В 1929 году на места пришла директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной действующей легально контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Была объявлена регистрация всех фанатичных, существующих на территории района религиозных объединений, независимо от того, были ли они ранее зарегистрированы в органах власти или нет.

Очередной ежегодный договор между Петропавловской общиной и Советом рабочих и крестьянских депутатов больше не заключался. 3 октября 1930 году Малым Президиумом Облика было принято решение о закрытии и ликвидации Петропавловской церкви. Надо сказать, что в то время в Обдорск стали прибывать спецпереселенцы, в числе которых были и репрессированные священнослужители. Открыл этот печальный список митрополит Петр Крутицкий (Полянский Петр Федорович). После смерти Патриарха Тихона, 12 апреля 1925 года был избран собором 37 епископов местоблюстителем Патриаршего Престола. 9 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован. Начались долгие годы ссылки. Сначала его направили в город Суздаль, затем зимой 1927 года он был перевезен в город Тобольск. Некоторое время провел в селе Абалак, в закрытом к тому времени Абалакском мужском монастыре, а через полтора месяца его отправили в селение Хэ, на север Надымской тундры. С начала XX века и до 1930 года село Хэ было административным центром территории, включающей в себя северную часть нынешних Надым-

ского, Пуровского и Тазовского районов ЯНАО. Во время пребывания в селении Хэ митрополит Петр, несмотря на слабое здоровье и запреты властей, много времени уделял общению с коренными жителями.

Одна из местных жительниц поведала мне о своем детстве, которое прошло в селе Хэ. Кстати, там тоже была церковь. Она рассказывала, что родители очень уважали митрополита Петра. После каждой рыбалки они клали детям, как она вспоминает, в подол малицы рыбу, чтобы они отнесли ее батюшке. Петр обязательно их угощал сладостями, которые присылали ему верующие. К сожалению, я где-то затеряла данные этой женщины. И у меня еще тогда, 25 лет назад, мелькнула мысль о том, что митрополит не мог миновать Обдорск по пути в ссылку. И по всей вероятности, посетил церковь Петра и Павла — ведь тогда там еще существовала религиозная община. В феврале 1997 года митрополит Петр был причислен к лику святых.

После официального закрытия каменной церкви обдорские власти стали употреблять здание для своих нужд. С организацией окружного центра в селе Обдорске начался квартирный кризис, и церковь вновь была использована как временное жилье для рабочих. Потом в нем было овощехранилище. Из дневника Владислава Григорьевича Григорьева, который после окончания второго курса техникума устроился на работу в Северную экспедицию Ленинградской конторы Желдорпроект Главного Управления лагерей железнодорожного строительства Министерства Внутренних дел СССР и работал летом 1949 года в Салехарде известно, что штаб экспедиции и Управление 501-го строительства располагались в бывшей церкви.

В последние годы перед перестройкой там находилась детская спортивная школа.

Как и многие церковные сооружения в стране внешний вид Петропавловской церкви претерпел значительные разрушения. Была снесена белокаменная ограда, исчезли купола и колокольня, перекрыта крыша, изменена внутренняя планировка.

Времена меняются. 6 октября 1990 года Салехардский городской Совет народных депутатов, идя навстречу салехардской религиозной общине Русской православной церкви постановил вернуть здание бывшего собора Святых Апостолов Петра и Павла общине верующих г. Салехарда. 10 ноября 1990 года состоялось торжественное богослужение в честь долгожданной передачи верующим Православной русской церкви здания Петропавловского собора.

10–11 июля 1991 года в Салехарде впервые в истории округа побывал Епископ Тюменской и Тобольской Епархии Владыка Димитрий, состоялось торжественное освящение храма Св. Петра и Павла с большой праздничной службой. Церковь вновь стала украшением города и одним из главных культовых сооружений округа.

При реставрации усадьбы купца Макара Осиповича Терентьева (ул. Ламбиных, дом № 1) в стене дома строители нашли иконы. По всей вероятности, их спрятали во времена, когда ликвидировали обдорские церкви.

Кстати, купец М. О. Терентьев был членом Братства Святого Гурия, а его жена, Анна Николаевна, преподавала в школе при Обдорской православной миссии, так что немудрено, что в этом доме спрятали иконы. После реставрации они будут помещены в церкви.

14 сентября 2015 года, по прибытии в Салехард, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил кафедральный собор святых первоверховных

апостолов Петра и Павла. Он обратился к собравшимся в храме с Первосвятительским словом: «Рад, что Господь сподобил меня вступить на землю Ямала и войти под своды этого исторического храма. ...Верю, что и сегодня, в XXI веке, когда человек стал более могущественным, он не менее нуждается в силе духа и в силе веры. Пусть Господь хранит Салехард и этот исторический Петропавловский храм».

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 27. Д. 582. Л. 1–3.
- Письмо Г. Цинке из Тобольска брату Вильгельму в Германию от 1.12.1894 // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 1550/1. Копия.
- Липатов В. М. Ночной директор. Екатеринбург, 2011. 400 с.
- Носилов К.Д. Изъ путешествія на полуостровъ Ямалъ. СПб.: Синодальная тип., 1894. 20 с.
- Письмо Гельмута Фельдхайма из Магдебурга от 24.02.1984 // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 1550/2.
- Письмо Гельмута Фельдхайма из Магдебурга от 4.05.1984 // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ВХ ФЗК 359/6.
- Сводка ОГПУ об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии за время с 21 апреля по 5 мая 1922 года // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1994. Вып. 7. 118 с.
- Тобольско-Тюменская епархия. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tobolsk-eparhia.ru/>
- Шемановский И.С. Избранные труды (Составитель Л.Ф. Липатова). ГБУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». М.: Советский спорт, 2011. Т. 1. 304 с.

САЛЕХАРД СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В ФОТОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ

В 2015 году в МВК была подготовлена экспозиция «Салехард. Лето 1955 года», посвященная 420-летию города. Ее основой послужили снимки, сделанные фотографом-любителем В. С. Носковичем летом 1955 года и атрибутированные благодаря воспоминаниям старожилов и краеведов. Автор дает оценку этим уникальным источникам для изучения повседневной жизни салехардцев в середине прошлого века.

Ключевые слова: фотографии, воспоминания старожилов, история повседневности.

В 2015 году городу Салехарду, который до 1933 года назывался Обдорском, исполнилось 420 лет. С конца XVI до начала XX веков это был самый северный и самый восточный форпост освоения Россией полярно-тундровых территорий Зауралья. У Салехарда своя богатая, неповторимая история, страницы которой оживают благодаря самым разным источникам.

В их ряду, едва ли не самые интересные — фотографии и рассказы старожилов, которые служат ключом к пониманию повседневной жизни города.

К празднованию 420-летия в МВК была подготовлена экспозиция «Салехард. Лето 1955 года», которая дала возможность оценить ценность фотоснимков и личных воспоминаний как источников для воссоздания образа столицы округа того периода. Основой ее послужили фотографии, личные вещи и графические работы известных ленинградских художников Нины и Виктора Носкович, безвозмездно переданные в музейные фонды.

Выставка стала возможна благодаря успешной работе по оцифровке пленок, которую провел заведующий отделом новой и новейшей истории МВК А. Б. Мазурин. Это позволило обработать фотографии, увеличить их и представить в качестве экспонатов выставки.

Основой экспозиции стали более 1000 редких снимков, сделанных фотографом-любителем Виктором Носковичем летом 1955 года. На них Салехард, которого уже нет. Безусловно, мы не претендовали на некое комплексное исследование повседневной жизни города, но любительские черно-белые фотографии, которые должны были просто пополнить семейный альбом, для всех, кто с ними знакомился, стали уникальным свидетельством жизни нашего города 60-летней давности.

На них представлен неизвестный, почти неузнаваемый город. При этом важно отметить, что фотографии атрибутированы, т.е. мы знаем, кто является их автором, где и когда они сделаны. Объектив запечатлел не отдельные разрозненные сюжеты, а достаточно цельную картину жизни тех районов округа, где летом 1955 года побывали художники.

На снимках представлен не только внешний облик Салехарда; они стали ценным визуальным источником, в котором отражены важные детали: условия, в которых проходила повседневная жизнь горожан, их жесты, выражения лиц, эмоции. Нынешние жители города получили возможность увидеть учебные будни студентов педучилища, зарядку будущих фельдшеров, горожан, шагающих не по асфальту, а по уже забытым деревянным помостам. Лица людей — пожилых и молодых, веселых и серьезных, разных, но очень притягательных — помогают почувствовать психологическую атмосферу тех лет.

Большинство из тех, кто попал в кадр, не дожили до сегодняшнего дня, но живы их дети и внуки. Поэтому одним из наиболее интересных результатов выставки стали открытия, которые делали салехардцы разных поколений в ходе ее подготовки и проведения.

Так, Ирина Геннадьевна Окоэтто узнала среди студентов педагогического училища и фельдшерско-акушерской школы, запечатленных на фотографиях, друзей своих родителей — Л. И. Матросову (в девичестве Ямзину) и Г. Д. Сэрпи-во. Лидия Ивановна всю жизнь после окончания училища проработала в Ямальской школе-интернате учителем начальных классов. Сейчас она на заслуженном отдыхе, живет в поселке Яр-Сале, Ямальского района. Георгий Дмитриевич после окончания фельдшерско-акушерской школы всю жизнь проработал в поселке Яр-Сале и в Ярсалинской тундре разъездным фельдшером (рис. 1, 2, 3).

В ходе подготовки выставки была проведена адресная работа со старожилами Салехарда и краеведами. Благодаря их помощи удалось распознать районы и улицы города, запечатленные Виктором Носковичем. Для реконструкции атмосферы той эпохи особо ценной стала помощь Людмилы Федоровны Липатовой, воспоминания Валентины Михайловны Тверитиной, Зульфии Сабировны Макушиной и Валентины Константиновны Морозовой (рис. 6, 7, 8).

Каким же предстает со старых фотографий Виктора Носковича Салехард 1955 года? Это был город, который перевернул последнюю страницу своей трагической ссыльно-каторжной истории, на протяжении которой сюда

прибывали, причем не всегда по своей воле, представители самых разных профессий и национальностей. Во внешнем облике улиц и домов видны особенности той исторической эпохи. Большая часть зданий в городе, так или иначе, была связана с железнодорожным строительством № 501.

Со слов Л. Ф. Липатовой, до середины 1950-х годов город жил активной жизнью. Средоточием главных учреждений строительства стали районы Мостострой, 2-е Отделение и Гидропорт, а позже — район Рыбокомбината. Здесь располагалось управление стройки; на частных квартирах селились вольнонаемные работники; были возведены дома строительного центра. Лагерные пункты, как их называли в то время, были рассредоточены по всему городу. И только исторический центр Салехарда не был напрямую включен в кипучую деятельность, которая была развернута вокруг строительства железной дороги Чум–Игарка.

По словам старожилов, конец 1940-х — первая половина 1950-х годов — период, когда городская жизнь была тесно переплетена с 501-й стройкой. Подтверждением этого служит большой ремонт окружного Дома культуры народов Севера, проведенный силами заключенных и приуроченный к 20-летию Ямало-Ненецкого округа. Облик учреждения, которое простояло в первозданном виде вплоть до начала 1990-х годов, сохранен на одной из фотографий В. Носковича. Сейчас на его месте ЗАГС.

На ряде снимков запечатлена жизнь педагогического училища, здание которого первоначально предназначалось для школы, где должны были обучаться дети строителей железной дороги № 501.

К 1955 году в городское хозяйство были также переданы библиотека, Дом политпросвещения, больница (старый больничный городок на 2-м Отделении), жилые дома и магазины. Многие из этих зданий посетители узнавали на фотографиях, представленных на выставке.

Как вспоминали старожилы, был у стройки и свой театр, в котором позже располагалась типография и редакция газеты «Красный Север», а также стадион, на котором постоянно проходили соревнования: ведь только футбольных команд было восемь. Городской сад по вечерам собирав молодежь на танцы.

В конце 1955 года последние колонны строителей покинули 501-ю стройку. Начинаясь новая созидательная история Салехарда, которая позже воплотилась в активное промышленное развитие. Хотя в облике города были видны следы столь трудного для страны периода, фотографии достаточно наглядно показывают, что он начал расширяться и благоустраиваться.

Население Салехарда к концу 1950-х составляло 16567 человек. Основной проблемой для окружного центра являлась нехватка и низкое качество жилья: к августу 1950 года на одного жителя приходилось лишь 2,8 кв. м. Преобладали деревянные постройки и вымостки дорог (рис. 9).

В фотографиях отражены разные сферы жизни города, включая образовательную и промышленно-производственную. В этот период здесь были открыты двухклассная и семилетняя школы, Салехардское национальное педагогическое училище, о котором мы сказали выше, зооветеринарный

техникум, культпросвет школа, фельдшерско-акушерская школа и кооперативно-торговое училище.

Очень интересно, что фотографии отражают тенденцию постепенного включения в культурное строительство женщин коренных национальностей, которые преодолевая запреты и предрассудки, готовились работать в школах, больницах, на фельдшерских пунктах. Это было очень актуально, если учесть, что до 1954 года в лечебных учреждениях округа не было ни одного врача, фельдшера, акушерки или медсестры из числа представителей малых народностей Севера. В связи с этим, в 1951 году при Салехардской фельдшерско-акушерской школе был открыт интернат и подготовительное отделение, куда принимались дети, окончившие 5 или 6 классов (рис. 4, 5). После семилетки выпускники автоматически зачислялись на 1-й курс. Первым выпускником из представителей коренных народов Ямало-Ненецкого национального округа был ненец Леонид Васильевич Лапсуй, окончивший фельдшерско-акушерскую школу в 1954 году.

Поскольку основной отраслью экономики города в 1950-х годах оставалось рыбное хозяйство, логично, что Виктор Носкович отразил его на своих снимках. Таких фотографий немного, но они дают представление о том, как рыбопереработка была оснащена технически, как был организован труд работников. В частности, в 1949–1955 годах на предприятии проводилась большая работа по реконструкции цехов, улучшению технологии, что позволило увеличить выпуск консервов в 2 раза.

С большой теплотой вспоминали город своей молодости старожилы Салехарда Зульфия Сабировна Макушина и Валентина Константиновна Морозова. В их рассказах — то, что принято называть ностальгией по ушедшим временам, в которой есть место и юмору, и добрым воспоминаниям. Это разговор не о себе, а о людях, живших в ту пору на Севере.

Совсем молодой начала работу в архивном отделе Салехардского рыбоконсервного комбината З.С. Макушина. Первые работники комбината, вспоминала она, приехали из Тобольска, а уже в 1939 году продукция предприятия была представлена на Всемирной выставке в Нью-Йорке. С большой гордостью старожилы говорили о том, что в советский период рыбопродукты экспортировались из Салехарда практически во все социалистические страны, причем, выпускались самые разные деликатесы, вроде рыбных консервов с черносливом.

Одним из самых больших был консервный цех, где работало более 400 человек. В годы Великой Отечественной войны школьники вечерами приходили на комбинат помогать своим родителям. Многие молодые работники предприятия учились в вечерней школе.

Благодаря представленным экспонатам складывается достаточно полная и образная картина, показательная не только для Салехарда, но и для всей страны тех лет. Каждый, кто познакомился с выставкой, имел возможность соприкоснуться с повседневной жизнью салехардцев середины прошлого века, о которой сегодня знают или помнят немногие, а фотографии и воспоминания старожилов стали своеобразными «ключами памяти» к событиям лета 1955 года.

Рис. 1. Фельдшерско-акушерская школа. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 2. На занятиях в фельдшерско-акушерской школе. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 3. Учащиеся фельдшерско-акушерской школы. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 4. В интернате при фельдшерско-акушерской школе. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 5. В интернате при фельдшерско-акушерской школе. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 6. Улица Республики, на переднем плане дом Бронниковой. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 7. Здание Дома пионеров на ул. Республики (бывшая М. Горького). Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 8. Телеграф на пересечении улиц Ленина и Свердлова. Салехард. 1955 год (фото В. С. Носкович)

Рис. 9. На улицах Салехарда в 1955 году (фото В. С. Носкович)

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА № 501 В ПИСЬМАХ И ФОТОГРАФИЯХ Ф. И. ПОЧКИНА

Рассматриваются письма и фотоснимки штатного фотографа строительства № 501 Ф.И. Почкина, которые касаются событий 1948 года, связанных с крушением самолета Ли-2 в горах Полярного Урала. В ходе поисковой операции был поврежден второй самолет, но его пилоты смогли выбраться к людям и спастись.

В качестве иллюстраций используются не публиковавшиеся ранее и атрибутированные автором фотографии, имеющие отношение к строительству № 501.

Ключевые слова: фотоархив Ф.И. Почкина, строительство № 501, личный фонд, атрибуция.

В документальном фонде МВК им. И.С. Шемановского с 1973 года хранится папка личного фонда Федора Ивановича Почкина — штатного фотографа железнодорожного строительства ГУЛЖДС МВД СССР № 501.¹ В составе фонда семь писем, адресованных сотрудникам окружного краеведческого музея, три копии ответных писем, письмо от супруги Федора Ивановича с извещением о его смерти. Фотоархив включает сто фотографий, фотокопии, 37 черно-белых негативов.

В письмах Ф.И. Почкин предлагал музею выкупить у него снятые им в 1947–1951 годах фотопленки, на которых, по его мнению, отображены значимые исторические моменты из жизни Ямало-Ненецкого округа. Побудительным мотивом к данной сделке послужили преклонный возраст, слабое здоровье и мизерная пенсия фотографа.

Биография Почкина нам почти неизвестна. Из хранящихся в его личном фонде писем нам удалось узнать, что он родился в 1902 году. В 1928 году работал киномехаником на одной из Московских киностудий. Возможно, интерес к Северу у него возник после просмотра шести коробок фильма, привезенного для демонстрации сотрудниками ГПУ. В одном из писем он описывает увиденное на экране: заснеженный край, большой барак и люди в малицах, достающие из рубленного колодца нефть с помощью ведра на длинной палке. «Это вероятно хозяйство промышленника Сидорова. Ухта...» [Письмо в окружной музей от Почкина Ф. И. 1974 года].

Какова была роль вышеупомянутого «начальства из ГПУ» остается неизвестным, но в 1934 году Почкин по просьбе начальника изыскательской партии Картранспроекта Б. Левина прошел пешком по Печорской железной дороге от станции Княжпогост, снимая на кинокамеру будущую трассу. В результате был создан получасовой фильм,

за что его автор получил от Левина премию в размере 200 рублей и кирзовые сапоги. В 1935 году Федор Иванович ездил с Я.М. Морозом в Воркуту, где фиксировал на фото и кинопленку празднование первого перевыполнения плана отгрузки угля на 25 тысяч тонн. Последним местом работы Ф.И. Почкина на Севере было строительство № 501.

Федор Иванович упоминает в одном из писем о том, что его в 1972 году приглашал поснимать по старой памяти для газетчиков участки железнодорожного полотна «...инженер Жигин, который заканчивал ликвидацию 501-го строительства в 1954 году. Но что-то не получилось с командировкой...» [Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф. И. от 27.09.1973 года].

С 1968 года и до конца своей жизни в 1982 году Ф. И. Почкин жил в городе Ростове-на-Дону на улице Филлимоновской, 75. Судя из содержания писем Ф. И. Почкина, сам он никогда не был заключенным. Фраза из его письма: «... С 17 лет "бесплатно" работал на Крайнем Севере, сейчас 80 рублей пенсия и нет здоровья...» [Письмо сотрудникам Салехардского музея...], скорее всего, сарказм по поводу отношения к нему, как к пенсионеру, а также свойственная пожилым людям небольшая путаница в цифрах.

В письме от его жены, написанном уже после смерти Федора Ивановича, сказано, что в 1980-х годах она проживала с дочерью, зятем и внуком [Письмо Александру Сергеевичу от Почкиной М.]. С тех пор связь с семьей Почкиных не возобновлялась и более поздних данных о его родственниках у нас нет.

В 1970-е годы свои фотоматериалы, среди которых есть поистине уникальные, Федор Иванович продавал Воркутинскому, Интинскому, Сыктывкарскому музеям. Двадцать пять негативов с контрольными снимками приобрел у него и Ямало-Ненецкий окружной кра-

¹ ГУЛЖДС МВД СССР — Главное Управление лагерей железнодорожного строительства Министерства внутренних дел СССР.

ведческий музей [Письмо т. Почкину от Мизиной Л.В. от 16.09.1973 года]. Помимо этого, в документальном фонде МВК хранится фотоальбом, посвященный 20-летию со дня создания Ямало-Ненецкого национального округа, над созданием которого Ф. И. Почкин трудился вместе с сотрудниками окружного музея [Письмо сотрудникам Салехардского музея ...]. Вопрос о том, сохранились ли до наших дней снятые им кинодокументы, до сих пор остается открытым.

В письмах Ф.И. Почкина содержатся не только подробные комментарии к негативам, предлагаемым музею, но довольно подробно описан один малоизвестный эпизод из истории строительства № 501, о котором практически нигде нет достоверной информации. Связан этот эпизод с гибелью над Полярным Уралом самолета Ли-2¹ в декабре 1948 года.

Самолет пилотировали участники Великой Отечественной войны Николай Павлович Майков и его жена Мария Константиновна Майкова (Погорелова), которая воевала на пикирующем бомбардировщике в женском авиаполку имени Героя Советского Союза Марины Расковой.

Ли-2 Майковых вылетел из Абези в Салехард 20 декабря 1948 года. Далее он должен был лететь в Новый Порт и оттуда вернуться в Абезь. Однако маршрут был изменен. В результате, 21 декабря самолет вылетел из Салехарда в Мыс Каменный, взял там 12 пассажиров, вернулся в Салехард, принял на борт еще одного летчика, летевшего к семье, и вылетел в направлении Абези через Полярный Урал. Пассажирами были специалисты-изыскатели, проводившие работы по проектированию строительства военно-морской базы для ремонта судов. Одни летели в отпуск, другие в командировки. Для Н.П. Майкова это был последний рейс перед выходом на пенсию по выслуге лет.

В хранящемся в личном фонде А.Д. Жигина письме, адресованном им исследователю истории полярной авиации В.Г. Бутову, прямо указано, что пассажирами этого самолета были строители железной дороги Воркута–Лабьитнанги–Мыс Каменный [Письмо Бутову В.Г. ...]. Это было первое направление строительства № 501.

Об этом же самолете говорится и в воспоминаниях бывшего заключенного строительства № 501 Лазаря Шерешевского, опубликованных на сайте Красноярского общества «Мемориал»: «... В середине декабря нас [участников лагерного театра] должны были из Нового порта вывезти, но самолет, посланный за нами, получил в пути приказ забрать отпускников (вольных, конечно) из Мыса Каменного. Мы этого, естественно, не знали и выходили несколько раз на аэродром. Самолеты Ли-2 были колесными. Сначала аэродром был за поселком Новый Порт, его все время надо было чистить: колеса не могли совершенно садиться на этот снег. Мы туда выходили, на оленях привозили свое имущество, ждали этого самолета. Световой день в это время года продолжался часа два. Вот пока светло, мы там торчали в 40 и 50-градусный мороз. Самолет все не приходил. А потом выяснилось, что этот самолет пролетел дальше, увез людей

в Абезь, попал в туман, перелетел через горы Полярного Урала и разбился. Погибли все пассажиры этого самолета и экипаж. Как это бывает, во второй половине декабря начался сезон постоянной пурги, тяжелой пурги. Так что даже поиски самолета были затруднены. Его искали и никак не могли найти. А ввиду этой катастрофы через хребет (во всяком случае, на период полярной ночи) запретили вообще всякие полеты. Поэтому мы в Новом Порту просидели до конца марта...» [Стройка № 503 (1947–1953 гг.)].

Из письма Ф.И. Почкина: «...Летного времени по маршруту Салехард–Абезь 50 минут. Я в это утро уже поджидал Майковых у них на квартире и решил позвонить в аэропорт. Мне дежурный ответил, что связь с самолетом внезапно оборвалась. Я тут же понял, что все очень плохо. Самолета нет...» [Письмо Пушкиновой М.А. ...].

На сайте регистрации авиапроисшествий указано, что самолет Ли-2 с регистрационным номером СССР–Ж115, принадлежавший Желдорпроекту ГУЛЖДС МВД СССР потерпел катастрофу во время полета через перевал Полярного Урала в районе горы Райиз 21 декабря 1948 года. Погибло 7 членов экипажа и 12 пассажиров. Место катастрофы найдено через несколько дней оленеводом [Катастрофа Ли-2 в районе горного массива Райиз ...].

Из Салехарда на поиски пропавшего Ли-2 был отправлен другой самолет, который пилотировали летчик Прокофьев и механик Солдатов. Поскольку световой день в декабре короткий, летчики нашли на Полярном Урале подходящую площадку, приземлились, закрепили самолет, а сами в малицах заночевали в его кабине. Ночью поднялась пурга. Самолет сорвало с крепежа и разбило об камни. Летчики приняли решение пешком добираться до Печорской железной дороги. Шли они 28 дней по глубокому рыхлому снегу при 50-градусном морозе, хотя продуктового пайка у них было с собой только на три дня. Пришлось съесть подолы своих малиц. Когда они добрались до Абези, то на них вместо малиц осталась только нагрудная часть с рукавами [Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф.И. от 09.04.1973 года].

В Абези были сформированы две поисковых группы. Одна состояла из молодых солдат-лыжников, а вторая из сотрудников авиаотряда на оленьих упряжках во главе с пастухом оленеводческого совхоза комбината «Воркута-уголь» Вакулой Ефимовичем Хатанзейским. В составе этой группы в поисках принимал участие друг семьи Майковых Федор Почкин. Именно этой группе довелось найти разбитый самолет и собрать трупы всех девятнадцати его пассажиров на склоне горы Хортюсе высотой в 1340 метров [Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф.И. от 26.06.1973 года].

Все трупы были при помощи веревок спущены вниз, а потом на нартах доставлены в Абезь, где и похоронены в братской могиле. Заочно были похоронены и безвестно пропавшие Прокофьев с Солдатовым. Никто не ожидал увидеть их живыми, тем более через 28 дней после исчезновения. Тем не менее, они, хоть и обмороженные и истощенные, вернулись, две недели лечились в больнице

¹ Самолет Ли-2 производился в СССР по американской лицензии в 1940–1950-х годах и являлся воспроизведением самолета DC-3 (Дулас) с отечественным двигателем. Использовался для транспортно-пассажирских перевозок. В период с 1953 по 1973 годы постепенно заменялся в гражданской авиации на другие, более современные машины.

и потом еще долго трудились. Согласно свидетельству летчика Героя Советского Союза В. А. Борисова, с которым переписывался Ф. И. Почкин, Прокофьев работал в авиации в Пятигорске и скончался в 1972 году [Письмо сотрудникам Салехардского музея...].

В феврале 1949 года в газете «Тюменская правда» была опубликована заметка Ф. Почкина под названием «Настоящие советские люди». Вот ее содержание.

«Александр Александрович Прокофьев и Дмитрий Акимович Солдатов — пилот и механик Заполярной авиации, часто летают над неприступными горами Полярного Урала, над безбрежной тундрой Ямало-Ненецкого национального округа.

Однажды, во время очередного полета, свирепая полярная пурга застала самолет друзей в самом сердце Урала. Пришлось садиться. Прокофьев блестяще посадил машину. Борясь с метелью, двое мужественных советских людей укрепили самолет и обложили его снежными плитами. Но ветер перешел в ураган такой силы, что винт выключенного мотора стал вращаться.

— Держать! — крикнул Прокофьев, и друзья вцепились в плоскость самолета. Весь день боролись они с ураганом. Но вдруг ночью их вместе с машиной подбросило в воздух и швырнуло на снег. В темноте они ползком нашли друг друга и до утра пролежали в снегу. Утром нашли самолет. Его отбросило на 100 метров в сторону, сломало хвост, вывел из строя рулевое управление.

Летчики не бросили машину. Они укрепили ее, поставили опознавательный знак и решили добираться до жилья. Идти надо было 60–70 километров.

Пурга не стихала. Только однажды выглянуло солнце. Потом ударил мороз в 57 градусов. Одежда на летчиках обледенела. В этот день в стороне над горой пролетел самолет. Их искали. Прокофьев дал в воздух шесть ракет, но солнце помешало пилоту увидеть сигнал. А потом снова пурга и туман...

Только на десятый день друзьям удалось отправиться в путь. Они с трудом передвигались, не зная, что где-то в горах бродят в поисках другие самоотверженные люди, чтобы выручить попавших в беду летчиков. Путь был тяжелым. Прокофьев и Солдатов шли долиной реки, по пояс, а иногда и по грудь в снегу. Но вот ударила оттепель, и воды горной речки взломали лед. Мокрые, обмерзшие, измученные люди упрямо шли вперед. В сутки, они ели по два пряника, по одной конфете и по три чайных

ложки сгущенного молока. На десятый день пути (это был двадцатый день борьбы с капризной полярной зимой) у них кончился скудный запас пищи. Однако летчики не сдавались. Они шли, и даже не шли, а пробивались сквозь снег, преодолевая усталость и истощение.

На двадцать шестой день силы оставили Солдатов. Прокофьев не покинул друга. Сам еле живой, он поддерживал товарища. Еще через двое суток и у него иссякли остатки сил. И только воля, несокрушимая воля советских людей, помогла отважным летчикам выйти победителями из этой борьбы. На двадцать восьмой день они встретили людей» [Почкин].

Эта небольшая заметка специально приведена здесь полностью по двум причинам. Во-первых, несмотря на явный «ура-патриотичный» стиль, она содержит в себе несколько уточняющих моментов, главными из которых являются указание имени и отчества героев и момент переживания ими пурги, затянувшийся на 10 дней, из чего становится понятным, почему летчики преодолевали расстояние в 70 километров за 28 дней. Во-вторых, в заметке ни словом не упоминается ни о гибели самолета Ли-2, ни о конкретном задании, с которым в непогоду Прокофьев и Солдатов оказались на Полярном Урале. Запрет на публикацию любой информации, связанной с секретным строительством № 501 действовал неукоснительно.

Несмотря на то, что авиакатастрофа с Ли-2 супругов Майковых над Полярным Уралом в 1948 году была не первой,¹ она оказалась последней. Вплоть до снятия самолетов этого типа с авиарейсов катастроф в этих краях больше не было.

На фотографиях Федора Ивановича Почкина запечатлены супруги Майковы возле своего самолета Ли-2 над Полярным Уралом незадолго до своего последнего рейса, группа поисковиков пропавшего самолета, летчик-герой Василий Борисов, летчик Прокофьев и механик Солдатов в больнице, а также митинги по случаю пуска первого моста на железной дороге Чум–Лабытнанги и прибытия первого поезда на разъезд «Пристань» (Лабытнанги). Фотография укладки шпал на лед реки Оби стала уже по-своему хрестоматийной для иллюстрации истории строительства № 501.

Некоторые кадры с хранящихся в документальном фонде МВК фотопленок Ф. И. Почкина пока еще не атрибутированы и ждут своего описания, а мы продолжаем поиски отснятых им кинодокументов.

¹ 7 марта 1948 года произошла катастрофа самолета Ли-2 Полярной авиации Главсевморпути в горах Полярного Урала. Ошибка штурмана и бортрадиста привела к гибели 6 членов экипажа и 14 пассажиров.

Рис. 1. Летчик Прокофьев А. А. и механик Солдатов Д. А. в больнице поселка Абезь после 28 дней пути с Полярного Урала. 1949 год. Негатив, ЯНМ 637/16, ФН-2874

Рис. 2. Майков Н. П. (справа), его жена Майкова (Погорелова) М. К. и их товарищ возле самолета Ли-2 в аэропорте поселка Абезь. 1948 год. Негатив, ЯНМ 636/10, ФН-2865

Рис. 3. Герой Советского Союза Борисов В. А. —
начальник авиаотряда, обслуживавшего
строительство № 501. 1948 год.
Негатив, ЯНМ 16368/5, ФН-2890

Рис. 4. Почкин Фёдор Иванович. 1951 год.
Фотография, ЯНМ 4939, ФН-2691

Рис. 5. Группа искателей пропавшего самолета Ли-2. 1948 год.
Негатив, ЯНМ 636/4, ФН-2864

Рис. 6. Самолет Ли-2 Майкова Николая Павловича над Полярным Уралом за месяц до гибели. 1948 год.
Негатив, ЯНМ 636/6, ФН-2862

Рис. 7. Члены экспедиции по поиску пропавшего самолета Ли-2 на склоне горы Хортюсе. 1948 год.
Негатив, ЯНМ 16368/16, ФН-2894

Рис. 8. Встреча первого поезда на разъезде «Пристань» в поселке Лабитнанги. 1948 год.
Фотография, НВФ 1129

Рис. 9. Торжественный митинг по случаю досрочной сдачи железнодорожного моста через реку Воркута
в районе станции «Чум». 1947 год. Негатив, ЯНМ 637/12, ФН-2872

Рис. 10. Укладка шпал на ледовой переправе между Лабитнангами и Салехардом. 1950 год.
Негатив, ЯНМ 16368/9, ФН-2900

БИБЛИОГРАФИЯ

- Катастрофа Ли-2 в районе горного массива Райиз Полярного Урала [Электронный ресурс] // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России. Факты, история, статистика: сайт. — URL: <http://www.airdisaster.ru/database.php?id=2008>.
- Письмо Александру Сергеевичу от Почкиной М. 1980-е годы // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 16392/4. ДК-2978.
- Письмо Бутову В.Г. от Жигина А.Д. от 17.06.1978 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 9859/99. ДК-354. Копия.
- Письмо в окружной музей от Почкина Ф.И. 1974 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 9699. ДК-2942.
- Письмо Пушниковой А.М. от Почкина Ф.И. от 31.10.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 4936. ДК-2943.
- Письмо сотрудникам Салехардского музея от Почкина Ф.И. от 22.11.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 16392/1 ДК-2975.
- Письмо т. Почкину от Мизиной Л.В. от 16.09.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. НВФ 9187/3.
- Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф.И. от 09.04.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 16392/2. ДК-2976.
- Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф.И. от 26.06.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. ЯНМ 4935. ДК-2941.
- Письмо тов. Мизиной от Почкина Ф.И. от 27.09.1973 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд. НВФ 1780.
- Почкин Ф. Настоящие советские люди // Тюменская Правда. № 39 (1132). 26.02.1949 года // ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского». Документальный фонд.
- Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Вып. 2 [Электронный ресурс] // Сайт Красноярского общества «Мемориал». — URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/503/2/14.htm>.

ПОРТРЕТЫ ОТЦА ИРИНАРХА ИЗ ФОНДОВ МВК

В фондах МВК хранятся живописные, графические, скульптурные портреты основателя первого музея на Ямале — Ивана Семеновича Шемановского. Статья посвящена истории формирования коллекции, авторам произведений и особенностям их трактовки образа миссионера, а также фотографиям, послужившим основой для создания образа о. Иринарха.

Ключевые слова: *И. С. Шемановский, основатель музея, портрет, художник, хранилище коллекций, документальный фонд, путешествующая фотография.*

Основателя Обдорского музея мы знаем под двумя именами: в миру — Иван Семенович Шемановский, в монашестве — отец Иринарх (с 1905 года — игумен Иринарх). Его жизнь — пример выполнения духовной, образовательной, просветительской миссии на Севере. За время пребывания в Обдорске Иван Семенович собрал богатую публичную библиотеку. В 1904 году по его инициативе было создано Обдорское миссионерское братство во имя святого Гурия, архиепископа Казанского и Свияжского чудотворца. Братство обратилось с ходатайством об открытии при библиотеке Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера, которое в 1906 году было «уважено» — так на ямальской земле появился первый музей.

Преемником Хранилища стал Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей, получивший право носить имя И. С. Шемановского в свой 90-летний юбилей, в 1996 году. Через шесть лет музей изменил свой статус, объединившись с Выставочным центром. Так в 2002 году появилось Государственное учреждение «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского» (далее — МВК).

В настоящее время в документальном фонде МВК хранится не только литературное наследие отца Иринарха, но и фотографии, которым он придавал большое значение. Точное их количество и авторство не известны. Иван Семенович пользовался уважением у обдорян и понимал важность документальных свидетельств для потомков. Именно поэтому Шемановский оставил много дневниковых записей, воспоминаний, рассказов и... фотографий. Дальнейшее выявление и атрибуция новых фотоснимков — тема дополнительного исследования. В настоящей статье нас интересуют фотографии лишь как основа для создания художественного произведения.

Искусство фотографии в Тобольской губернии развивалось со второй половины XIX века. «После Давиньона первое фотоателье в нашем крае открыл в 1862 году в Тюмени камышловский мещанин Ф. С. Соколов. Спустя два года (т. е. в 1864) в Тобольске пионером фотодела стал П. С. Паутов...» [Копылов, с. 62]. Некоторые тюменские

и тобольские мастера светописы организовывали Путешествующую фотографию, так появились на фотоснимках и остались в истории жители Обдорска. Существует ряд снимков 1900-х годов, запечатлевших групповые портреты с о. Иринархом. На всех священник изображен в монашеской черной сутане, с крестом поверх одеяния, а на некоторых фотографиях — в полном парадном облачении с клобуком, покрывающим голову. Копии снимков хранятся в российских архивах и документальном фонде МВК. Фонд не располагает изображениями Шемановского в верхней или мирской одежде.

Художники обращаются к трем качественным фотографическим портретам Ивана Семеновича. Два выделены из групповых снимков, выполненных непосредственно в фотомастерской госпожи Уссаковской в Тобольске во время путешествия Шемановского с воспитанниками обдорского миссионерского приюта в губернский город: одна в 1903 году, другая — несколькими годами позже. Один портрет — самостоятельный, парадный.

Сохранились также словесные описания Шемановского. Первое принадлежит воспитаннику Петру Хатанзееву: «Иринарха забыть трудно. Личность яркая. Высокий, сильный. Волосы до плеч. Золотой крест на груди. Голос — нечто среднее между басом и баритоном. Сочный, внушительный, поставлен хорошо. Строгое художачное лицо. Орлиный нос. Прямой пронизательный взгляд темных глаз. Тип мыслителя. Приветливый был... и справедливый» [Шемановский, т. 1, с. 7].

Второе описание встречается в воспоминаниях Петра Кулагина, видевшегося с Иваном Семеновичем в Средней Азии в 1918 году: «До того мне приходилось видеть Иринарха в Тюпе. Он высокий, представительный, с умным энергичным лицом, с живыми глазами, борода клинышком» [Мазурин, с. 37].

Фотопортреты и воспоминания современников об основателе первого музея на Ямале много публиковались и являются основным доступным материалом для создания художественного образа Шемановского. Представим художественные портреты по принципу их последовательного поступления в коллекцию.

Начало собранию положил бетонный бюст, поставленный в Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей в 1976 году. Образ основателя музея в ту пору диктовало время. Эпоха соцреализма и идеология атеизма, видимо, не позволила автору одеть основателя первого на Ямале музея в поповские одежды. Актуально и политически грамотно в то время было подать его как человека от сохи — основатель советского музея был изображен в простой мужицкой косоворотке. К сожалению, нам неизвестно имя автора этой скульптуры, однако можем назвать реставратора. Работа Сергея Питухина 2009 года несколько изменила облик священника, преобразив его в сторону исторической достоверности: появилось изящество в бороде, несколько удлиненной и раздвоенной, исчез ворот рубахи, а на груди выделилась цепь, плетением своим повторяющая ту, что на известных фотоснимках. С этого времени скульптурный портрет Шемановского встречает всех посетителей и гостей в фойе музея.

В юбилейном 1996 году, когда имя основателя музея стало визитной карточкой МВК, его фонды пополнились живописным портретом о. Иринарха кисти самодеятельного художника Сергея Кучерявенко. Возможно, автор выполнял заказ тогдашнего директора музея Н.Е. Наринской (с 1994 по 1999 годы). Художник писал Шемановского в 1995 году по салонной фотографии из Тобольска — именно этот образ чаще всего используется в качестве модели.

Дальнейшее активное пополнение коллекции продолжилось уже в 2000-е годы, волнообразно, с периодичностью в пять лет, накануне каждого следующего юбилея.

Так в 2005 году в музее появилась восковая скульптура основателя музея, сразу ставшая центром экспозиционного пространства Научной библиотеки.

Наиболее громкая торжественная дата — 100-летие со дня открытия в Салехарде «Хранилища коллекций...». В юбилейный год собрание художественных портретов о. Иринарха пополнилось на 7 единиц хранения. Из них три выполнены в городе Санкт-Петербурге компанией «Константа» (с 2011 года ООО «Проксима»): бронзовый бюст, памятная доска с барельефом, памятная медаль.

Автор отлитого в бронзе портрета — художник Сергей Дмитриев, выпускник училища имени В.И. Мухиной. В авторской трактовке читается, скорее, мушкетер XVII века, нежели православный священник. Впрочем, изображение молодого мужчины с правильными чертами лица, обрамленного длинными волнистыми локонами густых волос, имеет общие черты с фотоизображением Шемановского, выделенным из группового портрета 1903 года.

Памятная доска с барельефом основателя музея встречает каждого, входящего в ямальский дом муз. Бронзовый барельеф выполнен скульптором по металлу, выпускником ленинградского художественного училища имени В.А. Серова Шухратом Сафарматовым. Мастер работал в классических пластических традициях, но явно находился под влиянием мусульманской культуры,

от чего облачение православного священника несколько напоминает торжественный халат имама, а борода усечена в уровень с длинными до плеч локонами священника. Узнаваемость Шемановского весьма условна, однако памятная доска включает и предостерегающую от ошибок надпись: «И.С. Шемановский. Игумен Иринарх». Рельеф расположен перед входом в музейную часть МВК и символизирует тесную преемственность между главным музеем Ямала и результатами деяний Шемановского.

Предмет мелкой скульптурной пластики — памятная медаль, отлитая ООО «Константа» по эскизу художника Бориса Васильева, окончившего художественное училище имени В.И. Мухиной. По его же эскизам к 105-летию МВК Петербургская фирма изготовила подарочный набор — медаль, значок, брелок с портретом основателя музея.

Следующим экземпляром коллекции стала круглая скульптура малой формы, подаренная Окружным домом ремесел к 100-летию музея. Произведение выполнено из гипса художниками Андреем Вахрушевым и Александром Матвеевым. Это единственный портрет священника в динамике: он изображен широко шагающим с дорожным чемоданчиком в руке, устремленным навстречу порывам ветра. По замыслу авторов, этот сюжет иллюстрирует важное событие в жизни основателя музея: 29 октября 1910 года вышел приказ Святейшего Синода о перемещении игумена Иринарха на должность Тверского епархиального миссионера-проповедника, согласно его прошению о переводе. О своем прошении Шемановский писал в дневнике: «Уезжая из Азии, я пытался отдохнуть после 13 лет безвыездной жизни на далекой окраине. Здесь я понял глупость своего перевода, мне хотелось бы вернуться... продолжаю интересоваться Тобольским Севером, который кажется, напрасно покинул... 13 лучших идейных лет провел я в Обдорске, там, под полярным кругом...» [Шемановский, т. 1].

Следующие два портрета о. Иринарха, пополнившие коллекцию в 2006 году, выполнены в национальной ямальской традиции — резьба по кости. Автором их является мастер косторезного искусства Алексей Гриценко. Один представляет собой вырезанный из кости портрет в круглой деревянной оправе с дарственной надписью; в другом художник дал волю фантазии и изобразил священника читающим на фоне узнаваемого обдорского пейзажа. Сопровождает картину гравировка текста Шемановского, ставшего девизом всей жизни просветителя: «Когда человек родился во тьме и не ведает, что такое свет, он и не тянется к нему. Он просто не знает о его существовании. Вывести человека из тьмы, дать ему возможность узреть, что такое свет, — и он сам не захочет больше во тьму!» [Шемановский, т. 1, с. 4].

В 2011 году, к 105-летию музея в его фонды поступил живописный портрет иеромонаха, написанный Михаилом Каневым и подаренный культурно-досуговым центром «Наследие». На картине миссионер изображен как видение в сполохах вспыхнувшего над Обдорском северного сияния, не раз описанного самим Иваном Семеновичем.

В 2015 году коллекция портретов И. С. Шемановского, хранящихся в фондах МВК, пополнилась двумя работами.

Первой стал рисунок известного латвийского графика Артура Никитина, живущего в Риге и никогда не бывавшего на Ямале. О миссионере-просветителе он узнал от коллекционера Д. А. Фролова и из доступных публикаций. Портрет был создан в короткие сроки и впервые выставлялся в экспозиции МВК «Вокруг света. Путешествие с книгой в руках». Авторский стиль А. Никитина заставляет зрителя задуматься над тем, насколько сильна способность человеческой памяти идеализировать культовых персонажей. Портрет Никитина придал коллекции портретов Шемановского новое измерение, расширил границы восприятия.

Авторство другой картины, случайно обнаруженной в багетной мастерской и переданной в дар музею, остается загадкой. Судя по подписи, она написана в 1994 году. Миссионер на ней изображен в полный рост на высоком берегу Оби, а на противоположном видна весенняя тундра и несколько чумов. Сложенными пальцами правой

руки он благословляет ямальскую землю и ее людей, а прижавшийся к полам сутаны мальчик-инородец будто олицетворяет собой будущее, о котором мечтал священник-учитель. Решив посвятить свои силы общему образованию аборигенов [Мазурин, с. 35], Шемановский писал: «Родители, остяки и самоеды, не скрывали своего восхищения и высказывали, что... учение их детей хорошо и полезно. "Ребятишки, — говорили они, — сделались похожими на русских, а остались самоедами и остяками"... "Ты хорошо учишь наших ребятишек, — говорили мне довольные отцы инородцев"...» [Шемановский, т. 1, с. 92, 93].

Таким образом в настоящее время в МВК хранится тринадцать портретов И. С. Шемановского, из них 4 живописных и 9 — скульптурных.

Обращает на себя внимание, что большинство современных художников изображало отца Иринарха зрелым мужем или старцем, олицетворявшим собой мудрость и силу духа, в том время как Шемановский прибыл в Обдорск 24-летним молодым человеком и уехал вовсе не преклонным стариком, а полным сил и энергии 37-летним мужчиной.

Иллюстрации к статье в Приложении 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Копылов В. Е. У истоков фотографии на юге Тобольской губернии // Коркина слобода: Краеведческий альманах. Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2003. Вып. 5. С. 58–63.

Мазурин А. Б. Кто Вы, отец Иринарх? // Культура Ямала. 2013. № 2. С. 33–39.

Шемановский И. С. Избранные труды: в 2-х т. / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ф. Липатова. ГБУ «Ямало-ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского». М.: Советский спорт, 2011. Т. 1. 304 с.

КОЛЛЕКЦИЯ ГРАФИКИ ИЗ СОБРАНИЯ МВК КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Осознание человеком особенностей территории своего проживания является сегодня важной задачей. Образ места аккумулируется в произведениях искусства, музейных коллекциях. Собрание графики МВК за свою более чем 40-летнюю историю позволило не только выявить ведущие образы территории, но и понять изменения, которые произошли в региональном самосознании сегодня по сравнению с советским временем. Предложения по созданию концепции художественной коллекции музея, в том числе и графики, касаются организации событий, мотивирующих художников на поиск символических образов территории.

Ключевые слова: МВК, коллекция графики, образ территории, региональная идентичность.

После распада СССР проблема самоопределения на различных уровнях: личности, этноса, нации, города, региона, стала одной из актуальных проблем социума и нашла свое отражение в научном знании, в том числе гуманитарном. К началу 2000-х годов сложился обширный круг вопросов, связанных с изучением региональной идентичности, например: определение концепции «нового регионализма» в политике и экономике [Афонцев]; создание методологии «гуманитарной» или «образной географии» [Замятин]; изучение понятия «малой Родины» [Агаркова; Обморочкова]; обращение к «genius loci», возрождающее идеи И.П. Гревса и Н.П. Анциферова первой трети XX века [Замятина, Замятин] и т.п. В публикациях, посвященных исследованию региональной идентичности, отмечается, что «Несмотря на популярность в современной жизни идеи глобальных ценностей, все большее число людей осознает важность пространственной координаты для культурных процессов...» [Розенберг, с. 84]. Сегодня «...оказывается важным понимание того, как в сознании региональных субъектов осуществлялось образно-символическое «собрание» данного пространственного локуса (его особенности и цельности): узнаваемого..., психологически комфортного своего Места, с которым установлена родовая историческая духовная связь» [Агаркова].

«Место существует как растяжимое и растягивающееся, постоянно трансформирующееся пространство образов...» [Замятина, Замятин, с. 65]. При таком понимании одним из источников изучения региональной идентичности может стать художественная коллекция графики из собраний МВК, на которой я остановилась по ряду причин. В начале XXI века окружной краеведческий музей стал музейно-выставочным комплексом. Взятая на себя новой институцией функция «культурных ворот Ямала», выражающаяся в создании репрезентативного образа культуры

округа в глазах мира и в декларации мировых ценностей в пространстве округа, реализуется, в том числе и благодаря созданию художественных событий и процессу комплектования художественной коллекции. Коллективность процесса музейного комплектования дает ощущение его репрезентативности, необходимой для того, чтобы использовать коллекцию как источник изучения региональной идентичности.

Выделение в художественном собрании МВК именно графической коллекции обусловлено тем, что, во-первых, графика как мобильный вид творчества часто проникает в музей благодаря мобильным мероприятиям — пленэрам, мастер-классам, передвижным выставкам. Зная, что в художественной жизни Салехарда такие события в последние десятилетия — явление нередкое, можно предположить, что музейная коллекция графики активно и разнообразно пополняется. Во-вторых, среди изобразительных видов творчества, именно графика, часто становится зоной поиска средств выражения, творческого эксперимента, способствуя освоению уникальности Места.

Цель предлагаемой статьи состоит в анализе состава коллекции графики из фондов МВК с точки зрения выявления визуальных и смысловых доминант территориального образа.

Коллекция графики комплектовалась в течение последних 40 лет. В основном фонде на начало 2016 года находится 542 экспоната, в научно-вспомогательном — 371 единица хранения. Если судить по материалам, в коллекцию входят оригинальные (акварель, мягкий материал) и печатные листы, выполненные в разных техниках — линогравюре, литографии, офорте и пр.

Рассмотрю содержание основного фонда коллекции, попутно выделяя периоды его формирования [Гурьянова]. Первый период связан с 1970–1980 годами. Начало формирования коллекции графики относится к первой

половине 1970-х годов. Именно 1973–1975 годами помечены первые поступления, записанные в актах приема (листы Г.Н. Бусыгина, М.С. Рогожнева, О.А. Андреева, Гинукова, В. Петрова, Ю.Д. Цишевского, И.И. Пчелко). Часть работ была передана из Тюменской картинной галереи. Возможно, во второй половине 1960–1970-х годов была поставлена задача формирования собственной художественной коллекции в округе. Принцип отбора первых поступлений тематический: Север природный, этнический, исторический, промышленный. Кроме работ, характеризующих образ жизни людей на севере Сибири, в собрании появляются листы, отражающие обязательность идеологических требований времени, образы «Ленинианы» (автолитографии М.Н. Митурича, линогравюры Д.С. Бисти, Носкова).

В 1981 году, в год 75-летия со дня основания музея, собрание графики пополнилось значительным количеством линогравюр Г.С. Райшева (58 единиц хранения). В коллекции музея оказались работы разных лет (1968–1981 годы) и разных жанров: от сюжетно-тематических до городского пейзажа, и от портрета до условно-эмблематических композиций. Этот год был также годом активного пополнения графическими работами на темы промышленного освоения Севера (линогравюры Г.П. Засекина, Г.Н. Бусыгина, С. Кобелева, А. Тюленева). Таким образом хотя документы тех лет не всегда хранят полную информацию, общим для этого периода была целенаправленная передача работ из фондов Тюменской картинной галереи в фонды окружного краеведческого музея. Тематика сибирского Севера объединила все работы этого периода. Причем примерно половина общего количества графики больше отражала особенности времени — пафос покорения сибирской природы человеком — чем территории. И только работы Г.С. Райшева задали точку отсчета для понимания особенностей Места.

Второй период (1990-е годы) характеризуется началом формирования собственной политики комплектования фондов графическими работами как со стороны региональной власти, выделявшей средства на закупку, так, предположительно, и со стороны музея (участие в обсуждении, формулирование предложений). В 1995 году (возможно, к 65-летию округа) в фонд поступило большое количество офортов ленинградского графика С.И. Ковригина, который в это время приезжал в Салехард для участия в мероприятиях, чествуящих его отца, И.М. Ковригина. С.И. Ковригин в конце 1970-х годов делал на ямальской земле наброски для своей дипломной работы — серии офортов. Эти листы и были приобретены музеем у автора.

Документы не сохранили года поступления в коллекцию акварелей и карандашных набросков Н.А. Носкович, ленинградского художника, приезжавшей в Салехард летом 1955 года для создания иллюстраций к ненецкому букварю. Часть работ была поставлена на учет во второй половине 1990-х годов. Среди графических работ, в разное время поступавших в собрание музея, отмечу работы В. Заборского, П.Е. Хатанзеева, И.Г. Истомина. Это местные мастера, работавшие в конце 1940-х — начале 1960-х годов. Пути поступления работ В. Заборского не известны, так же

как и время появления их в музее. Вполне возможно, что они появились еще в середине XX века, но поставлены на учет с формулировкой «из старых поступлений» были только в 1990-е годы. Личные фонды, куда входят наброски И.Г. Истомина и П.Е. Хатанзеева передали в собрание музея их родственники в 1996 и 1995 годах соответственно.

Итак, подчеркну, что в 1990-е годы, годы активных процессов децентрализации в недавно едином культурном пространстве страны, в формировании коллекции графики усиливается краеведческая тематическая направленность. Музей в эти годы собирает работы, созданные в 1950–1970-е годы и связанные с округом темой/именем автора произведения.

Третий период (2000–2014) в формировании коллекции связан не только с движением материальных предметов (листов графики) и денежных потоков, но и с выявлением возможностей художественной среды города, а также с осознанием музеем своей новой роли в регионе. В 2002 году изменился статус музея, что предполагало более активное проведение разнообразных, в том числе и художественных выставок, которые часто и становились источником пополнения коллекции. Изменился не только музей. К началу XXI века в Салехарде сформировалась художественная среда (А.А. Вахрушев, С.А. Лугинин, Н.М. Талигина и др.), которая также явилась источником пополнения собрания. Так, в 2003 году было закуплено большое количество работ Н.М. Талигиной, местного хантыйского мастера, получившей профессиональное художественное образование в Высшем художественно-промышленном училище им. С.Г. Строганова. В 2006 году, в год столетия музея, коллекция графики пополнилась пастельными картонами тобольского мастера В.Г. Иглового.

Большая коллекция поступила в фонды графики в 2011 году, в год 105-летия со дня основания музея (были подарены работы А.А. Сахненко, А.А. Вахрушева, Н.М. Талигиной и др.). В 2012 году был ряд поступлений от участников Первого Ямальского пленэра (А.А. Сахненко, В.Ю. Желвакова, А.А. Вахрушева, Ю.А. Васильева, В.В. Моисеева и др.). В составе этого поступления следует отметить коллекцию оригинальной графики В.А. Емельянова, созданную им в рамках пленэра на Ямале 1964–1967 годов и приобретенную у Выставочного зала Санкт-Петербургского союза художников Фондом инновационного развития ЯНАО.

В 2012 году Правительством Тюменской области были выделены средства на закупку цельно-гравированной книги В.Г. Распутина «Возвращение Тобольска», созданной питерским графиком Н.И. Казимовой и выпущенной в свет Фондом «Возрождение Тобольска». Следует отметить крепнущие культурные связи между МВК и институтами Санкт-Петербурга. В 2013 году после выставки «Страницы медных книг» и в рамках прохождения «Дней Санкт-Петербурга» на Ямале в коллекцию поступили работы Н.И. Казимовой и Т.А. Мищенко. В 2014 году в результате работы, проведенной сотрудниками МВК, были присланы в дар офорты С.И. Ковригина, дополнившие складывающееся собрание мастера. В том же году

коллекция пополнилась работами Второго Ямальского пленэра (среди участников графики Салехарда, Тюмени, Финляндии и других территорий).

Особенностью третьего периода, самого результативного по количеству и разнообразию поступивших в собрание работ, стало возведение образа Места в ведущий принцип формирования художественной коллекции. Край воспроизводился в работах как описательно, реалистично: как иллюстрация природного фрагмента, мифа, легенды, так и метафорично, символично: при помощи знака и формальных средств выражения — линии, фактуры и пр.

Предположу, что четвертый период, характеризующийся расширением не только возможностей местной художественной среды, но и взаимовыгодного сотрудничества музея и художественного пространства России и других стран, начался в 2015 году. Именно тогда в МВК прошел ряд выставок графики, среди которых экспозиции, созданные на основе представительной графической коллекции Д.А. Фролова, персональная выставка М.Ю. Колясниковой, выпускницы Санкт-Петербургского института дизайна, ДПИ и гуманитарного образования, а также состоялся Первый международный фестиваль «Неделя графики и дизайна в столице Ямала», на который с выставкой и мастер-классами приезжала эстонский график В. Станишевская. Для четвертого периода в истории комплектования коллекции графики характерна проявляющаяся открытость МВК российскому и мировому художественному пространству. В культурный код территории сегодня естественно вошел культурный обмен, помогающий не только транслировать природно-культурные бренды, но и вступать в контакт с мировым культурным наследием.

Состав коллекции характеризуют не только темы работ, но и позиции их авторов. Работы, представленные в коллекции, выполнены мастерами, подавляющее большинство которых — дипломированные профессионалы, получившие российское художественное образование. Изобразительное наследие личных коллекций И.Г. Истомина и П.Е. Хатанзеева, представителей коренных национальностей Севера, не художников по роду деятельности, создано любительски, но по тем же образовательным образцам. Авторскую позицию маркирует также принадлежность к коренному этносу Севера, предоставляя при равных уровнях ремесла два варианта восприятия пространства — изнутри, со стороны местной культурной традиции, и извне, от человека, не являющегося носителем какой-либо автохтонной традиции, но с увлечением погружающегося в нее.

Для понимания того, насколько полно отражает коллекция графики МВК разнообразие возможных позиций авторов по отношению к территории, возьму на вооружение условное деление, которое является достаточным для создания некоей идеальной коллекции графики, способной полно отразить региональную идентичность. Итак, первая группа. Авторы — носители какой-либо северной этнической традиции, дипломированные художники. Работы воплощают реалии быта, природы, иллюстрируют мифы народов Ямала и/или произведения местных литераторов.

Вторая группа — представители коренного населения, их работы — станковые самоценные листы с тематикой, не связанной с народной или архаической традицией и вообще с территорией. Авторы третьей группы не связаны этническими корнями с землей Ямала, профессиональные художники, осознанно выбравшие в качестве темы Север (природа, этническая мифопоэтика). Четвертая группа — профессиональные художники, чьи работы ориентированы на авторские поиски, воплощающие образы времени и общероссийского, мирового пространства.

Прилагая эту условную схему к составу музейной коллекции, замечу, что первая группа представлена несколькими именами (Г.С. Райшев, Н.М. Талигина, И.Г. Истомин, П.Е. Хатанзеев), зато работы этих мастеров многочисленны. Третья группа мастеров представлена в коллекции разнообразием имен, стилистических и тематических решений, воплощающих образ Места (Н.А. Носкович, С.И. Ковригин, А.А. Вахрушев, художники ямальских пленэров второй половины 1960-х и начала второго десятилетия XXI века). Четвертая группа имен — самая малочисленная. Эстампы и оригинальная графика, демонстрирующие связь музейного собрания не с выявлением образа территории округа, а с ощущением времени, осознанием целей и языка искусства, единичны (Н.И. Казимова, Россия, Санкт-Петербург, А.П. Никитин, Латвия, В.Г. Станишевская, Эстония, Т.Х. Халлакорпи, Финляндия).

Подчеркну, что в коллекции полностью отсутствует вторая группа. Поэтому трудно сказать, есть ли на Ямале, в России художники, из числа коренных народов сибирского Севера, получившие профессиональное образование и работающие с темами времени, а не территории? Если они не вернулись после учебы на родину — насколько за пределами территории ее образ воспроизводится/не воспроизводится в их работах?

Четыре периода формирования коллекции охватывают больше 40 лет. При этом время создания работ распределяет графические произведения по двум большим группам: работы, созданные в советское время и в начале XXI века. Как было сказано, второй период формирования коллекции хоть и связан уже с 1990 годами, но работы, попавшие в собрание тогда, относятся к 1950–1970 годам. Таким образом коллекция предоставляет возможность понять качественные изменения, отразившиеся на образе территории за время комплектования и сравнить, как проявлялась в графике региональная идентичность в 1950–1980-е и в 2000–2010-е годы.

Среди заметных (и качественно, и количественно) работ 1950–1980-х годов выделю акварели Н.А. Носкович 1955 года, решенные в высокопрофессиональной манере российского академическо-реалистического рисунка. Этот универсальный способ изображения, построенный на правильности пропорций фигур, ясности композиции и внимании к важным деталям, давал ощущение с одной стороны документальной точности в воспроизведении реалий культуры коренного населения округа, а с другой делал эту культуру частью культуры отечественной, для которой классические традиции изображения являются базовыми.

В многочисленном ряде эстампов 1970–1980-х годов образ территории трактовался с ориентацией на советские ценности: покорение сурового севера Сибири с целью его промышленного освоения. При этом музейная коллекция свидетельствует о том, что графика того времени, хранящая портреты нефтяников, образы стройки, не стремилась к созданию масштабности образа территории — высоким точкам зрения, большим форматам (исключение составляют линогравюры С. Кобелева, небольшие по размеру, но воспроизводящие масштабные сюжеты: «Буровые Самотлора», «Газоперерабатывающий строится» и др.). Темы вызвали к пафосу преобразования, а язык графики чаще всего был камерным. Скорее всего, графические листы тех лет, входящие в музейное собрание, не полностью отражают свое время, т.е. коллекция в те годы собиралась не целенаправленно.

Другим автором, работы которого определяют складывающийся образ Места тех лет, является Г.С. Райшев. По его небольшим эстампам заметно, как жесткая «публицистичная» линия линогравюры, характерная для эстетики «шестидесятничества» находит себя в природных метафорах. Интерес к теме природного целого, частью которого является и человек, популярный в романтическом направлении советского искусства этого периода, у ряда урало-сибирских мастеров становился способом ухода от идеологических тем и советских культурных ценностей, выразившимся в итоге в открытии мира этноса и/или архаики (в Омске, например, таким художником был Н.Я. Третьяков). Замечу, что часть листов Г.С. Райшева тяготеют к масштабному воспроизведению территории, как некой пространственно-временной целостности («Земля предков»).

Офорты С. И. Ковригина конца 1970-х годов так же камерны, как и линогравюры Г.С. Райшева. Их размер полностью соответствует камерности взгляда на особенности быта коренного населения Ямала, рыболовов, оленеводов, живущих в чумах. Взгляда внимательного, но в отличие от Н. А. Носкович, не эстетизирующего, а скорее намеренно обобщающего образы, предметы. Пожалуй, Ковригин пытался найти нечто среднее между универсалиями академического языка и метафорами неоромантизма.

Образ территории предстает и в станковых листах уникальной графики участников пленэра, ленинградских художников. Их листы, в унисон с работами Носкович демонстрируют академическо-реалистическую традицию, помогающую помочь «увидеть» природу Ямала зрителю, находящемуся далеко от этой земли. Точка зрения также камерная, соответствующая индивидуальному опыту восприятия.

Обобщая, скажу, что образ севера Сибири в графической коллекции второй половины XX века трактуется лирически, предлагая увидеть его глазами частного человека, но во всем разнообразии природных красот, культурных традиций коренного населения и мощи промышленного освоения этих пространств. Это образ, который рождался извне и являлся частью культурной политики тех лет — окраины советской державы, каждая по-своему, вносила лепту в формирование единого образа страны.

Лишь таежная Югра в листах хантыйского мастера Г.С. Райшева предстает неким первозданным особым миром, живущим по своим природным законам, понятным только жителям этой земли.

В начале XXI века графика сохраняет камерный язык высказывания. Несмотря на то, что округ сегодня развивается в промышленном отношении столь же интенсивно, графика первых десятилетий XXI века не отражает этих свершений. Масштабная демонстрация результатов грандиозных промышленных планов освоения Арктики на фоне нетронутой природы (Северный широтный ход, Сабетта и пр.) плодотворно осваивается сегодня фотографией. В культурном коде Ямала, воплощенном в графике, первое место теперь уверенно занимают природа и быт представителей традиционной культуры.

В коллекции представлено много этюдов, которые попали в собрание музея благодаря Ямальским пленэрам. Если во второй половине 1960-х годов сюда приезжали профессиональные столичные мастера, то в 2012 и 2014 годах основу пленэров составили художники Салехарда, Тюмени и др. При этом темы, мотивы и язык не изменились — лирический взгляд на природную красоту Места.

Нишу Г.С. Райшева в трактовке образа территории как воплощения единства человека и природы сегодня занимает, прежде всего, Н.М. Талигина как представитель коренного местного населения, и как профессиональный художник. В отличие от Райшева Талигина останавливается на камерном, эстетизированном воспроизведении этого единства. Ее небольшие листы, выполненные тушью, легкими росчерками линий, ритмом пятен, открытой формой предметов и фигур, близки к так же универсальному языку ар-нуво. Такой язык хорош при создании книжной иллюстрации, что часто и делает Н.М. Талигина, обращаясь, например, к творчеству хантыйских писателей Р.П. Ругина и З.В. Лонгортовой. Декоративный принцип в трактовке традиционной культуры избирает и М.Ю. Колясникова, находясь в русле ведущего «декоративизирующего» направления искусства эпохи глобализма, превращающего любой культурный факт в некий сувенир, украшающий нашу жизнь. Отстраненность позиции декоратора в случае с Н.М. Талигиной искупается погружением в культуру ханты, ее праздники и быт, точным пониманием существующих внутренних связей между орнаментом, одеждой, предметами, материалом, природным целым и языком. Подлинность сюжетам изящной графики Талигиной придают и названия работ («Йир», «Вератты», «Юш туты ху» и др.) вместе с русскоязычным подстрочником дающие возможность соединить образ графики и хантыйские традиционные обычаи («жертвоприношение на свадьбе», «место, где работают мужчины», «ведущий дорогу»).

По сравнению со второй половиной XX века, образ территории сегодня складывается и из восприятия миропонимания населения этой земли, зафиксированного в археологических древностях и легендах коренных народов. Художником, чьи работы отражают погружение нашего современника в мифы, образы прошлого, с целью если не разгадать тайну, то приблизиться к утраченному

знанию, является А.А. Вахрушев. Направление, которое он представляет, в современном сибирском искусстве именуется разными терминами, чаще — неоархаикой [Сибирская неоархаика]. Графика неоархаики обращается к непознаваемым смыслам прошлого, используя для этого формальный, модернистский способ изображения, опирающийся на знак, фактуру, плоскость.

Таким образом идентичность округа сегодня по-прежнему воплощается в чистоте природных образов и образах традиционной культуры. «Обращение к культуре... отдельного региона предполагает изучение и анализ культурно-природного ландшафта, который предстает как интегрирующее начало жизни на конкретной территории, является фундаментом... выявления и анализа архетипических символов и образов» [Розенберг, с. 84]. Графическая коллекция МВК также свидетельствует о том, что природно-этническая уникальность территории не только стала ее культурным кодом, но и ее основным брендом. Бренд оказывает воздействие на потребителя образа территории, делая ее в глазах страны и мира важной и необходимой (уникальной) частью мироздания. Уточню, что существующий сегодня образ территории складывается из привычных еще по советскому времени слагаемых — нетронутость, но и близость к человеку природы и таинственная притягательность культуры местных этносов и жителей этой земли далекого прошлого.

Некоторая ограниченность смыслов, ставших частью сегодняшнего образа края, свидетельствует либо об уровне мастерства художников, не стремящихся выйти за рамки сложившихся представлений, либо не репрезентативностью коллекции, которая комплектуется также на основе этих представлений. Так, например, в коллекции отсутствуют графические воплощения пространственно-временного единства мира, последствий

встречи цивилизации и традиционной культуры, образы города и пр.

Искусство отражает то, что существует в действительности, в том числе и в сознании. Но оно же способно и формировать сознание. Поэтому, уверена, что необходимо думать о создании концепции всей художественной коллекции и формировать комплектование графики более последовательно, что позволит точнее отражать процессы региональной идентичности, а возможно и участвовать в создании более сложного образа территории.

Во-первых, проектно-выставочная деятельность музея может активизировать сильных местных мастеров Салехарда на развитие их изобразительно-выразительного языка. Во-вторых, необходимо вести работу комплектования не только с кругом салехардских графиков, но и со всем округом. В-третьих, состав участников выставок необходимо продуманно расширить, приглашая к экспонированию работ мастеров не только России, но Европы и мира, прежде всего циркумполярного региона. В-четвертых, выставочные проекты обязаны быть концептуальными и работающими на понимание содержания территории, определения его роли в мировом контексте. Только такие проекты способны привлечь мастеров современных и мыслящих.

Подчеркну, что МВК им. И. С. Шемановского не должен стремиться к созданию классической коллекции графики. Его цель комплектования — «живая современность», могущая вписать культуру округа в большой мир, сохранив его уникальность. Возможно, даже погрешности комплектования прошлого с точки зрения классической коллекции (наличие в собрании графики батиков и деревянных панно), для осуществления этой цели превратятся в новый отличительный ее принцип — принцип технологического эксперимента в этом виде творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агаркова А. А. Региональная культурная идентичность и официальная культурная политика (образ «Малой Родины» в контексте идеологических поисков «национальной культурной идеи») [Электронный ресурс] // Российская наука. Философия. Философия культуры: сайт. — URL: http://www.rusnauka.com/5_NTSB_2007/Philosophia/20178.doc.htm (дата обращения 29.01.2016).

Афонцев С. Новый регионализм [Электронный ресурс] // ПостНаука: электрон. журн. 29.05.2014. — URL: <http://postnauka.ru/longreads/26527> (дата обращения 31.01.2016).

Гурьянова Г. Г. Коллекция графики в МВК им. И. С. Шемановского: особенности формирования // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Девятые Сибирские искусствоведческие чтения «Инновационные практики в современном искусстве Сибири: галереи, частные и корпоративные собрания; коллекционеры; проекты». Омск, 2015. (в печати)

Ерёмина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс] //

Регионология: электрон. журн. 2011. № 3. — URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 29.01.2016).

Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Замятина Н. Ю., Замятин Д. Н. Гений места и город: вариант взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 62–86.

Обморокова А. М. Формирование региональной идентичности и способ воплощения концепта «Родина» в красноярском культурном пространстве [Электронный ресурс] // Социодинамика: электрон. журн. 2015. № 2. — URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14394.html (дата обращения 29.01.2016).

Розенберг Н. В. Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. 2011. № 4 (20). С. 79–85.

Сибирская неоархаика. Сборник материалов. Новокузнецк: Галерея «Сибирское искусство», 2011. 124 с.

О СОСТАВЕ И ТЕМАТИКЕ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В. П. ЕВЛАДОВА

В 2004 году фонды МВК пополнились уникальными экспонатами — документами, фотографиями, личными вещами и книгами известного исследователя Севера В. П. Евладова, которые были приобретены у его сына. Предлагаемый обзор знакомит с составом и тематикой библиотеки ученого.

Ключевые слова: В. П. Евладов, исследования Ямала, библиотека, коллекция.

В начале 2000-х годов МВК им. И. С. Шемановского приобрел у сына исследователя полуострова Ямал — Владимира Петровича Евладова (1883–1974), рукописи отчетов об экспедициях 1920–1930-х годов, полевые дневники, личные вещи и его замечательную библиотеку, которую он собирал на протяжении 1920-х — начала 1970-х годов. Библиотека эта сама по себе представляет прекрасный материал для исследования, т. к. состоит из книг, посвященных изучению Арктики и Антарктики, многие из которых давно уже являются библиографической редкостью. Часто в книгах встречаются собственноручные пометки В. П. Евладова на полях, в которых он выражает свое отношение к той или иной гипотезе или факту.

Известный исследователь Сибири родился 25 июля 1883 года в селе Верхотурский завод Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. В 1911 году окончил Уфимское реальное училище и поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения, где проучился до середины 1916 года. В годы гражданской войны работал в партийных и хозяйственных органах Урала и Сибири. До 1926 года занимал должность заведующего кредитно-плановым отделом Уралсельхозбанка. Весной 1926 года вместе с отрядом Уральского облздравотдела выехал на Ямал. В задачу экспедиции входило медицинское обследование коренного населения и выработка предложений по организации постоянной медицинской помощи населению тундры. На Ямале В. П. Евладов был включен в состав ветеринарно-бактериологической группы, работавшей в стадах ненцев-оленьеводов, проводил топографические работы на маршруте более 300 км — от Нового Порта до озер Яррото и далее до озера Пуйко на Оби. По результатам своей поездки исследователь сделал обширные доклады в Уралкоме Севера, Комитете Севера при ВЦИК в Москве и в Полярной комиссии АН в Ленинграде.

В марте 1927 года В. П. Евладов был включен в состав Уральского комитета содействия народностям северных окраин. В конце этого же года Уральский облисполком вынес решение об организации крупной научно-исследовательской экспедиции: «Для всестороннего изучения политико-экономического состояния, жизни, быта,

обычного права ямальских кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-менных отношений, производства и потребления, работы торгово-заготовительных организаций направить комплексную экспедицию на Ямальский полуостров сроком на полтора года... в составе начальника экспедиции Евладова В. П., охотоведа Спицина Н. Н. и товароведа Каргопольцева И. В.». Ямальская экспедиция явилась главным научным предприятием Евладова. 8 марта 1928 года группа исследователей выехала из Свердловска и 30 марта достигла Обдорска. 17 апреля экспедиция из 22 человек на 56 нартах с общим стадом оленей в 374 головы отправилась из Обдорска в тундры Ямала.

Всестороннее изучение жизни Ямальского полуострова продолжалась в течение года. Это была первая и единственная экспедиция, маршрут и работа которой были спланированы точно по образцу традиционного годового хозяйственного цикла ямальских ненцев-оленьеводов, что позволило ее участникам собрать бесценный материал. По материалам и впечатлениям Ямальской экспедиции В. П. Евладов написал книгу «В тундрах Я-Мала», опубликовал научные статьи и небольшие рассказы в журналах «Уральский охотник», «Уральский следопыт», в журнале «Вопросы Арктики» издал карту Ямала. До начала 1990-х годов его научные труды были малоизвестны. Лишь в 1992 году благодаря изысканиям этнографа-североведа А. И. Пики и П. В. Евладова, сына ученого, на основе полевых дневников и отчетов был составлен и опубликован текст книги «По тундрам Ямала к Белому острову» [Лёзова, с. 285]. Через несколько лет вышла вторая книга, составленная П. В. Евладовым по записным книжкам, письмам, дневникам отца: «Полярная ямальская зимовка».

Таким образом одна из важных частей собрания — это литературное наследие В. П. Евладова, а именно: «В тундрах Я-Мала», «По тундрам Ямала к Белому острову», «Полярная ямальская зимовка», альбом фотографий ямальских экспедиций «Земля Ямал» [Евладов, 1930; Евладов, 1992; Евладов, 2008; Земля Ямала]. Альбом был отпечатан с негативов экспедиции 1928–1929 годов и посвящен памяти В. П. Евладова и А. И. Пики, который погиб в одной из экспедиций в 1990-х годах.

Вторая часть библиотеки В.П. Евладова представляет собой научный и познавательный интерес, как исключительная коллекция книг 1920–1970-х годов по истории освоения и изучения Арктики. Библиотека включает 153 книги (в 2014 году в результате исследования фондов музейной библиотеки был выпущен «Каталог книг библиотеки исследователя Владимира Петровича Евладова»). В ней представлена научная, научно-популярная и художественная литература — книги, сборники научных трудов, брошюры. Здесь собраны книги по разным отраслям знаний (географии, истории, этнографии) и тематическим разделам науки о Севере. В ее составе немало публикаций о Ямале. Настоящим раритетом собрания является вышедшая в 1930 году книга В.П. Евладова «В тундрах Я-Мала» [Евладов, 1930] с приложением к ней схематичной карты Тобольского округа Уральской области. В книге, на основании материалов ямальской экспедиции 1928–1929 годов, автор дает развернутую характеристику географического положения полуострова Ямал, расположенного на побережье Северного Ледовитого океана, и «вотчины богов» — необитаемого острова Белый. Знакомит читателя с землепроходцами, первыми проникшими на эту территорию, описывает природу и животный мир Ямала. Рассказывает о видах хозяйственной деятельности и культуре коренных жителей полуострова — самоедов — и представляет статистические данные об их численности: «Эта народность невелика. Всего их в пределах СССР насчитывается около 30000 душ, а в Уральской области 9 582 человека» [Евладов, 1930, с. 20]. В главе книги «Корни родов» В. П. Евладов так характеризует происхождение ямальских самоедов: «самоеды считают себя происходящими от двух корней — от Окатэтта и Вануйта (по-русски «корень») и делят все роды на две группы. К первой группе — Окатэттов относятся роды Хороя, Худи, Ямал, Сэротэтта, Ядне, Адер, Тусида, Явай, Лапсуй, Тэрахонта, Гану-грютти; ко второй — Вануйтов — относятся роды Серпиус, Яптик, Яунгад, Магаку, Ломду, Вененга, Яр, Лаптандер, Пуйко. В это коренное деление, как видим, входят и рода соседних тундр» [Евладов, 1930, с. 21]. Ниже текста следует пояснение автора книги, написанное чернильной ручкой: «Эти группы наука называет фратриями». Иллюстративный ряд в книге представлен множеством любопытных фотографий.

Широко освещают Ямальский Север путевые очерки М. С. Синицына «По ненецкой земле», очерки натуралиста В. М. Сдобникова «По Арктической тундре» и книга «Ямало-Ненецкий национальный округ».

Познавательна и интересна книга «Салехард» [Омельчук] о многовековой истории древнего города на Полярном круге нашего земляка, ныне тюменского писателя и журналиста Анатолия Константиновича Омельчука. Она была издана в 1978 году в Средне-Уральском книжном издательстве. Вероятнее всего эта публикация была включена в состав частного собрания сыном В.П. Евладова после ухода из жизни отца. На титульном листе присутствует печать «Владимир Евладов». Это дает нам основание предполагать, что и после смерти владельца библиотеки некоторое время она пополнялась членами его семьи.

Книжная подборка В.П. Евладова обладает характерными чертами библиофильской коллекции. Одним из ее

отличительных признаков является наличие своей печати. Именная печать с довольно крупной надписью «Владимир Евладов» присутствует на обложках отдельных книг и титульном листе каждой книги частного собрания. Другой важнейший признак коллекции — мемориальность, наличие на полях книжных страниц множества бесценных автографов, записей, помет и пояснений, оставленных рукой В.П. Евладова. К самым дорогим раритетам относятся книги по истории освоения Северного морского пути З.М. Каневского «Между двух океанов» и В.Д. Новикова «Из истории освоения Арктики», «Покорение Арктики», книги В.В. Чарнолуцкого «В краю Летучего камня», Г.В. Метельского «Ямал — край земли», В.М. Пасецкого «Петр Анжу».

Беспорным статусом редкого и уникального издания обладает книга известного знатока культуры саамского народа, этнографа и собирателя легенд Прикамских саамов Владимира Владимировича Чарнолуцкого «В краю Летучего камня». Этнограф, посвятивший часть своей жизни изучению происхождения и культуры саамского народа, в живой форме представил читателю увлекательную легенду об олене-человеке Мяндаше и на основе этнографических материалов познакомил с жизнью саамов. Настоящая книга хранит бесценные, тщательно воспроизведенные этнографические рисунки саамов с четким изображением и прорисовкой всех деталей их верхней одежды, сделанные рукой В.П. Евладова. Четыре авторских рисунка поясняются записями и штрихами о деталях костюма, его окраске и составе меха. К одному из этих рисунков, изображенному на внутренней обложке книги сделаны следующие записи: «Осенняя одежда лопаря», «Серый», «Черный бобрик» [Чарнолуцкий, передний форзац обложки книги]. Рисунки и записи, оставленные В.П. Евладовым в книге, свидетельствуют о глубоких знаниях полярником культуры и быта этого северного народа.

Гордостью собрания является книга путешественника Г.В. Метельского «Ямал — край земли». Она написана автором по горячим следам путешествий по Ямалу и исчезнувшей Мангазее, под впечатлением от встреч на этой земле с разными людьми: геологами, рыбаками, пастухами. Книгу путешественника В.П. Евладов изучил очень тщательно и, судя по оставленным в ней пояснениям, обращался к ней не один раз. В нижней части титульного листа рукой владельца сделана следующая запись «Сноски и примечания мои Вл. Евладов». Часто на полях книжных страниц встречаются многочисленные знаки, записи и пометы, сделанные рукой владельца книжного собрания. Так, на полях одной из них, параллельно авторскому тексту: «Б.М. Житков вспоминал, что почти каждый ненец умел начертить на снегу схематический план местности. Это помогло путешественнику составить довольно подробную карту полуострова и ею пользовались почти полвека» [Метельский, с. 195] рукой В.П. Евладова сделана следующая запись: «Неверно. Эта карта составлена в 1908 году. Книга вышла в свет в Москве в издательстве «Советская Россия» в 1959 году.

Большой научный интерес представляют две стенограммы публичных лекций. Стенограмма «Пятый рейс в Антарктику» капитана антарктической китобойной

флотилии «Слава» А.Н. Соляника о главном районе китобойного промысла — Антарктике и стенограмма «Полярная стратегия и полярная экспансия» о проблемах Арктики и крупных достижениях, прочитанная 31 января 1947 года в лекционном зале Москвы писателем И.И. Ермашёвым. Также в коллекции хранится редкий экземпляр авторского репортажа известного чешского журналиста Ю. Фучека «Завоевание Северного полюса». В репортаже освещены начальные этапы подготовки известной экспедиции папанинцев, их перелет из Москвы на Северный полюс и посадку участников этого путешествия на дрейфующую льдину. Их исследования положили начало проведению научных работ в океане с дрейфующего льда.

Широко представлены в частном собрании В.П. Евладова книги следующих тематик: «Путешествия знаменитых полярных исследователей», «История освоения Северного морского пути», «Научно-исследовательская деятельность в Арктике». В коллекции хранится лишь несколько книг по истории покорения воздушных пространств [Беляков], по исследованию и расселению ненцев [Долгих] и по исследованию биологии калана [Барабаш-Никифоров].

Особого внимания заслуживают книги о путешествиях и знаменитых исследователях, связавших свою жизнь с изучением Севера. Здесь собрано пять книг доктора исторических наук В. М. Пасецкого «Арктическое путешествие россиян», «Владимир Русанов», ««Геркулес» исчезает во льдах: Жизнь и путешествия В.А. Русанова», «Петр Анжу», «Поиски неведомых земель»; две книги капитана дальнего плавания, исследователя Арктики Константина Сергеевича Бадигина «Три зимовки во льдах Арктики», вышедшие в свет в издательствах Москвы «Советская Россия» и «Молодая гвардия».

Большой интерес представляют библиографические редкости: книга «В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море» и оттиск главы «Норвежская Полярная экспедиция 1893–96 гг.» из книги «Во мраке ночи и во льдах» знаменитого норвежского полярника Ф. Нансена. Публикация «В страну будущего» ценна отношением автора к России, Сибири, к сибирским народам, земле и ее недрам. Книга, написанная по результатам экспедиции, организованной с целью: «попытаться завязать постоянные торговые сношения с Центральной Сибирью морским путем через Карское море и устье Енисея» [Нансен, 1969, с. 8], содержит много полезных сведений по географии, истории и этнографии народов Сибири. В первой ее главе «Из Норвегии в Карское море» автор описал свое путешествие на пароходе «Коррект», пребывание исследователей на Ямале, занятия местных жителей их быт и численный состав: «По приблизительному подсчету, самоедское население Ямала состоит из 350 душ мужского пола в возрасте от 15 до 50 или 55 лет, которые обложены податью в пользу русского правительства. Судя по этим данным, общая цифра населения полуострова вместе с женщинами и детьми приближается

к тысяче. Принадлежит население к ветви юрацких самоедов, которые также называются «каменными самоедами» (уральскими). И представляют помесь с остяками. Часть их обитает на склонах Урала, к югу от границы Ямала, и насчитывает тоже около двух тысяч душ» [Нансен, 1969, с. 28]. Книга из серии «Дальневосточная историческая библиотека» издана Магаданским книгоиздательством в 1969 году.

Особое место в библиотеке ученого занимают книги по истории освоения Северного морского пути. Популярны и известны многим читателям книги участника многих полярных экспедиций Б.В. Громова «Гибель Челюскина», основателя создания Северного морского пути О. Шмидта «Избранные труды. Географические работы», полярного исследователя В.Ю. Визе. Одна из них «На «Сибирякове» и «Литке» через ледовые поля. Два исторических плавания 1932 и 1934 гг.» о знаменитой экспедиции на ледокольном пароходе «Сибиряков», открывшей новый этап в истории освоения Северного морского пути, трудностях на пути следования и повторении маршрута плавания из Владивостока в Мурманск на ледорезе «Литке». Книга вышла в Московском издательстве «Главсевморпуть» в 1946 году. В собрании В.П. Евладова имеется еще одна редкая книга В.Ю. Визе «Советская Арктика. Моря и острова. Физико-географическая характеристика».

Все книги частного собрания В.П. Евладова были изданы в советское время, в период комплексного изучения и освоения Арктики. Большинство из них вышли в свет в издательствах Москвы и Ленинграда. Исключение составляют несколько книг: рассказы известного советского летчика М. В. Водопьянова, посвященные мужеству советских людей в суровой природной среде Крайнего Севера и Дальнего Востока [Водопьянов]; книга заслуженного деятеля науки Э.П. Зиннера «Сибирь в известиях Западно-европейских путешественников и ученых XVIII века»; книга известного писателя К.Н. Фарутина «В стране сполохов: записки полярника» о путешествии на одну из полярных радиостанций в Арктике на гидрографическом судне «Маяк».

В библиотеке, кроме того, собраны книги серий: «Жизнь замечательных людей» [Алдан-Семенов]; «Страницы истории Советской Родины» [Каневский]; «Герои и подвиги» [Подвигина]; «Полярная библиотека» [Свердруп], «Научно-популярная серия» [Швецов]. В серию «Замечательные географы и путешественники» вошли пять книг, среди которых книга Г. В. Карпова «Исследователь земли сибирской» о выдающемся русском географе и геологе П. А. Кропоткине (1842–1921).

Коллекция книг библиотеки В.П. Евладова — не только уникальное собрание книг по исследованиям в Арктике и Антарктике, но и своего рода памятник тому, кого самоеды (ненцы) на Ямале называли своим другом и для которого даже изготовили специальный мужской пояс, который также хранится в фондах МВК им. И.С. Шемановского.

Иллюстрации к статье в Приложении 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алдан-Семенов А.И. Иван Дементьевич Черский. М.: Молодая гвардия, 1962. 224 с.
- Бадигин К.С. Три зимовки во льдах Арктики. М.: Молодая гвардия, 1950. 544 с.
- Бадигин К.С. Три зимовки во льдах Арктики. М.: Советская Россия, 1960. 496 с.
- Барабаш-Никифоров И.И. Калан, или морская выдра, М.: Советская Азия, 1933. 96 с.
- Беляков А.В. Два перелета. М.: Гос. воен. изд-во наркомата Обороны Союза ССР, 1939. 104 с.
- «В этих книгах скромная труженическая жизнь...»: каталог книг библиотеки М. И. Семевского. СПб., 2002. 72 с.
- Визе В.Ю. На «Сибирякове» и «Литке» через ледовые поля. Два исторических плавания 1932 и 1934 гг. М.: Изд-во Главсевморпути, 1946. 263 с.
- Визе В.Ю. Советская Арктика. Моря и острова. Физико-географическая характеристика. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. 149 с.
- Водопьянов М.В. В воздухе и на земле: рассказы. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1957. 136 с.
- Громов Б.В. Гибель Челюскина. М., 1936. 379 с.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.
- Евладов В.П. В тундрах Я-Мала. Свердловск: Гос. изд-во, Урал. обл. отд-ние, 1930. 68 с.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. 281 с.
- Евладов В.П. Полярная ямальская зимовка. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2008. 306 с.
- Ермашёв И.И. Полярная стратегия и полярная экспансия: стенограмма публичной лекции. М., 1947. 22 с.
- Земля Ямал. М.: Советский спорт, 1998. 184 с.
- Зиннер Э.П. Сибирь в известиях Западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968. 248 с.
- Каневский З.М. Между двух океанов. Из истории освоения советскими людьми Северного морского пути. М.: Политиздат, 1969. 88 с.
- Карпов Г.В. Исследователь земли сибирской. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1961. 56 с.
- Каталог книг библиотеки исследователя Владимира Петровича Евладова (из собрания научной библиотеки Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И.С. Шемановского). Салехард, 2014. 70 с.
- Лёзова С.В. Владимир Петрович Евладов // Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 1. А-Й. 285 с.
- Метельский Г.В. Ямал — край земли. М.: Советская Россия, 1959. 311 с.
- Музейные хроники. 2009. Иваново: Изд. дом «Референт», 2009. 186 с.
- Нансен Ф.В. Страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. 304 с.
- Нансен Ф. Норвежская Полярная экспедиция 1893–96 гг. [оттиск] // Нансен Ф. Во мраке ночи и во льдах. СПб., 1897. С. 433–448.
- Новиков В.Д. Из истории освоения Советской Арктики. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. 216 с.
- Новиков В.Д. Покорение Арктики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 156 с.
- Омельчук А.К. Салехард. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. 112 с.
- Пасецкий В.М. Арктическое путешествие россиян. М.: Мысль, 1974. 230 с.
- Пасецкий В.М. Владимир Русанов. М.: Морской транспорт, 1955. 164 с.
- Пасецкий В.М. «Геркулес» исчезает во льдах: Жизнь и путешествия В.А. Русанова. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1961. 206 с.
- Пасецкий В.М. Петр Анжу. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1958. 40 с.
- Пасецкий В.М. Поиски неведомых земель. М.: Гос. изд-во географ., лит., 1960. 56 с.
- Подвигина Е.П. Академик и герой. М.: Гос. изд-во пол. лит. лит., 1960. 31 с.
- Северный отдел библиотеки Обдорского миссионерского братства. Реконструкция. Л–О: каталог. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2012. 28 с.
- Свердруп Харальд. Во льды на подводной лодке. Л.: Изд. ВАИ, 1934. 122 с.
- Синицын М.С. По ненецкой земле. М.: Географгиз, 1960. 118 с.
- Сдобников В.М. По Арктической тундре. (Очерки натуралиста). М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. 128 с.
- Соляник А.Н. Пятый рейс в Антарктику: стенограмма публичной лекции. М.: Знание, 1952. 32 с.
- Фарутин К.Н. В стране сполохов: записки полярника. Горький: Горьковское кн. изд-во, 1961. 116 с.
- Фучек Ю. Завоевание Северного полюса. Репортаж о действительности, которая превзошла фантазию Жюль Верна. Л.: Гидрометеиздат, 1964. 68 с.
- Чарнолуцкий В.В. В краю Летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 271 с.
- Швецов П.Ф. Мерзлые слои земные. Их распространение и значение. Беседы на геофизиологические темы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 104 с.
- Шмидт О.Ю. Избранные труды. Географические работы. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 212 с.
- Ямало-Ненецкий национальный округ (экономико-географическая характеристика). М.: Наука, 1965. 276 с.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ВАТАН» В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР ЯМАЛА

Рассматривается роль татарской национально-культурной автономии города Салехарда в формировании этнического самосознания, сохранения родного языка, этнокультурных и религиозных традиций татар Ямала.

Ключевые слова: ЯНАО, национально-культурная автономия татар, общественные организации, этнокультурные традиции.

Ямало-Ненецкий автономный округ является многонациональным регионом, в котором в настоящее время проживают представители более 120 народов — как коренных малочисленных народов севера, так и русских, коми-зырян, татар и других, не являющихся аборигенными. Основным фактором притока разноэтничного населения явилось хозяйственное освоение территории, реализация масштабных государственных проектов по развитию нефтегазового комплекса, высокий уровень заработной платы.

Последние десятилетия характеризуются ростом национального самосознания больших и малых народов России, интереса к этнокультурным традициям, к сохранению своей идентичности.

Принятый в 1996 году Закон РФ «О национально-культурной автономии» создал определенную правовую базу для обеспечения культурных интересов этнических меньшинств. Согласно данному закону, национально-культурная автономия (далее — НКА) в Российской Федерации — «это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [Федеральный закон от 17 июня 1996 г. ...].

Статья 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии», с учетом внесенных изменений от 4 ноября 2014 года № 336-ФЗ [Федеральный закон от 17 июня 1996 г. ...], наделила НКА дополнительными правами, что позволяет им быть связующим звеном между государством и обществом в реализации задач по консолидации российского общества и противодей-

ствию межнациональной розни. Кроме того, в задачи НКА входит такая важная составляющая, как сохранение и поддержание национальных традиций, культуры, языка народов, населяющих Российскую Федерацию. Это, в свою очередь, способствует общему духовному возрождению России.

Политика правительства Ямало-Ненецкого автономного округа направлена на сохранение межэтнической толерантности, в том числе через развитие национальных объединений. В 2006 году был принят Закон автономного округа «О государственной поддержке национально-культурных автономий в ЯНАО». Действовала окружная долгосрочная целевая программа «Культура Ямала (2011–2015 годы)». В программу «Поддержка многообразия культурно-досуговой деятельности» включены мероприятия, направленные на обеспечение свободы творчества и участия граждан автономного округа в культурной жизни, сохранение и развитие национальных культур, межнациональных культурных связей и обменов, в том числе — создание условий для сохранения и развития традиционной культуры всех народов, проживающих на территории автономного округа.

В Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. И.С. Шемановского реализуется многолетний проект «Ямал многоликий», в рамках которого совместно с национальными автономиями и диаспорами организуются выставки национальных культур. Ежегодные окружные и городские гранты, конкурсы способствуют работе автономий и диаспор, которые в свою очередь оказывают благотворное влияние на развитие этнической идентичности населения округа [Галеева, с. 250].

В настоящее время в городе Салехард осуществляют свою деятельность 11 некоммерческих организаций, объединенных национальным признаком (плюс два казачьих объединения). Только четыре организации представляют коренные малочисленные народы Севера [Общественные организации г. Салехард].

И это вполне логично, учитывая поликультурность округа, которая складывалась веками.

Татары, наряду с русскими и коми-зырянами, были первыми переселенцами на Обдорский Север. «По данным переписи 1897 года основное население села Обдорское составили зыряне, русские, самоеды, остяки и вогулы, а также несколько татар, евреев и поляков» [Перевалова, с. 347]. С первой четверти XX века миграция татарского населения на территорию Нижнего Приобья носила преимущественно сезонный характер.

На 1930 год приходится начало кулацкой ссылки: ссыльные первой категории выселялись из районов сплошной коллективизации в Северный край, Сибирь, Казахстан и на Урал. Именно начало 1930-х годов стало временем формирования татарской диаспоры в Салехарде [Малхасьян, Селезнев, с. 84]. С тех пор численность татар округа постоянно возрастает. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в округе их проживает 28 509 человек (из них 3 641 в городе Салехарде).

Длительный период проживания в округе в непосредственном контакте с местным населением привел к появлению в ненецком языке слова *х'дьян* (*х'дьян*), что означает «татарин». Неудивительно также, что татары стали основателями одной из первых национально-культурных автономий. Созданная еще в 1992 году Округная ассоциация татар «Ватан» Салехарда пережила несколько реорганизаций и на сегодняшний день оформлена как Национально-культурная автономия татар г. Салехарда «Ватан».

Основные цели организации:

— удовлетворение культурно-просветительных, образовательных и других потребностей татарского населения города Салехарда;

— разработка и реализация практических мер по сохранению и развитию татарского языка, обычаев и традиций, пробуждению национального самосознания;

— взаимодействия с иными тюрко-язычными группами населения города;

— укрепление дружбы между народами [Устав Местной общественной организации..., с. 2].

В 1992 году был открыт Центр татарской культуры на базе Округного центра национальных культур. Именно здесь работала администрация ассоциации, стали собираться вокальные коллективы и группы по интересам.

Из воспоминаний *Рауля Салиховича Ниязова* (родился в 1941 году в поселке Яр-Сале Ямальского района), первого председателя ассоциации «Ватан»: «Когда открылся Центр татарской культуры, я начал работать там методистом. Большое внимание уделял сбору фольклора. Выступал на радио. Вначале на выступление выделяли 10 минут, позже увеличили до 30. Рассказывал о традициях и культуре татарского народа, традиционных праздниках, национальных блюдах».

С 1992 года большую роль в развитии традиции, языка и культуры татарского и башкирского народов играет фольклорный ансамбль «Дуслык». Создан он был по инициативе В.Ш. Абдразаковой, долгое время руководившей ансамблем. По ее словам, для сибирских татар самым трудным было выучить казанский диалект татарского языка, на котором звучали песни. Участники ансамбля переписывали слова и заучивали наизусть [Галеева].

В 2000-х годах группа активистов, руководивших автономией, стала распадаться. Некоторые вышли на пенсию и стали вести более замкнутый образ жизни. Другие уехали на историческую родину, а молодежи, готовой «встать у руля», не нашлось. В это время перестает работать радиопрограмма, закрываются факультативы. Стало ясно, что татарский язык не может в полной мере выступать в роли объединяющего фактора, поскольку большинство им уже не владело. В связи с давней изолированностью от мест компактного проживания татар национально-культурные традиции и обычаи также теряют свою актуальность: по большей части сохранилась лишь национальные кухни, самый яркий праздник — Сабантуй.

Для решения этой проблемы в 2005 году предприняли реорганизацию: Округная ассоциация «Ватан» была закрыта, а на месте возникла Салехардская городская культурно-просветительская общественная организация татар «Ватан». Председателями стали Р.С. Ниязов и И.Р. Аюпов.

В 2009 году выпускницей Казанской государственной консерватории им. Назиба Жиганова Альфией Лукмановой Сеньковой был создан вокальный квартет татарской песни «Йолдыз». Основной целью деятельности коллектива стала организация досуга людей старшего поколения через вовлечение в совместную творческую деятельность; сохранение и популяризация татарской культуры; пробуждение интереса у молодого поколения к традициям своего народа. Основу репертуара составляют народные песни разных жанров: обрядовые, лирические, хороводные, плясовые [Самодетельный коллектив ОЦНК «Йолдыз»].

Венера Фагимовна Шайбакова рассказывает: «Я уже 25 лет живу и работаю в ЯНАО, из них 17 лет в ОЦНК. В начале 2000-х годов явно чувствовалась нехватка активистов из числа татарского населения. Оплотом центра стали вокальные группы «Йолдыз» и «Дуслык», которые вот уже много лет транслируют и сохраняют татарскую культуру. Одной из основных проблем того периода стала нехватка людей, знающих татарский язык».

Оба коллектива существуют до сих пор. Они принимают активное участие во всех творческих проектах Округного центра национальных культур и Центра культуры тюркских народов, в том числе в Округном фестивале творчества тюркских народов «Сабантуй»; Обдорской сельскохозяйственной ярмарке; I Округном фестивале творчества людей с ограниченными возможностями здоровья «Творчество без границ» и т.д.

Один раз в четыре месяца в Центре тюркских народов проводится мероприятие «Чайхана». Каждая встреча имеет свою тематику: национальная татарская одежда, обряды и т. п. Тем самым производится реконструкция и трансляция татарских праздничных обрядов. Представители автономии являются активными участниками и организаторами данных встреч.

На рубеже веков началась легализация и религиозных ценностей на всем постсоветском пространстве. Стремление к поиску духовной идентичности привело многих бывших атеистов к религии предков, в том числе к традиционному для тюркского населения исламу.

В феврале 2001 года в городе Салехарде была открыта мечеть, которую на свои средства построил предприниматель из Норильска, этнический татарин Митхад Бикмеев.

Несмотря на то, что многие татары города Салехарда признают себя лишь «мусульманами по происхождению», они занимают твердую и четкую позицию по вопросам помощи мечети. Так, несколько раз в год силами автономии проводятся субботники в мусульманской части кладбища, генеральные уборки в мечети и на ее территории, производится сбор денег на ремонт. Совместно с имамом в мечети проводятся благотворительные акции, направленные на повышение знаний основ ислама, пропаганду толерантности и противодействие терроризму. Для детей была проведена акция «Ислам — религия добра и мира», а для мам и бабушек — викторина об основах ислама и вопросах касающихся Корана, пророка Мухаммада и его сподвижников.

Члены автономии принимали активное участие во Всероссийской акции «Неделя добра». Руководитель ансамбля «Дуслык» Зульфья Кашапова организовала выступление коллектива и дегустацию национальных блюд. Собранные деньги были переданы в Фонд «Ямине».

На Ямале выросло уже не одно поколение татар, многие из которых воспринимают округ не иначе, как свою малую Родину. Тем не менее, они стремятся сохранить традиции, культуру и язык своего народа.

Судя по результатам исследования, проведенного автором, этническая самоидентификация татар Салехарда имеет устойчивый характер и позитивную направленность. Так, 87% респондентов выражают удовлетворенность своей национальной принадлежностью и только 13% затруднились дать ответ. Преобладающими критериями идентификации стали: «по происхождению» — 60%; «по желанию» — 27%; «по родному языку» — 13% [Галеева, с. 251].

Социально-коммуникативные факторы являются важнейшими при анализе социальной идентичности вообще и этнической в частности. Выстраивая свое коммуникативное пространство, человек позиционирует себя как члена определенной социальной группы, в том числе и этнической. Таким образом коммуникативная сфера может дать нам ответ на вопрос, кем себя считает человек, в каких ситуациях это реально проявляется [Комарова, с. 96]. Результаты опроса показали, что наиболее важными аспектами коммуникации для респондентов являются: 1) культурно-хозяйственный; 2) религиозный; 3) языковой [Галеева, с. 251].

Наиболее остро стоит проблема сохранения родного языка.

На первоначальном этапе деятельности автономии (в 1992 году) помогло открытие филиала Института усовершенствования учителей. *Нурлыхаян Ниязбаковна Уразаева* (родилась в 1939 году в деревне Устамак Тобольского района) рассказывает: «Я работала методистом по татарскому языку, разрабатывала методические программы для факультативных занятий

в школе и детских садах. Проводила семинары для учителей». Далее изучение татарского литературного (казанского) языка происходило лишь путем заучивания текста песен для выступлений коллективами «Дуслык» и «Йолдыз».

Сегодня автономия татар переживает большие изменения. Так, в мае этого года на собрании были проведены перевыборы. На место председателя был выбран *И.И. Насибуллин*, молодой и энергичный общественник, который среди первых задач поставил приобщение молодежи к делам автономии и развитие образовательного компонента — проведения занятий по изучению татарского языка. Был переизбран совет правления в количестве 10 человек. Долгое время основными препятствиями организации изучения татарского языка являлось отсутствие помещения. На сегодняшний день эта проблема частично решена: администрацией города Салехарда на безвозмездной основе было передано помещение, в котором сейчас ведутся ремонтные работы.

В настоящее время в целях изучения и сохранения родного языка проводится следующая работа:

- размещение статей различной тематики на русском и татарском языке на сайте автономии;
- организация различных мероприятий на татарском языке;
- запись в онлайн-школу татарского языка «Ана теле».

Результатами работы автономии стали:

- 24–26 мая 2014 года в городе Туран, Южно-Казхстанской области состоялся 6-й Курултай всемирной ассамблеи тюркских народов. В нем выступил сопредседатель автономии И. И. Насибуллин с докладом: «Сохранение языка сибирских татар: проблемы, пути решения»;
- на всероссийском форуме народного единства в Перми в конкурсе лидеров некоммерческих организаций и общественных объединений, реализующих проекты в сфере государственной национальной политики, первое место в номинации «Лидер общественного объединения» заняла сопредседатель автономии Х. К. Боязитова. Ею был разработан и поддержан проект «Я говорю на родном языке». Данный проект объединяет 6 национально-культурных автономий и диаспор Салехарда. Время проведения — апрель 2016 года.

Таким образом Национально-культурная автономия татар города Салехарда «Ватан» проводит систематическую работу по сохранению и трансляции этнокультурных традиций и уделяет большое внимание проблеме сохранения татарского языка. Число вовлеченных в проекты автономии составляет около 500 человек. Данная деятельность оказывает большое влияние на формирование национальной идентичности молодого поколения татар Салехарда.

Вместе с тем, автономия осуществляет работу по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, укреплению единства российской нации. В этом основа сохранения стабильности, процветания и благополучия Ямало-Ненецкого автономного округа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боязитова Х.К. «Дуслык» означает дружба. [Электронный ресурс] // «Ватан». Татары Ямала: сайт. — URL: <http://tataryamal.ru/index.php/%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B1%D0%B0> (дата обращения 17.12.2015).

Галеева Н.Ф. Этническая идентичность татарского населения города Салехарда // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфсервис, 2015. С. 250–252.

Комарова И.Г. Социокультурные грани этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. № 302. С. 96–100.

Малхасьян А.В., Селезнев А.Г. Татарская диаспора в городах ЯНАО: формирование региональной этнической группы // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. Салехард, 2005. Вып. № 4. С. 81–89.

Общественные организации г. Салехард. [Электронный ресурс] // Салехард. Сайт муниципального образо-

вания. — URL: <http://www.salekhard.org/obschestvennie-organizatsii> (дата обращения 26.01.2016).

Перевалова Е.В. Ямал в Российской империи // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард: Артвуд, СПб.: Русская коллекция, 2000. С. 329–443.

Самодетельный коллектив ОЦНК «Йолдыз». [Электронный ресурс] // Окружной Центр национальных культур: сайт. — URL: <http://ocnk89.ru/samodeyatelnye-kollektivy/35-joldyz> (дата обращения 10.09.2015).

Устав Местной общественной организации «Национально-культурная автономия татар города Салехард «Ватан». Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, 2012. 8 с.

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал. — URL: http://base.garant.ru/135765/1/#block_100 (дата обращения 15.02.2016).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АНО — автономная некоммерческая организация
ВХ — временное хранение
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР
ГБУ — государственное бюджетное учреждение
Главсевморпуть — Главное управление Северного морского пути
ГНЦ — Государственный научный центр
ГУ — государственное учреждение
ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота
ДПИ — декоративно-прикладное искусство
ЗАГС — органы записи актов гражданского состояния
ЗСОИРГО — Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
ИПОС — Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)
КАМИС — комплексная автоматизированная музейная информационная система
МВД — Министерство внутренних дел
МВК — музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского
НВФ — научно-вспомогательный фонд МВК
НПО — научно-производственное объединение
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ОЦНК — Окружной Центр национальных культур (ЯНАО, Салехард)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская Академия наук
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
СГГД — Собрание Государственных грамот и договоров
СНК — Совет народных комиссаров РСФСР
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СХ — союз художников
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ФГБОУ ВО — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФЗ — Федеральный закон
ФЗК — фондово-закупочная комиссия
ФН — фонд фотографий и негативов МВК
ЯНМ — аббревиатура номера основного хранения МВК
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

- Баранов Сергей Михайлович** — заведующий отделом художественного проектирования и дизайна, klad1169@mail.ru
- Гаглоева Нелли Сергеевна** — старший научный сотрудник научно-просветительского отдела, gaglenka@inbox.ru
- Галеева Наиля Фазыловна** — научный сотрудник отдела археологии и этнографии, 13nelia31@mail.ru
- Гурьянова Галина Геннадьевна** — заведующая презентационно-издательским отделом, кандидат исторических наук, доцент, член СХ РФ, galvarf@mail.ru
- Данченко Евгений Михайлович** — заместитель директора, кандидат исторических наук, доцент, danchenko-yamal@yandex.ru
- Карзанова Галина Алексеевна** — старший научный сотрудник отдела естественной истории ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского», karzgalina@yandex.ru
- Копцева Татьяна Валерьевна** — директор MBK, кандидат исторических наук, доцент, tat-kopseva@yandex.ru
- Липатова Людмила Фёдоровна** — старший научный сотрудник, Заслуженный работник культуры РФ, lipatovalf@yandex.ru
- Мазурин Алексей Брониславович** — заведующий отделом новой и новейшей истории, mazurin@mvk-yamal.ru
- Могрицкая Виктория Юрьевна** — старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии, marginalkadenna@inbox.ru
- Перцев Никита Викторович** — научный сотрудник отдела новой и новейшей истории, pertsev1991@list.ru
- Питухин Сергей Вениаминович** — художник-реставратор, psv31059@rambler.ru
- Поленова Галина Александровна** — заведующая научной библиотекой, polenovagalina@rambler.ru
- Самсонова Ольга Николаевна** — заведующая экспозиционно-выставочным отделом, кандидат филологических наук, bliznets70@mail.ru
- Соболева Ольга Вениаминовна** — научный сотрудник отдела естественной истории, fragaria-veska@mail.ru
- Хозяинова Евгения Юрьевна** — заместитель директора, hozyainova@mvk-yamal.ru

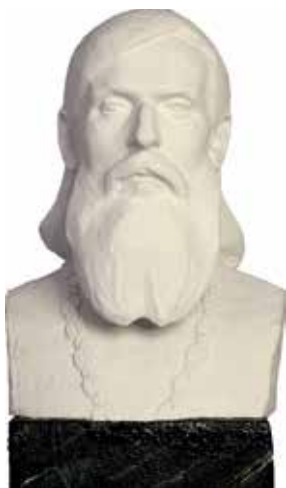

Рис. 1. Автор не известен.
Портрет И.С. Шемановского. 1976. Бетон.
Реставратор Сергей Питухин

Рис. 2. Сергей Дмитриев.
Игумен Иринарх, И.С. Шемановский.
2006. Бронза

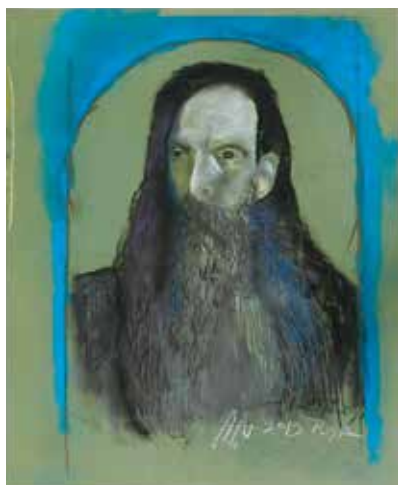

Рис. 3. Артур Никитин.
И.С. Шемановский. 2015. Бумага, пастель.

Рис. 4. Михаил Матвеев, Андрей Вахрушев.
Уходящий из города. Иринарх. 2006. Гипс

Рис. 5. Автор не известен.
Б/н. 1994. Холст, масло

Рис. 6. Фото.
1903. Тобольск

Рис. 7. Фото.
Год не известен. Тобольск

Рис. 8. Сергей Кучерявенка.
И. С. Шемановский. 1995. Холст, масло

Рис. 9. Михаил Канев. И.С. Шемановский.
2011. Холст, масло

Рис. 10. Алексей Гриценко. 110 лет Окружному музейно-выставочному комплексу имени И.С. Шемановского.
2006. Дерево, кость

Рис. 11. Алексей Гриценко. Иринарх.
2006. Дерево, кость мамонта

Рис. 12. Шухрат Сафарматов.
И.С. Шемановский. Металл

Рис.1. Каталог книг библиотеки исследователя Владимира Петровича Евладова

Рис. 2. В.П. Евладов «В тундрах Я-Мала»

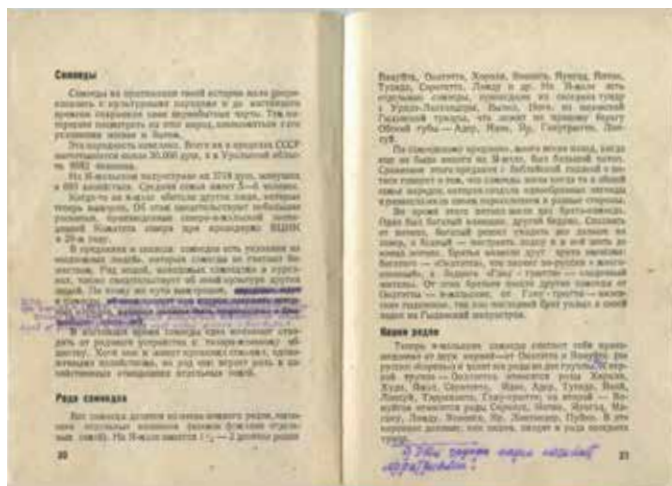

Рис. 3. «В тундрах Я-Мала», с. 21

Рис. 4. В.В. Чарнолуцкий «В краю Летучего камня»

Рис. 5. Внутренняя обложка верхней крышки переплета книги В.В. Чарнолуцкого «В краю Летучего камня»

Рис. 6. Внутренняя обложка нижней крышки переплета книги В.В. Чарнолуцкого «В краю Летучего камня»

Рис. 7. Г.В. Метельский «Ямал-край земли»

Рис. 8. Титульный лист книги Г.В. Метельский «Ямал-край земли»

Рис. 9. Г.М. Метельский «Ямал-край земли», стр. 195

Рис. 10. К.С. Бадигин «Три зимовки во льдах Арктики»

Рис. 11. Фритъоф Нансен «В страну будущего»

Рис. 12. В.Ю. Визе книга «На «Сибирякове» и «Литке» через ледовые поля. (Два исторических плавания 1932 и 1934 гг.)»

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого автономного округа
ВЫПУСК № 1 (90)
2016 г.

Государственное казенное учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
629008, г. Салехард, ул. Республики, 73, оф. 624
E-mail: voronenko@arctic89.ru

Подписано в печать 20.07.2016 г.
Формат 60x90x1/8. Печать офсетная. Усл. печ. листов 11.
Гарнитура «Myriad Pro», «FrizQuadrataCTT». Заказ А-533. Тираж 100.
Изготовлено ООО «Аксиома», тел. (3452) 41-99-30
г. Тюмень, ул. Минская, 3г, корп. 3

